

Андрей Колесников

раздвоение в ВП

как **Путин**
Медведева
выбрал

библиотека **Коммерсантъ**

$$\begin{array}{r} 87102 \\ - 4318 \\ \hline 82784 \end{array}$$

2

Москва ЭКСМО 2008

библиотека **Коммерсантъ**

Андрей Колесников

раздвоение в вп

как **Путин**

Медведева

выбрал

МОСКВА

ИД «КОММЕРСАНТЪ»

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭКСМО»

2008

УДК 324
ББК 66.3
К 60

Под общей редакцией Александра Соловьева

Фото на переплете Дмитрия Азарова

Дизайн Андрея Ирбита

Колесников А.

К 60 Раздвоение ВВП: как Путин Медведева выбрал / Андрей Колесников. — М.: ИД «Коммерсантъ»; Эксмо, 2008. — 336 с.

ISBN 978-5-699-28063-6

Кого выбрала Россия в президенты в 2008 году? Кто и как подготовил и провел самую масштабную кадровую комбинацию в новейшей истории России? Наконец, кто такой Дмитрий Медведев — клон Путина или самостоятельная политическая фигура?

Книга репортера ИД «Коммерсантъ», журналиста кремлевского пула Андрея Колесникова, дает ответы на эти вопросы. Читатели станут свидетелями захватывающего описания политической карьеры Дмитрия Медведева от замглавы Администрации Президента Российской Федерации до избранного президента. Вместе с автором вы сможете проследить, как Путин выбирал и готовил себе преемника, что считал нужным сообщить по этому поводу людям, а о чем — умолчать. Вам откроются методы и приемы кремлевской политической конкуренции. И никакой конспирологии — только факты!

УДК 324
ББК 66.3

Все права защищены. Никакая часть настоящего издания ни в каких целях не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, если на это нет письменного разрешения издателя.

© ЗАО «Коммерсантъ. Издательский дом», 2008

© Оформление. ЗАО «Коммерсантъ.

Издательский дом», 2008

© ООО «Издательство «Эксмо», 2008

ISBN 978-5-699-28063-6

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	6
От автора. Свято место первым не бывает	9
глава 1. Неназванный преемник.....	13
глава 2. Утвержденный администратор.....	71
глава 3. Назначенный вице-премьер.....	95
глава 4. Рассмотренные претенденты.....	175
глава 5. Выдвинутый кандидат	237
глава 6. Избранный президент.....	313
Указатель	330

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда вы будете читать эту книгу, инаугурация Дмитрия Медведева уже состоится, и из избранного президента он превратится в простого президента Российской Федерации. Три года эксперты, политологи, журналисты и другие обыватели гадали: кто следующий после Путина? Медведев или Иванов? Или кто-то третий? А кто третий? Не Путин, нет?

Андрей Колесников, журналист кремлевского пулаИД «Коммерсантъ», известный прежде всего своими книгами о Путине («Я Путина видел!», «Меня Путин видел!», «Увидеть Путина и умереть. Документальные

истории»), на самом деле видел не только Путина. Но и Медведева, и Иванова, и многих других. Тех, кто задумывал, готовил и руководил управляемым процессом передачи власти от президента своему избраннику. Интригующую хронику этого процесса мы вам и представляем.

Начинается книга, правда, не с самого Дмитрия Медведева, а с Владимира Путина, точнее, с его размышлений о преемнике, о качествах, которыми должен обладать такой человек, и о том, что он, Владимир Путин, сделал, чтобы его найти.

Следующие главы посвящены аппаратной карьере Дмитрия Медведева от замглавы администрации президента Российской Федерации до кандидата в президенты России, выдвинутого сразу четырьмя партиями. Каждому этапу этой карьеры посвящена отдельная глава, а наиболее объемной стала, что неудивительно, та, которая описывает его работу на посту первого вице-премьера. Главным содержанием этой деятельности было курирование нацпроектов — задача, сама постановка которой позволила многим экспертам посчитать Медведева основным кандидатом в преемники. Впрочем, другие эксперты тут же получили возможность возразить, указав, что Сергей Иванов, также в ранге первого вице-премьера, получил едва ли не более серьезный объем работ, а вместе с ним — и больший аппаратный вес. Сергею Иванову и другим конкурентам Дмитрия Медведева в деликатной борьбе за доверие Владимира Путина также посвящена отдельная глава.

Заканчивается книга совсем небольшой главой о выборах и новом статусе Дмитрия Медведева, добавившем в его политический гербарий новую деталь, способную стать украшением коллекции, — должность президента страны.

СВЯТО МЕСТО ПЕРВЫМ НЕ БЫВАЕТ

от автора

РЕЙТИНГ ЖУРНАЛА «КОММЕРСАНТЪ ДЕНЬГИ» ПО ИТОГАМ I КВАРТАЛА 2004 ГОДА

СОБЫТИЯ, ВЫЗВАВШИЕ НАИБОЛЬШИЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕЗОНАНС В РОССИИ В I КВАРТАЛЕ 2004 ГОДА:

- отставка Михаила Касьянова;
- катастрофа в аквапарке «Трансвааль»;
- теракт в московском метро;
- формирование нового состава правительства. Силовой блок правительства, напрямую подчиняющийся президенту, изменений не претерпел. Премьер-министром стал Михаил Фрадков;
- выборы президента России, на которых победил Владимир Путин.

Чем же отставка Касьянова была серьезнее победы Путина? Вроде бы, все должно быть наоборот. Ведь это президент Путин освободил премьера Касьянова от занимаемой должности. Не был бы Владимир Путин президентом, и не случилось бы этой отставки.

И вообще, неизвестно, что именно случилось бы в мире людей. На первый взгляд от выбора президента России вроде бы зависит очень многое. Собственно говоря, все остальные события квартального рейтинга зависят, казалось бы, от этого. А оно на третьем месте. А на втором — назначение Михаила Фрадкова. А кто, кстати, назначил Михаила Фрадкова?

И вот я думаю, отчего жизнь так несправедлива к Владимиру Путину? Вроде бы все он делает как надо, и даже делает это с душой. Он старается. Он даже признается, что если и дальше так будет работать, то сой-

дет с ума. И я верю — обязательно и дальше будет так работать.

Но вот чем больше он старается, тем отчетливее, мне кажется, понимает, как мало от него что-то зависит. Он даже достойное место в рейтинге не может себе обеспечить всеми своими стараниями.

Не исключено, что он устал. Мало кто еще чувствует это, кроме, быть может, его самого. И он уже на самом деле с облегчением думает о том чудном мгновении, когда сложит с себя обязанности и для начала пойдет и скажет некоторым людям, что он о них все это время думал. Одному он скажет, что на самом-то деле человек этот все эти годы был слаб как менеджер и оставляет желать лучшего как человек.

— Так за что же вы, Владимир Владимирович, — расстроенно спросит этот человек, — держали меня рядом с собой все эти годы? Зачем я был вам нужен на этом участке ответственной работы?

— Если бы просто держал, — вздохнет Владимир Путин. — Мешали вы мне очень. Как же вы мне все эти годы мешали!

— Тогда зачем?!

— Да я и сам не знаю, — ответит Владимир Путин. — Ну, не увольнять же вас было.

Ведь он в этот день всем будет говорить одну только правду и ничего, кроме правды.

Потом он пойдет к Михаилу Касьянову и Александру Волошину и извинится перед ними. Перед Александром Волошиным извинится за то, что, когда тот уходил, не поверил ему, что уходит глава администрации.

стракции не оттого, что и сам страшно устал и не собирается больше надрываться и тащить этот воз, а только оттого, что понял: его начальник и человек, чьим мнением он, честно говоря, дорожил (теперь-то можно в этом признаться), что-то перестал дорожить его мнением.

И Владимир Путин извинится перед ним за то, что так оно и было. Да, перестал — как-то само собой все получилось. А перед Михаилом Касьяновым Владимир Путин извинится за то, что вынужден был уволить его, ну просто вынужден был. Обстановка тогда была такая...

— Да вы и сами все помните, — виновато покрутит он пуговицу у него на пиджаке.

— Помню, — вздохнет и Михаил Касьянов. — Свежо все, не буду скрывать, в памяти. Буквально каждое ваше слово до сих пор в ушах звучит.

И Владимир Путин, еще 15 секунд покрутив все тоже пуговицу, скажет, что так-то он на него никакого зла не держит.

Извинится Владимир Путин и перед Михаилом Фрадковым — за то, что назначил его премьером.

И вот когда он сделает все это, а я про это случайно узнаю и напишу, его рейтинг взлетит уже до небес. И Владимир Путин, назначенный его собственным преемником на ответственный участок работы, уверенно займет в нашем квартальном отчете первое место.

Андрей Колесников,
12 апреля 2004 года

НЕНАЗВАННЫЙ ПРЕЕМНИК

глава 1

В конце лета 2005 года я летел из Барнаула в Москву «основным бортом» российского президента и разговаривал с Владимиром Путиным о том, о чём его долгое время не решались спросить не только журналисты, но и ближайшее окружение.

Я был на похоронах алтайского губернатора Михаила Евдокимова. В Барнаул полетели несколько журналистов из кремлевского пула. Так вышло, что в середине дня мы разделились. Я попал в больницу, где в тяжелом состоянии лежала вдова губернатора. Президент заходил к ней, и они о чём-то довольно долго говорили. Я стоял в коридоре, где алтайский хирург рассказывал, что она получила травмы, не совместимые, они думали, с жизнью, но она пришла в сознание. Врач говорил, что до сих пор никто ей не смог сказать, что ее мужа нет в живых. Это предстояло, видимо, сделать Владимиру Путину.

Остальные журналисты до больницы не доехали и улетели в Москву «передовым бортом». Билета на рейсовый самолет у меня не было. Пресс-секретарь президента предложил помочь. Так я оказался на «основном борту».

Моим соседом был личный врач президента. Он рассказывал, что за пять лет не пропустил еще ни одной командировки президента и что ни в одной из них его помочь по серьезному поводу, к счастью, не потребовалась.

— Покушайте, — сказал он мне, — вы же, наверное, проголодались.

Профессионал определил это по каким-то, видимо, безоговорочным для него признакам. Скорее

всего, по моему взгляду на поднос с едой, который уже лежал передо мной на откидном столике. Но притронуться к ней я не успел: меня позвали в соседний салон.

Там я увидел побогаче накрытый стол и президента страны. Он пригласил садиться. Всего нас было пятеро: он, я, его помощник, пресс-секретарь и шеф протокола.

Президент предложил выпить. Я отказался:

— Я не пью.

— Придется, — сказал он. — Не чокаясь.

Автокатастрофа, в которую попал Михаил Евдокимов, произвела на Владимира Путина, судя по всему, огромное впечатление. Их отношения не были только рабочими, президента и губернатора. Однажды господин Путин летал в Чечню и, когда возвращался на вертолете, предложил подвезти Михаила Евдокимова, который еще тогда не был губернатором и приехал в Чечню как артист. По дороге вертолет обстреляли. Так что Михаил Евдокимов был для Владимира Путина не чужим человеком.

— Странная история с этой аварией, — сказал Владимир Путин. — Почему все-таки у него не было сопровождения? Оно бы не позволило его машине идти с такой скоростью.

— Так сняли же сопровождение, — сказал я. — За несколько дней до аварии.

— Да я знаю, — ответил президент. — Меня интересует, зачем.

Он так и сказал: не почему, а зачем.

— Ну, про это тоже все говорят в Барнауле, — сказал я. — Известно же, что у него с депутатами конфликт неразрешимый. Начальник УВД, говорят, поддерживал их.

— А вы знаете, что он последние три месяца вообще на Алтае не был? — спросил Владимир Путин. — Он просто не хотел, не мог заставить себя поехать туда. Ему было морально тяжело.

— Весь Барнаул говорит, что его убили, — сказал я.

— Вы серьезно? — переспросил господин Путин. — Разве не понятно, что это такое роковое стечние обстоятельств?

— Когда барнаульского мэра незадолго до этого убили, тоже, говорят, было роковое стечание. Но что такое роковое стечание? Вы же сами говорите: если бы было сопровождение, ничего не произошло бы.

Владимир Путин взял трубку телефона, стоявшего на столе (желтая «вертушка» с гербом), и попросил соединить его с генпрокурором. Когда соединили, он вышел из комнаты, где мы сидели. Его не было пять минут.

Когда он вернулся, мы продолжали говорить уже на другие темы. Один из собеседников знал, что у меня вышла книжка «Первый украинский» про «оранжевую революцию», и спросил, с кем, как мне кажется, на Украине сейчас можно иметь дело. Я искренне ответил, что ни с кем.

Господин Путин слушал, мне казалось, бесконечно рассеянно.

Тогда я уже сам спросил его о том, что меня, собственно говоря, и интересовало:

— А вы с преемником-то определились?

— В принципе да, — кивнул он. — Да ведь тут особых проблем нет. Но надо, конечно, еще посмотреть. Два, кажется, кандидата есть? Я точно не помню.

Он посмотрел на своего помощника. Тот кивнул.

— Правда, оба мне пока не кажутся стопроцентным вариантом.

Я слушал очень внимательно. Так внимательно, как я слушал сейчас, я не слушал, кажется, никогда.

— Да разберемся, — добавил президент. — Край непростой, конечно. Но это не главная сейчас проблема.

— Погодите! — не удержался я и перебил его. — Вы что, про Алтайский край сейчас говорили?

— Да, — удивился он. — А вы что подумали?

Я внимательно посмотрел на него. У меня было ощущение, что со мной сейчас поступают довольно безжалостно.

— Да нет, я про вашего преемника, — сказал я.

— А-а, — ответил он. — Про моего. Ну, понятно.

— И что?

— А что?

— Определились?

— А почему вас это так интересует?

— Потому что это всех интересует. И вас, по-моему, это интересует не меньше, чем всех остальных.

— Ну, — произнес он, — допустим, я определился.

— Тогда давайте вы нам скажете, — от всей души попросил я.

Я подумал, что можно еще добавить, что я никому больше не скажу. Я подумал, что могу сейчас пообещать что угодно.

— А вы считаете, что надо уходить? — поинтересовался он.

— Конечно, — искренне ответил я.

— Что, так не нравлюсь? — спросил он.

Я должен был что-то ответить. В конце концов мы просто сидели и ужинали.

— Что, — спросил он, не дожидаясь ответа, — вы считаете, не надо менять Конституцию?

Это была подсказка.

— Конечно, не надо. Вы сами знаете, что не надо.

— А почему, кстати? — спросил он.

Он первый раз смотрел, по-моему, с настоящим интересом.

— Потому что, если вы сейчас что-нибудь в конституции поменяете, через год от нее вообще ничего не останется.

«Оно вам надо?», — хотел добавить я.

— А, ну ладно, тогда не будем, — легко согласился этот человек.

— Так кто преемник? — еще раз спросил я.

— Скажите, если бы это был человек, который был бы во всех отношениях порядочный, честный, компетентный, вот вы бы, лично вы стали бы помогать, чтобы он стал президентом? — спросил он.

Я поразился мгновенной перемене ролей.

— А почему я должен помогать? Я работаю журналистом. Я никому не должен помогать.

— Нет, ну вы гражданин тоже. Вот почему бы вам не помочь стать президентом честному человеку?

— Вы ему лучше меня поможете.

— Нет, ответьте! — продолжил он. — Почему на меня не смотрите?

Я и правда смотрел куда-то левее и выше него.

— Что, портрет Сталина там хотите найти? — добавил он.

— Портрет Путина, — ответил я.

— Засчитывается, — кивнул он. — Но и его там нету. Ну так что, будете помогать?

— Не буду.

— Ну а если человек-то хороший? — неожиданно сказал он. — И честный. И порядочный. И компетентный. Такому помогли бы?

Мне вдруг показалось, что он на самом деле говорит о конкретном человеке.

— Такому помог бы. Но такого нет, — произнес я.

— О! — кивнул он. — Все-таки помогли бы. Ну вот, а вы не хотели отвечать.

Он был, по-моему, очень доволен этой победой.

— Да не собираюсь я никому помогать. Вы можете сказать, что это за человек? — сказал я.

— Вам понравится, — ответил он после некоторого молчания.

И я потом долго смотрел на некоторых людей в Кремле и гадал: он мне нравится или нет? А вот он? Или он?.. Нет, он не понравится никак. Ну, значит, он, слава Богу, не будет преемником. А вот он... Ну да... Или просто его бросили на самое течение и смотрят: выплы-

вет или нет?.. Так, ломал голову я. Президент думает, что человек, с которым он определился, мне понравится. Но я ведь понимаю, кто мне может понравиться... Думая об этом, не так уж и сложно сойти с ума. И не этого ли, кстати, добивался господин Путин, произнося все это?

Впрочем, он больше не собирался говорить на эту тему.

Позвонил телефон. На этот раз президент не стал выходить из комнаты. Его соединили, судя по всему, снова с генпрокурором.

— Понимаю... Да, слышу... — говорил господин Путин. — То есть вы проанализировали ситуацию и считаете, что это должно быть мое решение? Все, спасибо.

На следующий день начальник Алтайского УВД, по распоряжению которого Михаила Евдокимова лишили охраны, был уволен.

Разговор продолжался. Я говорил о том, что меня интересовало. Ну, про свободу слова, про что же еще. Я сказал, что на телеканалах ее нет и что нормального человека это не может устраивать.

Он спросил:

— А что именно вас не устраивает?

— Меня не устраивает, что через некоторое время после того, как арестовали Ходорковского, у меня прошло ощущение, что я живу в свободной стране. У меня пока не появилось ощущения страха...

Я хотел добавить: «Но, видимо, вот-вот появится», но он перебил:

— То есть ощущение абсолютной свободы пропало, а ощущения страха не появилось?

— Да, пропало ощущение, которое было при вашем предшественнике, — сказал я.

— Но ощущения страха не появилось? — еще раз уточнил он, казалось, размыщляя над тем, что я говорю.

— Пока нет, — ответил я.

— А вы не думали, что я, может быть, такого эффекта и стремился достичь: чтобы одно состояние пропало, а другое не появилось?

— Не думал, — ответил я. — Не ожидал.

Он пожал плечами и снова сделался безразличным.

Я настаивал:

— Ну так что, освободите телеканалы?

— Да никто их не захватывал. Телевидение сейчас такое же, какое общество.

— А вам оно нравится?

— Мне — нет, — неожиданно ответил он.

— Ну так надо менять! — обрадовался я.

— Ну, вместе и будем менять. Вы думаете, так просто — поменять? Поменяем. Но не будет возврата к тому телевидению, которое было тогда, в то время, о котором вы говорите. Это время прошло. Его нет больше. Оно не вернется. Забудьте.

Он, казалось, убеждал в этом не только меня.

После этого разговора я понял, что уже тогда он знал, кто будет его преемником. И еще два года потратил на то, чтобы убедить себя в том, что прав.

Возможность лишний раз убедиться в том, что все уже решено, представилась, например, в мае 2006 года, когда президент России встретился с руководством Всероссийской государственной телерадиокомпании по случаю ее 15-летия и с обезоруживающей, можно сказать, искренностью рассказал о том, что занимает его мысли: об антикоррупционной атаке, о поисках преемника и об отношениях с США и Украиной.

✓ 21 сотрудник ВГТРК сошел с трапа самолета в аэропорту Адлера накануне вечером. Пережив ночь в ожидании встречи с Владимиром Путиным в гостинице «Рэдиссон-Лазурная», творческий коллектив прибыл в сочинскую резиденцию президента России «Бочаров ручей». Здесь их ожидал еще один творческий коллектив — кремлевский пул журналистов, присоединившийся по воле звезд к именинникам за праздничным столом на «завтраке с ВГТРК». Именно так был определен формат этого мероприятия.

Господин Путин поздравил собравшихся с юбилеем и сказал, что «продукт, который ВГТРК предоставляет в наше распоряжение», является очень важным для страны, «которая находится на переломном пути своего развития, и здесь каждое слово имеет значение для миллионов людей».

Убежден, что господин Путин говорил совершенно искренне. Именно тем, что он уверен в безотказном влиянии телевидения на умы миллионов людей, и объясняются его телепристрастия.

Глава ВГТРК Олег Добродеев коротко, может, даже слишком, рассказал о планах телеканала (мы узнали,

что в ближайшее время все-таки появится информационный канал) и предложил задавать вопросы. Телеведущий Дмитрий Киселев поинтересовался, как готовилось президентское послание, «которое сейчас обсуждает весь мир», и «на каком этапе появилась эта фраза “товарищ волк знает, кого кушать”».

Владимир Путин ответил удивительно подробно. Мне показалось, он вообще-то очень хотел об этом рассказать. Ему нечего было стыдиться того, как готовилось это послание, ибо единственным его автором, как можно было понять из этого увлекательного рассказа, был он сам.

— С учетом наших растущих возможностей я посчитал необходимым сосредоточиться на тех основных угрозах, которые, как мне представляется, страна должна, во-первых, точно идентифицировать. Каждый гражданин должен знать эти угрозы, — заявил господин Путин. — И во-вторых, дать свое видение того, как мы будем их преодолевать.

Таким образом, подтвердилось подозрение, в которое очень не хотелось верить: мы живем во враждебном окружении, в мире, состоящем из угроз и вызовов, производством которых занимается противник. Его и вероятным назвать уже неправильно. Нет, это просто невероятный противник. ✓

Самая главная угроза исходит, впрочем, как всегда, от нас самих.

— Мне кажется, — сказал президент, — что я нашел тот вопрос, который действительно является объединяющим всю нацию. Все понимают эту угрозу

для страны — демографический спад. Огромная территория, Россия — самая большая страна в мире, и если так дальше будет продолжаться, то ее просто некому будет охранять!

Так стало понятно, для чего нужен демографический взрыв.

— Что же у нас за страна такая, — с горечью спрашивал Владимир Путин собравшихся за столом людей, — которая не может обеспечить воспроизведение самих себя?

Собравшимся, казалось, нечего (или нечем) ответить на этот упрек. Ответ на него был только у президента:

— Ясно, что это проблема всех постиндустриальных стран! Но мы и в постиндустриальном, и в переходном состоянии оказались одновременно! Мы оказались в состоянии ломки экономической, политической, моральной — какой хотите!

Затем президент напомнил собравшимся (если они вдруг на секунду расслабились за сырниками и забыли), что мы живем в условиях и террористической угрозы тоже:

— Начиная с 1999 года, когда я стал премьером, а потом президентом, нельзя было думать о каких-то крупномасштабных задачах, их решениях, когда у нас страна трещала по швам. По сути, шла гражданская война.

Впервые он назвал события в Чечне не просто войной, но и гражданской войной. Очевидно, президент мог позволить себе это, ибо считал, что в этой

войне уже есть победитель. То, что он говорил дальше, подтверждало эту мысль.

— На сегодня, хочу обратить внимание, не знаю, заметили вы это или нет, впервые за 26 лет наша армия нигде не воюет, — продолжал господин Путин. — Для примера: ВДВ собирались на российской территории и занимаются боевой подготовкой. Даже расквартированная в Чеченской Республике 42-я дивизия уже подготовила себе полигоны, учебные центры, и она занимается уже текущей боевой подготовкой. Да, время от времени приходится показывать, что у нас там и армия есть, но в целом мы на Кавказе и в Чеченской Республике справляемся силами внутренних войск МВД России.

Чрезвычайно интересным был рассказ о том, как готовилось послание.

— Для начала я просто сформулировал то, что хотел бы сам увидеть, руководству администрации, — сказал президент. — Получил, так сказать, предварительный макет этого послания. Коллеги на меня не обидятся... Я посчитал, что он не соответствует тому, о чем я хотел бы сказать.

То есть президент прямо сказал, что его администрация с задачей не справилась, хотя задача на первый взгляд и не отличалась особенной сложностью. Надо было всего-навсего обработать мысль президента.

Пошел, можно сказать, на крайнюю меру:

— Я пригласил руководителя администрации, продиктовал ему план: первое, второе, третье... Помимо, из восьми пунктов. Потом пригласил некото-

рых министров, сначала из экономического блока — министра финансов, министра экономического развития и торговли, с ними переговорил... Потом то же самое сделал с министрами социального блока. Попросил доложить мне об исполнении поручения, связанного с преодолением демографических проблем... Министерство предоставило свои соображения. То же самое сделали и Министерство иностранных дел, и Министерство обороны.

Владимир Путин признался, что и после этих экстренных мер проблем не стало меньше. Просто никто, такое впечатление, не хотел работать над его посланием или просто не в состоянии был понять, чего хочет президент.

— Так как наиболее сложный с точки зрения финансового обеспечения, конечно, демографический вопрос, то мне пришлось несколько раз собирать министров экономического и социального блока, — продолжил президент. — После этого я поручил согласовать некоторые моменты между всеми ведомствами первому заместителю председателя правительства Дмитрию Анатольевичу Медведеву. Он их собирал еще несколько раз, а потом объявил, что некоторые разногласия преодолеть не удается.

Таким образом, и Дмитрий Медведев не справился с порученным ему делом.

— И мне пришлось собрать их еще раз всех вместе, — не без удовольствия, кажется, вспоминал Владимир Путин, — в том числе представителей администрации и юристов. На этом совещании были

приняты окончательные решения по цифрам и по срокам. И эти решения пришлось принять мне. После этого нужно было только оформить эти договоренности, положить их на бумагу. Когда это было сделано, то мы вместе с руководителем администрации начали достаточно подробно и плотно работать над текстом, чтобы логично одно вытекало из другого. Ну и чтобы в течение часа люди не уснули, а слушали внимательно. А что касается вот этих лирических отступлений, о которых вы упомянули, они рождались фактически в ходе изложения послания, — улыбнулся Владимир Путин.

И эти воспоминания тоже доставили ему удовольствие.

❖ Президент, судя по всему, чувствовал себя все более комфортно в компании именинников. Он рассказал, что думает про такое зло, как коррупция:

— С коррупцией, так же как и с некоторыми другими проблемами общества, вряд ли кому-нибудь удается справиться окончательно. Она так или иначе присутствует во всех странах мира — и в Европе, и в США. Только сейчас сотрудника ЦРУ, как у нас говорят в определенных кругах, упаковали. И конгрессмена, по-моему, вместе с ним или чуть раньше — тоже за коррупцию. Посмотрите, в Испании, в Марбелье вообще всех пересажали. А в Южной Корее? Руководителя крупнейшей корпорации в наручниках выводят. Это такая штуковина, которая, к сожалению, присуща всем; наверное, всегда так было. Но это не значит, что с этим не надо бороться. Уровень коррупции может

быть разным. Я полагаю, что у нас сегодня он недопустимо высок.

Тогда я спросил господина Путина о «коррупционных» отставках в силовых структурах, которые случились накануне. Было любопытно, случайно ли эти отставки совпали по времени с посланием господина Путина. Не начало ли это реализации идей, заложенных в послании? И не последуют ли за отставками госслужащих «отставки» бизнесменов? (Судя по тому, что председатель Совета Федерации господин Миронов подписывает представления на снятие депутатской неприкосновенности с сенаторов, не чуждых бизнеса, последуют.)

— Это, конечно, не совпадение, — заявил президент. — Специально к посланию этого, конечно, никто не делал. Работа логически подошла к тому завершению, которое мы с вами видим. Работа не закончена, и не только в сфере таможни.

Ключевой в ответе была, разумеется, последняя фраза.

Глава ВГТРК попросил уточнить, что для господина Путина главное в послании. Президент ответил, что экономика. Но снова — по той причине, что «мощь государства определяется прежде всего экономической мощью... Сначала Карл Маркс, а потом Фрейд и прочие...»

Корреспондента «Труда» Ольгу Соломонову интересовали поиски преемника. Владимир Путин ответил так, что мало не показалось:

— Я думал об этом с 1999 года, как минимум с 2000-го, сразу после президентских выборов. И сей-

час думаю. У меня есть определенное представление о том, как можно было бы выстраивать ситуацию в стране в тот период. С тем, чтобы не дестабилизировать ее. Не пугать людей. С тем, чтобы бизнес не пугать. Вы знаете, в бизнесе, может быть, что-то кому-нибудь нравится, а кому-то не нравится. А есть такие, которым нравится то, что происходило с известной компанией. Есть те, которые специально подрабатывали эту ситуацию. Но в целом все — и бизнес, и рядовые граждане — дорожат ситуацией, которая сложилась сегодня. Спокойная, ровная, стабильная ситуация.

Трудно сказать, почему господин Путин, размышляя о преемнике, сразу вспомнил про компанию «ЮКОС» и ее главу Михаила Ходорковского. Это очень трудно сказать.

— И представители бизнеса, — продолжил он, — и рядовые граждане — все задумываются о том, что будет после рубежа 2008 года. Все об этом думают. Я это тоже понимаю. И я не считаю и вправе говорить: все, ребята, я пост сдал, привет горячий. А там как хотите, так и разбирайтесь. Так не будет, конечно. Я буду ответственно относиться к исполнению своего долга до последней минуты исполнения обязанностей президента страны. Это значит, что я должен думать о том, как будет развиваться ситуация. Вообще, как мне представляется, если начать навязывать кого-то, то реакция может быть обратной. Но я считаю себя вправе высказать свою точку зрения и свое мнение. По тому или иному кандидату. Я тоже гражданин России и имею право на свое мнение. И я это сделаю.

Президент, таким образом, предупредил, что до марта 2008 года его не надо считать «хромой уткой» и что он приложит усилия для того, чтобы никто его ею не считал. Для этого ему придется как можно позже озвучить стране свое мнение как гражданина России.

Ненадолго президент вернулся к посланию и своей делающейся на глазах знаменитой фразе про оголодавшего волка и подтвердил, что у него было желание добавить еще несколько слов.

— Но я боялся, что меня дальше понесет, не смогу остановиться, — честно признался президент.

Появились вопросы у Николая Сванидзе. Он спросил, не означает ли все это «ужесточения международной линии».

— Нет, не означает, — ответил господин Путин. — Как это ни странно звучит, совсем не означает. Это означает только одно: мы будем отстаивать свои интересы. У наших заокеанских друзей зона национальных интересов — весь земной шар. И они не стесняются об этом говорить. Просто они прямо об этом заявляют. А наши где тогда интересы? Вот ваши где? Я бы не хотел, чтобы, когда я говорю «наши», вы думали, что это — мои. Я через два года уйду... А ваши — где? Ваших детей, внуков? Мы хотим жить с ними нормально. Мы хотим с ними дружить. Мы хотим, чтобы они чувствовали в нас партнеров. Относились к нам с уважением. Лес есть лес, нас же медведями называют, русских людей! Здесь нет ничего особенного.

Господин Путин дал понять, что считает не оправдавшимися надежды заокеанских друзей на то, развал Советского Союза — только первый этап развала России.

— Они должны это осознать, — заявил он. — И начать относиться к нам с уважением. Так же, как и мы к ним относимся.

Фраза господина Путина о том, что он уйдет через два года, произнесенная в таком нервном напряжении, стоила, на мой взгляд, всех разговоров о его третьем сроке. Уйдет.

— Что касается оборонной стратегии: если проводить мирную внешнюю политику, действительно мирную, а не так, как в Советском Союзе говорили: «Миролюбивая внешняя политика»... — продолжил господин Путин. — Так вот, если не совать свой нос в чужие дела и не объявлять весь мир зоной своего влияния, то для обеспечения собственной безопасности нам имеющихся ресурсов вполне достаточно для того, чтобы абсолютно надежно гарантировать нашу безопасность, несмотря ни на какие-то там чьи-то перспективные разработки. Потому что асимметричный ответ всегда в десять раз дешевле.

После этого президента спросили про Украину. Кто-то из сотрудников ВГТРК интересовался, не стоит ли начать пользоваться, как когда-то в Германии, концепцией «разделенной страны», говоря об Украине и России (в надежде, видимо, что произойдет воссоединение). По мнению Путина — не стоит, потому что «разделение Германий произошло в результате войны,

борьбы с нацизмом, в соответствии с тем, как были определены зоны оккупации».

И снова он решил высказаться на тему, которой раньше никогда не касался.

— Есть ли что-то политическое в энергетике и т. д.?.. Прежде всего наши решения по повышению цен на газ для Украины — это экономические решения. Почему мы должны 15 лет... Нам до сих пор пытаются сказать, что мы резко там... Как резко? 15 лет!.. И каждый год говорим одно и то же, каждый год. А в прошлом году начали с марта... Договорились. Они просто не хотят! Договориться договорились — на крыло, все, и не поймать было никого за хвост, никто разговаривать не хочет! Довели специально до ноября, когда начали кричать: «Караул, грабят!» Зима, дети, пенсионеры... А у нас тоже зима и тоже дети и пенсионеры... Но есть какой-то политический аспект? Есть он или его нет? Ну, есть, наверное. Одно дело, когда вы говорите: «Это наше общее культурно-историческое пространство», а другое дело, когда они говорят: «Знаете что, ребята, вы так считаете, а у нас свое мнение». Это говорит нам сегодняшнее руководство Украины. Мы пойдем вот туда — и говорят нам, куда. Ну что мы можем сделать?

Владимир Путин сделал небольшую паузу — кажется, только для того, чтобы набрать в легкие побольше воздуха.

— Мы признаем вас легитимной властью. Вы приняли такое решение, — продолжил он. — Ну, пожалуйста, но почему мы должны платить за те реше-

ния, которые считаем ошибочными и политически, и экономически? В начале прошлого года я ездил в Киев, встречался с Юлией Владимировной (Тимошенко. — А. К.), когда она была премьером, и с Виктором Андреевичем (Ющенко, президентом Украины. — А. К.). Они мне уже тогда сказали, что намерены повысить социальные расходы — пенсии, пособия — на 24%. Я тоже у себя в стране, может, хотел бы поднять на 24%, но у нас экономика не позволяет. У нас денег то больше в несколько раз, чем у них. Но мы считаем, что макроэкономические показатели не дают нам такой возможности, если мы хотим сохранять здоровую экономику. И я их спрашиваю: «Как же вы?» «Мы справимся, мы сделаем то, то... Мы там то продадим, то отберем, мы закроем внутренние офшорки...» Ну, хорошо, может быть, и справитесь. Оказалось, что не справились. Но почему мы должны платить за эти ошибки? Почему мы должны оплачивать эту ошибочную, на мой взгляд, экономическую политику? А в политике? Они хотят туда вступить, сюда вступить. Кто хочет их принимать, пусть тот тогда и платит. Мы то почему?

Владимир Путин, кажется, наконец-то выдохнул. Но нет, показалось.

— Причем хочу подчеркнуть, что это были договоренности, я же ведь ничего не придумал! — сказал он. — Более того, Виктор Андреевич мне сам об этом сказал, что он считает, что надо переходить на рыночные формы ценообразования. Но в целом руководство Украины считает, что мы достигли приемле-

мых договоренностей, которые в конечном счете пойдут на пользу самой украинской экономике.

✓ Думаю, в этом смысле Виктор Андреевич прав, потому что это заставляет работать над энергосбережением, что меня очень беспокоит, так как если мы не будем создавать напряжения в нашей экономике, через несколько лет, скажем, украинская экономика будет более эффективной, чем наша. Они столкнулись с необходимостью энергосбережения, а мы нет. Они будут напрягаться, будут использовать более современные методы, средства и технологии в экономике, а мы нет. Но вот за что я благодарен Виктору Андреевичу — так это за то, что он все-таки в конечном счете решение принял, выбор сделал и отстаивает это.

— А Юлия Тимошенко обещала разорвать газовые соглашения с Россией, если снова будет премьером, — сказал кто-то за столом. — И как тогда?

— В суд тогда! — как будто даже обрадовался Владимир Путин. — Там есть судебная оговорка. Арбитражный суд в Стокгольме. Пожалуйста. Пожалуйте бриться, как говорят.

Под конец разговора президент исчерпывающе высказался по поводу журналистов.

— Пресса — большое сообщество, там много разных людей — умных и не очень, честных, порядочных и тех, кто себя больше любит, талантливых и просто со связями... Особое сообщество людей. Когда я общаюсь с западными журналистами, я часто вижу, что они на...

Президент хотел, видимо, сказать, что они на порядок компетентнее российских, но, как и в послании, говоря про волка, сдержался.

— Их самих интересно послушать, — добавил он. — Они специализируются на какой-то проблематике и могут давать глубокий анализ тем или иным событиям. С такими людьми просто интересно, и они полезны для общества.

Я решил было, что мы, значит, вредны, но выяснилось, что президент не закончил:

— Мне бы очень хотелось, чтобы в нашей журналистской среде таких появлялось все больше и больше. Уверен на сто процентов, так и будет. Просто думаю, что нашим журналистам особенно было некогда заниматься таким самосовершенствованием потому, что надо было думать, как жить, как выживать. Все же люди, я прекрасно понимаю. Но чем стабильнее, чем спокойнее будет, тем более самодостаточными, экономически независимыми будут средства массовой информации, тем больше у нас будет появляться таких людей. Вот чего бы мне хотелось увидеть.

Осталось нам высказаться про то, какого президента хотелось бы видеть нам.

Владимиру Путину так не нравилось слово «преемник», что начинало казаться, будто саму идею на счет преемника и, может, даже само слово «преемник» придумали журналисты. Эти подозрения президент укреплял, постоянно отказываясь от желания реали-

зователь именно такой принцип передачи власти. Так было, например, во время ежегодной пресс-конференции с журналистами в Кремле.

Ожидание встречи с прекрасным 1 февраля 2007 года было, как всегда, нервным. В партере не хватало свободных мест. К тому же участники мероприятия, попав в зал, долго не могли согреться. Проблема состояла в том, что поток из тысячи журналистов в Кремль был слишком неравномерным. Почти все пришли очень рано, чтобы занять лучшие места, — и застряли при входе в 14-й корпус. Коллеги только к пятой пресс-конференции президента России поняли, насколько это важно для них. У человека, вошедшего в этот день в 14-й корпус, мир сузился до размеров одного кресла, из которого он мог увидеть президента, а он — его (или хотя бы табличку с названием города). Только так можно было повысить свой шанс задать вопрос президенту России. Для этой тысячи с лишним человек вопросы президенту были важнее ответов президента.

Журналисты рассаживались в зале до самой последней минуты. Всем места в партере не хватало, но на балкон, где их было достаточно, никто не спешил. Люди игнорировали балкон, не понимая, что именно там они смогут прыгнуть выше головы тех, кто сидит в партере, так как по опыту прежних пресс-конференций можно было с уверенностью сказать, что два человека в президиуме — президент Владимир Путин и его пресс-секретарь Алексей Громов — заранее испытывают к сидящим на балконе некоторое состра-

дание и будут стараться компенсировать их недостатки более или менее преувеличенным вниманием к ним.

Появлению президента предшествует некоторый ритуал. Сначала на стол ставят нечто, накрытое настолько широкой белой накрахмаленной салфеткой, что издали (с балкона, например) создается такое впечатление, что под ней может оказаться что угодно, а скорее всего — какой-нибудь приятный сюрприз. Такие сюрпризы обычно оказываются под салфетками или в рукавах фокусников. Я бы, скорее всего, решил, что оттуда вылетит белый голубь, если бы не знал, что под салфеткой — чашка с зеленым чаем. И год, и два года назад при появлении человека с салфеткой на подносе зал начинал аплодировать, и это должно было означать, что люди на пресс-конференции склонны повеселиться. И в этот раз кто-то один начал было хлопать, но тут же и прекратил, не почувствовав никакой поддержки. Зал, кажется, не настроен был шутить.

После того как приносят чай, в зал заходит пресс-секретарь президента Алексей Громов. Этот немногословный человек (за шесть с лишним лет журналисты не услышали от него ни одного публичного комментария деятельности президента) озабоченно поправляет какие-то бумаги, лежащие перед ним, и, кажется, немного волнуется.

Может создаться впечатление, что он волнуется, придет ли вслед за ним президент. Но это ошибочное впечатление. Во-первых, у господина Громова желез-

ные нервы (еще бы, уметь так молчать), а во-вторых, он слишком хорошо знает: президент уже здесь. Он даже приоткрыл дверь в зал и мысленно отсчитывает последние секунды, оставшиеся до своего первого шага в зал: пауза между появлением господ Громова и Путина должна, судя по всему, составить не меньше минуты. Но и не больше.

Президент России начал свою пресс-конференцию с подведения итогов прошлого года. Это была самая рутинная часть мероприятия. Год, по рассказам президента, был стабильно хорошим, цифры — ровными, а значит, не было повода даже по-настоящему расстроиться или, наоборот, неожиданно сильно чему-нибудь обрадоваться.

Президент похвалил действия Центробанка (словно в устной форме отвечая на письма сидевшего в тюрьме банкира Алексея Френкеля) и заметил, что за правительством есть еще «должок по судостроению». Во время пресс-конференции Владимир Путин еще несколько раз возвращался к деятельности правительства, и было очевидно, что эта деятельность — то немногое, что не впечатляет его в современной российской действительности.

Первый вопрос был о нелегкой судьбе директора сельской школы в Пермском крае Александра Поносова, которого судят за то, что он закупил для своих учеников компьютеры с нелицензионным программным обеспечением.

Президент, заявив, что он не в курсе этой истории (во что, впрочем, верится с трудом, ибо тогда это озна-

чает, что он вообще не смотрит телевизионные новости и не читает газет), при этом с готовностью прокомментировал эту ситуацию: «Чушь собачья». В наших непростых условиях это равносильно оправдательному приговору за отсутствием состава преступления. С этой точки зрения, я считаю, сразу окупились все расходы на проведение этого затратного мероприятия.

Американский радиожурналист Файфер попросил уточнить, что имел в виду господин Путин, когда говорил, что «супердержава — это устаревшее слово из периода холодной войны».

— И вы сказали, что другие страны хотят делать образ России как врага, — сказал господин Файфер. — Пожалуйста, какие именно страны? Это включает Вашингтон и Лондон? Если нет, кто именно специфически хочет портить имидж России?

Господин Путин ответил исчерпывающе.

— Мы видим, — рассказал он, сверля, кажется, глазами мужественного радиожурналиста, — недобросовестное отношение к интерпретации происходящих событий. И конечно, это делают недоброжелатели Российской Федерации... Кто пишет об этом — эти люди и есть недоброжелатели! Поэтому, если вы так напишете, значит, и вы такой.

Я был уверен, что президент России предложит радиожурналисту тут же сделать и обрезание — хотя бы из вежливости.

— А если вы дадите правильную, объективную картину происходящих событий, значит, вы к этой

категории не относитесь, — закончил Владимир Путин, из последних, кажется, сил держа курс на миролюбивую внешнюю политику.

Через некоторое время президент начал получать вопросы о своем преемнике. Они не нравились Владимиру Путину, и он не намерен был скрывать этого. На вопрос корреспондента НТВ Владимира Кондратьева президент ответил, что он не правит, как тот выразился, а просто работает и что слово в случае с будущим президентом не за ним, а, как и следовало бы предположить с самого начала, за народом страны.

— Преемников никаких не будет, — сообщил президент. — Будут кандидаты на пост президента Российской Федерации.

Это было неожиданное заявление. Оно могло, например, означать, что в качестве кандидатов будут зарегистрированы и Сергей Иванов, и Дмитрий Медведев, которым молва приписывает наибольшие шансы получить высокое звание Преемника Российской Федерации из уст президента России. При этом, говорят, по крайней мере один из них все еще сомневался тогда, на кой черт ему вообще все это нужно.

Корреспондент агентства Reuters через несколько минут в более запутанной форме повторил вопрос корреспондента НТВ.

— Все, кому надо, уже на своих постах работают, — раздраженно ответил президент России. — Нам нужно с вами не суетиться по поводу будущих выборов.

Вопрос: имел ли он в виду в этот момент себя? Или намекал на то, что не следует записывать в преемники ни первого вице-премьера, ни министра обороны?

— Я тоже гражданин Российской Федерации, — продолжил он, — чем очень горжусь, и, конечно, оставляю за собой право высказать какие-то предпочтения. Но буду делать это только в период предвыборной кампании.

Таким образом, Владимир Путин назвал срок, раньше которого он на эту тему точно не выскажет. То есть всем желающим узнать это придется, видимо, подождать до следующей пресс-конференции, которая пройдет зимой 2007–2008 года.

После этого господину Путину дали ненадолго передохнуть. Журналистка бальзаковского возраста в матроске юнги назвала господина Путина «несправедливым» и тут же получила то, что хотела: он признался, что она его смущает. Они ворковали друг с другом еще некоторое время.

Передышка, впрочем, была недолгой. Я спросил, захочет ли Владимир Путин когда-нибудь еще вернуться в большую политику после всего, что сделал и пережил. Я имел в виду, конечно, не 2008, а 2012 год.

— Я понимаю, что, наверное, есть некоторый соблазн сказать сразу, что вы из нее никуда пока не уходите, и это будет, мягко говоря, правдой, но мне кажется, что вы можете себе позволить быть искренним, — добавил я только с одной целью: чтобы у президента не было возможности отделаться тем

соображением, что он еще поработает, сколько отмечено законом.

Увы, то, что Владимир Путин сделал после этого, в дзюдо называется «использовать вес противника».

— Я могу себе позволить быть искренним, поэтому скажу, что я никуда не ухожу пока. Во-первых, прикиньте, — начал подсчитывать Владимир Путин, — выборы президента должны состояться, если мне не изменяет память, где-то в начале марта 2008 года, а после этого еще какое-то время, месяца два или три, на передачу полномочий и прочее. То есть это где-то будет в мае 2008 года. Что вы меня раньше времени выпихиваете-то? Я и сам уйду. Не спешите.

На то, что президент добавил после этого, информационные агентства не обратили внимания. Между тем он сказал, что «органы власти в стране должны быть сформированы соответствующим образом в конце 2007 и в начале 2008 года. Конечно, я думаю над этим».

Президент, таким образом, думает не только о том, кто будет президентом. Владимир Путин уже сейчас думает, кто будет председателем правительства и рядовыми членами этого правительства.

Лучшая шутка президента прозвучала, на мой взгляд, когда он отвечал на вопрос, согласен ли он с мнением мэра Москвы Юрия Лужкова, что «гей-парад — дело сатанистов».

— Мое отношение к гей-парадам и к сексуальным меньшинствам простое, — ответил Владимир Пу-

тин, — оно связано с исполнением моих служебных обязанностей и заключается в том, что одна из главных проблем страны — демографическая.

Прошло уже не меньше полутора часов после начала пресс-конференции. И тут президент, отвечая на следующие вопросы, перешел, можно сказать, к диктовке молний на ленты информагентств. Выяснилось, что российская компания «Транснефть» «практически приступила уже к работе над планом расширения терминалов в Приморске дополнитель-но на 50 миллионов тонн нефти». Это был братский привет президенту Белоруссии Александру Лукашенко.

Для сведения мировых информагентств Владимир Путин рассказал о том, кем на самом деле был отравленный Александр Литвиненко:

— Александр Литвиненко был уволен из органов безопасности. До этого служил в конвойных войсках. Никакими секретами не располагал. Он привлекался к уголовной ответственности в России за злоупотребление служебным положением, а именно за избиение граждан при задержании, когда был сотрудником безопасности, и за хищение взрывчатки. Но ему дали, по-моему, три года условно. Не было никакой необходимости куда-то бежать, он не являлся носителем вообще никаких секретов... А что касается тех людей, которые стараются наносить ущерб Российской Федерации, то... это так называемые беглые олигархи, которые прячутся в странах Западной Европы либо на Ближнем Востоке. Но я в теорию заговора не очень

верю, и, откровенно говоря, она меня не очень беспокоит. Устойчивость российской государственности сегодня позволяет нам смотреть на это свысока.

Очередной громкой новостью стало сообщение о новых предложениях украинских коллег президента России в газовой сфере.

— Наши украинские партнеры хотели бы не только создать газотранспортный консорциум, но и иметь возможность войти в добывающие активы на территории Российской Федерации, — рассказал господин Путин. — И если мы пошли на это в выстраивании отношений с нашими европейскими партнерами, скажем, с немецкой компанией BASF, сейчас, думаю, до конца дорешаем с EON, мы в принципе договорились об этом с итальянской компанией ENI, почему же нам с украинцами этого не сделать?

Без передышки Владимир Путин сообщил еще одну новость: оказывается, он считает, что «газовая ОПЕК — идея интересная». До сих пор он так не считал.

— Мы не собираемся, — заявил он, — создавать какой-то картель, но координировать, я думаю, нашу деятельность было бы правильно, имея в виду решение главной задачи: безусловное и надежное обеспечение основных потребителей энергоресурсами.

Это и были, пожалуй, все новости, которые агентства передали на ленты с пометкой «молния». И все они были «нефтегазовыми». Интересно, что с каждым годом их возникало тем больше, чем чаще президент

России рассуждал о необходимости диверсификации российской экономики. Именно этой теме должна была быть посвящена и встреча президента с лучшими (по его и, главное, по их мнению) представителями российского бизнеса, намеченная на 6 февраля 2007 года.

Тем временем Владимир Путин, кажется, расслабился, поверив, наверное, в то, что он удовлетворил журналистов своими ответами на вопрос о преемнике. Но тут-то он и получил вопрос о том, кем он видит себя после 2008 года.

— Вы меня затюкали просто! Кем я себя вижу?! Человеком я себя вижу прежде всего!

После этого крика души президент как-то померк. Возможно, журналисты окончательно перестали нравиться ему. Так или иначе, он как-то сразу стал выглядеть уставшим. Правда, к этому времени пресс-конференция перевалила за четвертый час.

И тут прозвучал, на мой взгляд, лучший вопрос пресс-конференции. Он достоин того, чтобы привести его почти полностью (в отличие от ответа). Его задал греческий журналист Циолиас Афанасиос:

— Владимир Владимирович, вы не упомянули наш маленький трубопровод из Бургаса в Александруполис! Вы знаете, 15 лет мы слышим про этот провод! Хотели бы услышать ваше мнение, будет наконец-то он построен? Или постоянно кто-то будет мешать?.. Я понял (видимо, из ответов господина Путина на пресс-конференции. — А. К.), что вы до конца вашего срока не собираетесь уходить, но... Нет, вы

поймете, вы поймете! Но я прочитал такое резкое мнение, что вы сидите на чемоданах и собираетесь убежать (господин Путин, сидя на стуле, исподлобья глядел на журналиста. — А. К.)! Это мнение, по-моему, шахматиста Каспарова! Так ли? Будет ли этот нефтепровод построен при вашем присутствии в России?

Напрасно говорят, что простота хуже воровства. По вопросу греческого журналиста я понял, что бывают случаи, когда простота лучше воровства. Самое замечательное в этом вопросе было то, что греческого журналиста в связи с тем, убежит Владимир Путин или останется до конца своего срока, волновало только: успеет ли он построить этот маленький, но гордый трубопровод.

— Я занимался в свое время борьбой дзюдо, а не легкой атлетикой, бежать никуда не собираюсь, — хмуро ответил Владимир Путин. — Что касается нефтепровода «Бургас—Александруполис», я действительно о нем ничего не сказал, потому что его нет. Есть только разговоры вокруг этого проекта.

Владимир Путин уже несколько минут сам решал, кто задаст ему вопрос (до него это делал Алексей Громов). Журналисты, увидев, что есть возможность напрямую докричаться до президента, начали это активно практиковать. Впервые на этих пресс-конференциях журналисты вслух требовали дать им слово.

— Коллеги, давайте мы не будем пользоваться силой голосовых связок, они у каждого разные! — пытался успокоить их господин Громов.

— Где армянские журналисты? Давайте! Потому что у нас азербайджанцы задавали вопрос. Если армян пропустить — это будет политически неверно, — тем временем господин Путин опять, кажется, немного увлекся, но при этом было очевидно, что пресс-конференция вышла на финишную прямую.

Новости, которые президент хотел озвучить, он благополучно озвучил. Те, которые он хотел оставить при себе, оставил. Журналисты не выпытали у него ничего из того, о чем он не хотел говорить.

И в этом смысле это была проигранная нами пресс-конференция.

Президент продолжал интриговать журналистов и политологов еще почти год, то намекая на новых кандидатов в преемники, то вообще дезавуируя идею преемника. Время от времени он перечислял качества будущего президента, и они были теми же, про которые он сказал в самолете.

Более того, вскоре оказалось, что этими же качествами должен обладать и премьер-министр. Встретившись в середине сентября 2007 года с западными политологами и журналистами, членами дискуссионного клуба «Валдай», Владимир Путин рассказал им, каким порядочным, профессиональным и мудрым человеком является новый премьер Виктор Зубков. Тогда он думал, судя по всему, о том, что председателем правительства и после президентских выборов будет именно этот человек. Уверен, для этого господин

Зубков и появился в правительстве. Настроение президента изменилось после первых же недель работы Виктора Зубкова. Господин Путин как-то очень быстро понял, что, похоже, этим придется заниматься самому.

Журналисты вряд ли могли утнаться за полетом мысли Владимира Путина. Тем более что сделать правильные выводы им всегда что-то мешало. Например, заявление господина Путина о том, что уже есть «минимум пять человек», которые могут реально претендовать на должность президента.

— Организация такого рода мероприятий может пойти мне на пользу, — сказал президент России в начале встречи. — Хотя я знаю, что дисциплина в американских средствах массовой информации и средствах массовой информации Западной Европы высокая, и внешних результатов от наших встреч я не вижу.

Это произошло сразу после того, как Владимир Путин поздоровался с каждым из участников встречи за руку и постарался даже улыбнуться каждому из них (получалось, впрочем, в лучшем случае через раз). Если Владимир Путин, начиная этот разговор, хотел расположить к себе собеседников, то такое начало могло и не привести к желаемому результату.

Первый вопрос задала корреспондентка BBC Бриджит Кендалл, у которой был другой сценарий начала разговора.

— Очень приятно, — сказала она, — встретиться здесь с вами, в Сочи.

В последний раз госпожа Кендалл встречалась с президентом России в Ново-Огареве, перед «большой восьмеркой» в Хайлигендамме, в 2006 году. На той встрече было восемь журналистов — по числу стран-участниц, и госпожа Кендалл была одной из самых активных участниц мероприятия. Именно она задавала вопросы о деле Литвиненко и обо всех таких делах.

— Почему именно сейчас произошла отставка Михаила Фрадкова? — спросила она Владимира Путина на этот раз. — Не было бы демократичнее подождать, пока граждане России выскажут свое мнение на президентских выборах?

Она имела в виду, что надо дать возможность новому президенту сформировать новое правительство. Ведь всем тут было ясно, что с утверждением в должности Виктора Зубкова такой возможности у нового президента уже не будет.

— И почему Виктор Зубков? — продолжила госпожа Кендалл. — Не потому ли, что пост председателя правительства — хороший старт для президентской гонки?

— Это ничего общего ни с демократией (невеселые понимающие улыбки сидящих за столом. — А. К.), ни с антидемократией (веселые непонимающие улыбки. — А. К.) не имеет, — твердо заявил господин Путин. — Демократия неотделима от соблюдения закона. То, что сделано мною, находится в полном соответствии с законодательством, и в этом нет никаких нарушений.

Тогда непонятно, почему это не имело ничего общего с демократией. Владимир Путин, наверное, и сам понимал, что произносимое им не имело отношения ни к откровенности, ни к антиоткровенности.

— В 2004 году я сделал так же, — не в первый уже раз напомнил он.

Президент неожиданно признался, что существовал сценарий, по которому смены правительства не было бы до выборов президента страны.

— И мне хотелось бы, чтобы события развивались именно по этому сценарию. Но, к сожалению, члены правительства — прежде всего люди, — огорченно добавил он, как будто было бы лучше, если бы они были, например, машинками для стрижки травы. — Они сбавили обороты в своей работе, начали уже подумывать, как сложится их личная судьба после выборов. Я бы хотел, чтобы правительство в Москве, региональные власти и федеральные органы власти, как швейцарские часы, молотили, не переставая, вплоть до выборов и сразу после выборов... Мне нужно, чтобы это был хорошо отлаженный механизм безо всяких сбоев и ожиданий, безо всяких передышек...

То есть идея насчет машинок не была, как выяснилось, большим преувеличением.

Владимир Путин рассказал, что хотел показать тем, кто может и хочет работать в правительстве, что они могут остаться и после выборов, и что тем, кто готов сменить работу и заняться другими видами деятельности, лучше всего сменить работу.

— Я не подталкивал премьер-министра, — продолжил президент. — Он сам принял это решение. Он человек ответственный и прекрасно видел настроение в коллективе. Он пришел ко мне с предложением, и я с ним согласился.

Таким образом, Владимир Путин подкорректировал свой более ранний комментарий, который сводился к тому, что он, Владимир Путин, принял это решение совершенно самостоятельно. Версия, в соответствии с которой Михаил Фрадков сам пришел к президенту с заявлением об отставке, после того комментария смущала. Теперь вроде все в порядке.

После этого президент рассказал, что за человек Виктор Зубков. Таких людей у каждого из нас мало шансов встретить в обычной жизни. Я не помню, чтобы Владимир Путин когда-нибудь о ком-нибудь сказал бы за пять минут такое количество восторженных слов, какое он произнес в адрес господина Зубкова. Например, Сергею Иванову или Дмитрию Медведеву не досталось, наверное, за все время публичных выступлений Владимира Путина и десятой их доли, а то и сотой.

Виктор Зубков — и профессионал, и порядочный, и здравомыслящий, и ответственный, и мудрый. Он человек и с характером, и с большим опытом.

— Может ли он стать президентом? — переспросил Владимир Путин. — Да, может... Как и любой другой рядовой гражданин Российской Федерации! — как-то торжествующе закончил он. Он, конечно, не рядовой гражданин Российской Федерации...

Владимир Путин рассуждал теперь как-то задумчиво:

— Но Зубков не сказал, что он будет участвовать, он сказал, что может баллотироваться. Это взвешенный ответ, надо еще поработать, пройти выборы...

И Владимир Путин так близко к оригинальному тексту пересказал участникам встречи ответ Виктора Зубкова на вопрос, будет ли тот выдвигать свою кандидатуру на президентских выборах, что могло показаться, будто это он его и писал.

Причем это был просто восторженный пересказ. Владимиру Путину нравится в Викторе Зубкове решительно все. То есть дело гораздо серьезней, чем могло бы показаться еще день или два назад.

Пересказ биографии Виктора Зубкова, который сделал Владимир Путин, тоже заслуживал внимания, и даже преувеличенного. В таком тоне, пересказывая биографию человека, рекомендовали его в члены КПСС, полагая, что в бюро райкома есть люди, для которых не очевидно, что этот человек достоин этого высокого звания.

— Его в свое время бросили на самый плохой совхоз, который умирал, и он сделал это предприятие лучшим в Советском Союзе... Он человек скромный, — рассказывал президент, — он не говорит об этом. Его потом послали в объединение совхозов, тоже худшее, и он сделал его лучшим...

— Говорят, что голое поле, некого выбрать. Но сейчас уже минимум пять человек могут претендовать на должность президента и быть выбранными.

Появился еще один человек. Это хорошо. У граждан России будет из кого выбрать, — подытожил Владимир Путин и окончательно запутал ситуацию со своими преемниками.

На вопрос, какая будет демократия при следующем президенте, Владимир Путин поделился сообщением о том, что суверенная демократия — лозунг спорный (как известно, лозунг этот начертал на своих знаменах заместитель главы администрации президента России Владислав Сурков).

— Суверенитет, — добавил президент России, — это качество наших взаимоотношений с внешним миром... Определенная логика у тех, кто это утверждает, есть, и если вы заметили, я не вмешиваюсь; хорошо, когда люди об этом думают...

После этого встреча для нас была закрыта, и у меня появилось время записать то, что рассказал один из участников встречи, директор российских и европейских программ Института мировой безопасности Николай Злобин об истории взаимоотношений членов дискуссионного клуба «Валдай» с Владимиром Путиным и российскими чиновниками.

Накануне члены клуба встретились с первым вице-премьером Сергеем Ивановым. Николаю Злобину показалось, что на Сергея Иванова события, связанные с отставкой кабинета Михаила Фрадкова и особенно с назначением Виктора Зубкова, произвели сильное впечатление. Из-за этих событий Сергей Иванов опоздал минут на 20 (прежде всего из-за того, что Михаил Фрадков собирал членов своего бывшего

кабинета, чтобы попрощаться с ними), не стал, как раньше, сразу отвечать на вопросы, а сказал, что сначала прочитает заявление, и сделал это неожиданно звонким голосом.

Овладел собой он уже минут через 20 и был тем человеком, которого господин Злобин видел на предыдущих встречах, то есть чувствовал себя более чем раскованно.

Два года назад он спросил у Сергея Иванова, будет ли тот преемником Владимира Путина, и министр обороны замахал руками и сказал, что нет, ни в коем случае и что он совершенно не хочет. Господину Злобину показалось, что он говорит искренне.

В тот же раз на встрече с Владимиром Путиным Николай Злобин взял с президента расписку в том, что тот не будет менять Конституцию и не станет баллотироваться на третий срок. Это была громкая история. Николай Злобин по английскому алфавиту был последним, и его посадили за стол в Екатерининском зале Кремля рядом с президентом России. Владимир Путин рассуждал о достоинствах российской Конституции, о ее неприкосновенности, а потом увидел, что сидящий рядом с ним человек тянет к нему руку, видимо, не для того, чтобы потрогать, а чтобы спросить разрешения задать вопрос. Президент согласился выслушать господина Злобина, и тот спросил, будет или не будет Владимир Путин баллотироваться на третий срок.

— Это что, предложение? — поинтересовался президент России и, как говорит Николай Злобин,

хотел отвернуться, чтобы послушать какой-нибудь более приятный вопрос, но тут господин Злобин стукнул кулаком по столу и крикнул:

— Здесь вопросы задаю я!

Как думал господин Злобин, этот жест очень понравится президенту, потому что напомнит ему, как следователи КГБ разговаривали со своими клиентами. Но господин Путин не понял глубокого смысла прошедшего. Он медленно повернулся к Николаю Злобину, и тот увидел в глазах у президента России потрясение.

— Чего вы от меня хотите? — спросил президент России.

— Ответа на вопрос: вы будете баллотироваться на третий срок? Да или нет? Только «да» или «нет»?

— Нет, — сказал Владимир Путин. — Это все?

— Нет. А вы будете менять Конституцию? Да или нет?

— Нет.

— Спасибо, — поблагодарил Николай Злобин.

Когда встреча закончилась и ее участники проща-лись с президентом, господин Злобин сказал ему, что разговор произвел на него сильное впечатление.

— А уж на меня какое сильное, — произнес Владимир Путин.

— А слабо написать расписку, что не будете?

Владимир Путин сказал, что не слабо. Написал расписку и подарил господину Злобину ручку, которой он это сделал. То есть он осознавал историчность этого момента.

Когда Николай Злобин улетал в Вашингтон, в аэропорту его сопровождали несколько телекамер западных каналов. Журналисты, как и господин Злобин, были уверены, что на границе расписку у него постараются отобрать, и намерены были зафиксировать историчность этого момента. Но расписка на границе оказалась никому не нужна.

Больше всего Николаю Злобину понравилась следующая встреча. Президент сел за стол, где уже сидел господин Злобин, налил ему вина. Политолог признался, что он «балдеет от того, сколько информации, сколько цифр» держит в голове российский президент. На предыдущей встрече Владимир Путин сыпал этими цифрами, и Николай Злобин понимал, что человек в такой должности должен за них отвечать.

— Буш так не смог бы, — польстил политолог президенту.

— Буш смог бы, — защитил господин Путин американского президента от нападок господина Злобина. — Он очень умный. У него проблема с помощниками.

Господин Злобин засмеялся.

— Почему вы смеетесь? — с тревогой спросил президент России.

— Потому, что несколько дней назад господин Буш то же самое говорил про вас и ваших помощников. И все-таки, как это все помещается у вас в голове? Вы же политик, вы понимаете, что за каждую цифру, за каждое слово придется отвечать?

— А я не политик, — заявил господин Путин. — Политик тот, кто делает политическую карьеру. А я не делал.

— А кто же вы?

— Я — гражданин России, который стал президентом.

И он налил господину Злобину еще вина.

Потом коллеги Николая Злобина из клуба возмущались, что они ничего не слышат, и разговор прервался. Позже эта часть беседы с президентом не вошла в стенограмму, которая была опубликована через несколько дней после встречи.

Самая первая встреча с Владимиром Путиным запомнилась участникам клуба больше всего. Один из них рассказал мне, что в тот раз господин Путин сначала не хотел встречаться с западными журналистами: во-первых, не питал на их счет никаких иллюзий, а во-вторых, это было сразу после штурма школы в Беслане в 2004 году.

Но он все-таки пришел к ним. Встреча начиналась трудно, но потом господин Путин увлекся и разговорился. Около полуночи помощники намекнули ему, что пора заканчивать, потому что некоторые члены клуба очень устали — кое-кто уже даже засыпал после перелета из Америки.

Президент сказал, что сейчас принесут водки, и усталость как рукой снимет. Но и это предложение не вызвало энтузиазма. Говорят, Владимир Путин был заметно расстроен и даже раздражен этим. Он хотел поговорить еще.

С тех пор Владимир Путин не отказывался встречаться с членами клуба.

Еще один участник встречи сказал мне, что его коллеги совершенно не разговаривают друг с другом перед такими встречами и ни с кем не делятся тем, какой вопрос хотят задать. Каждый приберегает свой вопрос президенту для себя. То же самое было и в этот раз.

Примерно через полтора часа члены клуба вместе с Владимиром Путиным вышли из комнаты, где был накрыт стол, и, как на ходу пояснил один из участников встречи, пошли на фуршет.

Мне между тем удалось выяснить некоторые подробности происходившего за закрытыми дверями.

Главная новость дня, которую сообщил Владимир Путин иностранцам, состояла в следующем. Президент рассказал:

— В свое время, занимаясь административной реформой, мы сделали кальку с некоторых государств: появились агентства, надзорные службы... А некоторые министры, которые продвигали эту идею (Владимир Путин не назвал вслух никого из них. — А. К.), когда она была реализована, начинали командовать этими службами.

Господина Путина это не устраивает.

— Будем менять структуру правительства, — сообщил он. — Но не структуру власти.

И тут неутомимый Николай Злобин пристал к нему с вопросом, вернется ли он после 2012 года на работу президентом России.

— Не знаю, я не ушел еще... Двенадцать плюс четыре... — глядя в потолок, считал президент России. — Это, значит, шестнадцать... (то есть ему будет 61 год. — А. К.). Не знаю, внутренне не решил. Трудно загадывать...

Владимир Путин не хотел отвечать на этот вопрос. Он уходил от ответа, что было очевидно.

Тогда господин Злобин стал писать ему записки — и дождался наконец:

— Я надеюсь, — произнес Владимир Путин, — найти что-нибудь более интересное до 2012 года.

То есть если не найдет (а шанс найти после той должности, которую он занимает, какую-то более интересную, вообще-то ничтожен), то вернется. Что и требовалось доказать.

На вопрос, как он относится к «мнению Владислава Суркова», что «Единая Россия» дана нам по крайней мере еще на десятилетие, господин Путин ревниво ответил:

— Интересно, что он это сказал. Вообще это он у меня работает, а не я у него... Да, я буду поддерживать «Единую Россию», если она сможет проводить политику в интересах миллионов людей, и тогда ее будут поддерживать миллионы.

По его мнению у «Единой России» много проблем, и он не хочет ассоциироваться с ними.

Интересно, что на вопрос об отношениях России с внешним миром господин Путин ответил:

— России не надо корчить из себя великую державу и лезть на рожон.

То есть внешняя политика России тоже может в ближайшее время существенно измениться.

После фуршета, который случился на террасе гостевого домика резиденции (господин Путин пил шампанское, чего желал и всем остальным, но гости поддерживали, по их словам, его как-то вяло), у меня появилась возможность выяснить подробности и этого фуршета.

— Честно вам говорю, на сегодняшний момент я не знаю, что буду делать после 2012 года, — убеждал Владимир Путин окруживших его членов клуба.

Маршалл Голдман спросил президента про коррупцию в России и то, как получается, что, например, сын директора ФСБ Николая Патрушева неожиданно становится советником главы контролируемой государством компании «Роснефть» Сергея Богданчика.

Отвечая, господин Путин вспомнил анекдот. У генерала спрашивают: «Могут ваши дети стать генералами?» — «Да, могут». — «А маршалами?» — «Нет». — «Почему?» — «У маршала свои дети есть». И добавил, что будет бороться с коррупцией.

Они опять возвращались к кандидатуре следующего президента. Владимир Путин говорил, что не заинтересован в слабом президенте, и хочет, чтобы тот был самодостаточным, эффективным и соответствовал ожиданиям.

— Я не для того пахал столько лет, — сказал он, — чтобы отдать Россию слабому президенту... В России победа не за тем, у кого сила, а у кого прав-

да, — цитировал он героя фильма «Брат-2» (без ссылок на первоисточник. — А. К.).

Напоследок Николай Злобин спросил у Владимира Путина, встретятся ли они в следующем году с членами клуба «Валдай».

Вопрос удивил президента России:

— Может, вам лучше встретиться с новым президентом? — переспросил он.

Его заверили, что с ним они тоже встретятся.

— Я встречусь с вами, — сказал тогда господин Путин, — но только с одним условием: вы меня запишете в ваш клуб. И я буду сидеть на вашей стороне и задавать вопросы новому президенту.

Уже когда встреча закончилась, он, прощаясь с господином Злобиным, еще раз напомнил:

— Николай, так не забудьте записать меня, ладно?

Николай пообещал сделать для президента России все, что сможет.

В конце концов был сделан не один выбор, а два. Так что третьи, мартовские, президентские выборы 2008 года зафиксировали в сознании Владимира Путина правильность первых двух. Для этого и были нужны, наверно.

Впрочем, когда Владимир Путин 12 декабря 2007 года встречался с членами Торгово-промышленной палаты (ТПП), они еще не знали, что президент страны встречался с бизнесменами как премьер-министр.

— Какие мы все молодые! — горько качал головой член ТПП Шамиль Агеев, оглядывая коллег. — Прямо все комсомольцы...

Его коллеги, самому младшему из которых было хорошо за пятьдесят, слыша это, застенчиво опускали глаза к столу.

Самым молодым среди них оказался вошедший в зал предпоследним помощник президента России Игорь Шувалов. Владимир Путин в это время в соседнем зале еще принимал верительные грамоты (каждый раз как в последний), а первый вице-премьер Дмитрий Медведев делал заявление насчет того, что, если его кандидатуру выдвинут на пост президента России, он предложит Владимиру Путину стать председателем правительства.

Эта новость целиком и полностью овладела умами журналистов, пока они ждали президента. Члены ТПП, повторю, про нее ничего не знали. Да если бы они про нее и знали, это вряд ли что-то изменило бы в их жизни. Это могло что-то изменить в жизни Владимира Путина.

Журналисты между тем обсуждали, с какой степенью негодования Владимир Путин откажется от лестного предложения, и сомневались только в одном: на какую именно должность выдвинет сегодня ТПП вице-премьера Сергея Иванова, который тоже вот-вот должен был сюда подойти. Еще одним кандидатом в президенты России или все-таки премьером? И я уже слышал мнения, что премьерское кресло совершенно не соответствует амбициям Сергея Иванова.

И только в этот момент я понял, чьим амбициям оно соответствует. Как-то все вдруг стало на свои места. Место Владимира Путина — именно на посту премьера. И не будет никакого перераспределения полномочий в его пользу. Он будет работать премьер-министром. И больше на самом деле ничего не нужно. И не нужно будет еще года четыре.

О И окажется, что он, выбирая преемника, на самом деле выбирал себе начальника. И выяснится, что для него никакого значения не имеет соображение, которое было главным в комментариях политологов, которые ставили себя на его место и уже оттуда, с высоты своего положения, говорили о том, что он не может занимать должность, которая потребует от него подчинения кому бы то ни было, и что уже только поэтому для него подходит только должность национального лидера.

Он будет работать премьером. Это и есть его место в строю. Выбором преемника он обезопасил себя только от одного: от опасности быть снятым со своего поста так, как он сам когда-то снял Михаила Касьянова и Михаила Фрадкова.

Он будет работать премьером, потому что ни один из людей на этой должности, в том числе он сам восьмилетней давности, не мог удовлетворить его. Все это время было видно, как ему буквально все хочется переделать за каждого из них, в том числе теперь за Виктора Зубкова.

Сейчас ему, очевидно, кажется, что он знает, как надо. И он готов показать, как это делается.

Именно так он реализует потенциал повисшей в воздухе фразы о том, что, если на выборах в Госдуму он получит вотум доверия, найдет способ проконтролировать принимаемые сейчас (им же) решения.

На самом деле это и есть главная неожиданность, о которой гадали. Такого варианта развития событий не предполагал никто. Одна мысль о том, что он согласится кому-то подчиняться, делала эту версию абсурдной. Казалось, он может согласиться стать премьером, только если чуток подправит Конституцию и если Россия будет не президентской, а парламентской республикой.

Но у него, судя по всему, по-прежнему нет идеи менять Конституцию и форму правления. Та Конституция, что есть, устраивает его больше всех остальных. Она ему еще пригодится.

✓ И если все это так и будет, Владимир Путин окажется выше всех своих амбиций. Года два назад в одном более или менее частном разговоре он, говоря о президенте США, произнес:

— Многие недооценивают этого человека. А на самом деле про таких людей говорят: «With balls».

Если Владимир Путин сделает это, именно эти слова можно будет сказать насчет него самого, и именно после этого решения, а не после, например, чеченской кампании. А он это сделает.

И не для того, чтобы через пару лет, или чуть раньше, или чуть позже Дмитрий Медведев неожиданно ушел в отставку. Он не займет это место раньше времени. В конце концов через четыре года это

же место он получит так, как его получают люди, которые хотят, чтобы про них думали как про приличных людей.

Он будет премьером, чтобы самому убедиться в том, что после стольких лет на своей должности человеческого в нем осталось больше, чем думали все и, может быть, он сам.

И теперь мы стали свидетелями финала много-месячной или даже многолетней интриги.

И когда началась встреча с членами ТПП и я думал о том, что если перед нами не президент страны, а будущий премьер, то все, что он говорил, приобретает гораздо более интересный смысл.

Перед Владимиром Путиным лежал текст вступительного слова, и он от этого текста почти не отступил. Там были слова о том, что те, кто генерирует новые идеи в науке, должны зарабатывать здесь, «и для этого им должны платить так, как никогда не платили». И что ТПП должна способствовать прекращению нездоровой конкуренции... Текст вступительного слова писался для президента, а не для премьера, и Владимиру Путину было неинтересно его читать.

Потом выступил глава ТПП Евгений Примаков. Он считает «оптимальным курс, которым Россия пошла при президенте Путине». Евгений Примаков не мог, видимо, не сказать этого в глаза Владимиру Путину.

— Это не значит, — продолжил глава ТПП, — что мы не видим в нем тактических недостатков. Но

в стратегическом плане это курс, который мы будем защищать.

Хотелось добавить за него: и за ценой не постоим.

Евгений Примаков уверен, что ВВП надо удваивать, несмотря на то, что «правительственно-экономический блок» намерен, кажется, сделать акцент на других вещах.

Глава ТПП объявил, что наступил «конец дилеммы младолибералов — рынок решит все — и что государство не должно вмешиваться ни во что». Правда, не очень было понятно, в чем тут дилемма.

Государство, по мнению господина Примакова, развернулось в сторону реальной экономики при макроэкономическом контроле государства же. Глава ТПП отметил, как важно, чтобы эффективно работали «государственные холдинги»:

— Потому что, если они будут работать плохо, то не в их пользу будут раздаваться голоса. А это не должно быть так.

Он снова вернулся к «младолибералам» (одно это слово в его устах звучало так, что могло вызвать чувство острой человеческой жалости к этим людям):

— Они исходили из того, что конкуренция приведет к увеличению вложений в НИОКР. А этого не произошло.

Господин Примаков напомнил президенту России, что тот недавно рекомендовал обнулить пошлины на высокотехнологичное оборудование, ввозимое из-за рубежа. Речь идет об оборудовании, которое не

делают в России. Глава ТПП сказал, что правительство полгода готовило постановление на эту тему, но теперь пора отменить еще и НДС на эту продукцию.

— Лакмусовой бумажкой вашего курса является то, — рассказал он, — куда тратить деньги, поступающие от продажи сырьевых ресурсов. До определенного момента все шло в кубышку. Потом произошли перемены, стабфонд разделили на резервный фонд и фонд развития. И я хочу спросить сейчас: а не слишком ли много денег в резервном фонде?

И все-таки господину Примакову не давали покоя младолибералы. Он в свое время натерпелся от них и, видимо, решил, что пришло время реванша. Он рассказал о двух опасностях, до сих пор подстерегающих страну:

— Это младолибералы, срацивающиеся с олигархами, и срацивание части госаппарата с бизнесом. Они хотят построить административно-рыночное общество! — расстроенно закончил Евгений Примаков.

И вот на этот его доклад Владимир Путин ответил своим. Он писал его, пока выступал господин Примаков, карандашом в блокноте. Именно это и была речь будущего председателя правительства. Это была речь, которую мы не услышим и через полгода, потому что Владимир Путин очень торопился и прямо говорил то, что пришло ему в голову по поводу выступления главы ТПП.

Занижаемый прогноз темпов роста ВВП он считает неизбежным злом «в преддверии дебатов

в Госдуме. Это трюк известный: чтобы, если что, не обвинили в излишнем оптимизме».

— Я согласен, — заявил он, — государство больше внимания уделяет сектору реальной экономики, но мы будем воздерживаться от того, чтобы вмешиваться напрямую. Мы должны концентрироваться на создании инфраструктуры: банка развития, особых экономических зон... Вот в этом направлении мы будем двигаться.

Я бы не сказал, что члены ТПП внимательно слушали Владимира Путина. А больше всех расслабился Евгений Примаков: он, произнеся свою речь, похоже, считал тему заседания исчерпанной.

— То же с налогами, — продолжал господин Путин. — Я знаю, что вы знаете: правительство предприняло шаги в корректировке налоговой политики в сторону создания лучших условий для работы реального сектора экономики за счет нефтянки... Сергей Михайлович (господин Богданчиков, глава «Роснефти». — А. К.) не даст соврать...

Господин Богданчиков вздохнул с нарочитым огорчением. Воспоминание об этой корректировке вызвало к жизни смущенную, но все-таки скорее благодарную улыбку на его лице.

Что-то в этой улыбке заставило Владимира Путина добавить:

— Но мы не должны убивать курицу, несущую золотые яйца.

Сергей Богданчиков в этот момент и правда выглядел так, словно несмело просил о пощаде.

Господин Путин рассказал, что он сейчас думает об отмене НДС на высокотехнологичное оборудование:

— Все это хорошо, но аккуратнее: если отменить НДС, то мы никогда не начнем производство этого оборудования у нас.

Он высказался и насчет госкорпораций, и говорил как человек, который собирается заниматься ими вплотную:

— Я считаю, что мы правильно сделали, что сконцентрировали наш ресурс на некоторых направлениях деятельности — авиастроение, судостроение... Но нам придется корректировать эту деятельность. Мы не намерены вечно держать эти госкорпорации в том виде, в котором они созданы. Рано или поздно они будут работать на прозрачных, рыночных, понятных рядовому гражданину условиях... Мы должны создавать условия, чтобы они работали исключительно в рыночных условиях... Но просто сегодня некоторые сферы деятельности невозможно восстановить без участия государства.

В этот момент господин Путин выглядел скорее тем самым младолибералом, на которых глава ТПП обрушил гнев в своем докладе. Тем младолибералом, каким Владимир Путин пришел в Кремль почти восемь лет назад.

— Мы не собираемся создавать госкапитализм, — добавил он. — Это не наш путь.

Он объяснил, почему и дальше будут копиться деньги в резервном фонде:

— Часть ресурсов мы откладываем действительно на черный день. Несмотря ни на какую динамику роста цен на нефть, мы не можем допустить обкрадывания населения, если динамика вдруг изменится. Мы не можем понизить людям пенсии и зарплаты. И лучше брать на это из своих запасов.

На этом президент страны закончил речь председателя правительства.

УТВЕРЖДЕННЫЙ АДМИНИСТРАТОР

глава 2

Первый раз я говорил с Дмитрием Медведевым в середине августа 2002 года по поводу подписанного президентом России Владимиром Путиным указа «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих».

Но господин Медведев обращал на себя внимание, конечно, и раньше. Так, во время встречи Владимира Путина с представителями Российского союза промышленников и предпринимателей в конце мая того же года было весьма интересно.

Беседа происходила, как обычно, в Екатерининском зале Кремля. Первыми за большим круглым столом расселись промышленники и предприниматели. Потом вошел глава президентской администрации Александр Волошин и принял с ними здороваться. Сразу за ним пошел здороваться его заместитель Дмитрий Медведев. Олигархи с грохотом отставляли стулья и приветствовали господина Волошина, который, впрочем, вскоре остановился и увлекся разговором с господином Миллером. Дмитрий Медведев затормозить не смог. Он так и шел по кругу, приветствуя гостей с разной степенью учтивости. Кого-то он похлопал по спине, а с кем-то, как с тем же Алексеем Миллером, поцеловался.

Тем временем с противоположной стороны на встречу ему против часовой стрелки начал движение председатель правительства Михаил Касьянов со своей знаменитой улыбкой. В конце концов он неизбежно должен был столкнуться с Дмитрием Медведевым. Так и произошло. Оба, впрочем, сделав вид, что не замечают друг друга, продолжили движение.

Указ же президента о принципах поведения госслужащих был подписан «в целях повышения доверия общества к государственным институтам», и стал, как объяснил Дмитрий Медведев, промежуточным документом на пути построения цивилизованного общества. Подготовлены были еще несколько документов, прежде всего закон «О системе государственной службы». Рабочая группа под руководством Дмитрия Медведева должна была вынести его на обсуждение правительства в конце 2002 года.

Кажется, можно было бы и не спешить. Зачем подписывать указ, когда почти готов закон? Как объяснил господин Медведев, в этом нуждаются прежде всего сами госслужащие. Они, видимо, давно ощущали нехватку документа, в котором было бы прописано, как им вести себя на работе, и по этой причине в их поведении порой случались необъяснимые провалы.

Указ, по словам Дмитрия Медведева, — это некий аналог морального кодекса строителя коммунизма и кодекса корпоративной чести частной фирмы.

— Над моральным кодексом строителя коммунизма можно долго смеяться, но ведь резон-то был! — воскликнул господин Медведев.

Отныне, однако, чиновник не может быть носителем ни коммунистических, ни каких-либо других политических идей, потому что он «должен соблюдать политическую нейтральность, исключающую возможность какого-либо влияния на свою служебную деятельность решений политических партий или иных общественных объединений». То есть он не должен состоять

ни в одной политической партии. Или должен состоять во всех.

«При угрозе возникновения конфликта интересов — ситуации, когда личная заинтересованность влияет или может повлиять на объективное исполнение должностных обязанностей, — сообщать об этом непосредственному руководителю и выполнять его решение, направленное на предотвращение или регулирование данного конфликта интересов». Этот пункт указа имел особое значение для членов рабочей группы. По словам Дмитрия Медведева, конфликт интересов — очень важная конструкция, до появления указа вообще не свойственная нашему законодательству. Господин Медведев пояснил, что он имеет в виду под конфликтом интересов:

— Вот, например, возьмем распространенную ситуацию. Пришел кто-то из бизнеса работать в правительство и стал контролировать ту отрасль, в которой работал. Квоты стал распределять... Сразу налицо явный конфликт интересов. Все в напряжении. Что ему делать? С работы увольняться? Но он не хочет. Да и то, что делает, не преступление.

— Рабочая ситуация? — уточнил я.

— Вот именно! — подтвердил господин Медведев. — И ничто иное. Что делать в этой ситуации?

По его мнению, тут и нужен свод правил, которые изложены в указе президента. Исполняя их, чиновник может ни о чем не беспокоиться.

— Или обратная ситуация, — добавил господин Медведев. — Занимался человек в правительстве ка-

кой-то сферой бизнеса, а потом ушел в нее. Это тоже конфликт интересов!

На мой вопрос, как же этот конфликт может регламентироваться указом о поведении госслужащего, если человек уже ушел в частную фирму и там как частное лицо использует свои связи с другими госслужащими в правительстве, Дмитрий Медведев заметил, что речь идет и о чисто этических моментах.

— Есть повод подумать: нет ли с его стороны этических злоупотреблений?

— А если и есть?

— Все расставит по своим местам практика, — за-кончил этот непростой разговор Дмитрий Медведев.

Позже он добавил, что ни в коем случае нельзя ставить стену между бизнесом и госслужбой.

— А то, если ее поставить, то никто и не пойдет к нам на работу, — откровенно сказал он.

Сразу несколько пунктов указа посвящены отношениям чиновника со средствами массовой информации. С одной стороны, госслужащий «должен воздерживаться от публичных высказываний, суждений и оценок в отношении деятельности госорганов, их руководителей, если это не входит в его должностные обязанности», с другой — «уважительно относиться к деятельности представителей средств массовой информации по информированию общества». И в то же время «соблюдать установленные в государственном органе правила публичных выступлений»...

— То есть выступление с публичными высказываниями возможно, — прокомментировал Дмитрий

Медведев и эти пункты указа. — Если, конечно, санкционировано.

Ведь публичные высказывания, по его словам, — индивидуальная вещь: «Кто-то способен к ним, а кого-то нельзя выпускать на публичные выступления: у него начинает голова кружиться, и он говорит не то, что хотел».

Он несколько раз подчеркнул, что указ рисует цивилизованную модель поведения госслужащего и, разумеется, носит рекомендательный характер.

— Но, будучи сознательными участниками государственного процесса, служащие должны ему следовать.

При этом указ имеет вполне прикладное значение. Долгое время уходивший от прямого ответа на вопрос, какое именно, господин Медведев в конце концов рассказал о своем видении ситуации:

— Если служащий грубо и систематически нарушает положения указа, то начальство должно, видимо, посмотреть: ну вот, постоянно нарушает этические принципы. Как же так? Надо посмотреть на его деятельность повнимательнее.

— То есть провести служебное расследование?

— Да, провести служебное расследование! И потом еще раз сделать выводы!

При этом в администрации президента заявили, что им понятно: вряд ли можно надлежащим образом выполнять все положения указа, если резко не повысить оклады госслужащим. По словам членов рабочей группы по подготовке указа, нет никакой проблемы повысить их федеральным чиновникам. Это, оказывается, можно

сделать хоть завтра (сами чиновники из рабочей группы называли срок до конца 2002 года). Но кроме них есть госслужащие в субъектах федерации. Пока не решено, что делать с ними. Но эта неясность не освобождает и их от исполнения указа, который уже разослан на места.

Надо признать, что указ российского президента совсем не уникален. Например, в Евросоюзе имеется кодекс поведения еврочиновников. Им тоже предписывается проявлять чрезвычайную добросовестность, профессионализм; постоянно помнить, что отдельные граждане и целые компании склонны к искушению чиновников и оказанию на них давления; испрашивать разрешение вышестоящего начальства на получение подарков.

Дмитрий Медведев, правда, заметил, что, составляя указ, рабочая группа изучила эти правила. Но, видно, изучила плохо, потому что в этих правилах есть пункт, который начисто отсутствует в указе президента России. В них госчиновникам запрещено курить и употреблять спиртные напитки на рабочих местах.

С другой стороны, это был бы уже явный перебор.

Нет уверенности, что указ президента облегчил жизнь госчиновникам. Но и не осложнил. Но вот уверенности в себе министрам он явно не добавил. Да и откуда бы ей взяться? Люди работали «на чемоданах», как после президентской кампании 2004 года или после президентских выборов в марте 2008 года и до инаугурации в мае 2008 года.

Так, утром 10 апреля 2003 года члены правительства последними узнали о радикальных перестановках в кабинете. Придя на заседание, они обнаружили, что напротив привычных мест нет табличек с их фамилиями. (Такие таблички обычно раскладывают сотрудники протокола, чтобы никто не путался.)

На этот раз именно это обстоятельство все и запутало. Дольше всех не мог найти себе места министр обороны Сергей Иванов. Он, как обычно, подошел к правой половине стола, но там его не ждали. Прошло несколько минут, прежде чем министр обороны с облегчением занял свое кресло.

Не было никаких логических причин, которыми можно было бы объяснить такую радикальную перетасовку рассадки кабинета. Нервы у всех в те дни и так были на пределе. Любой пустяк мог привести к непредсказуемым результатам.

Кроме того, все заметили, что отсутствует замглавы администрации президента Игорь Сечин. До этого он не пропускал ни одного заседания. Его отсутствие бросалось в глаза, так как только он до сих пор всякий раз считал своим долгом обойти по кругу всех участников заседания, чтобы с каждым поздороваться. С этим все как-то свыклись. И вот на этот раз господин Сечин ни с кем не поздоровался. Просто потому, что не пришел.

Почему он не пришел? Глава администрации Дмитрий Медведев пришел. Его новый первый заместитель Дмитрий Козак пришел (первый раз, кстати). Все пришли. А Игорь Сечин не пришел.

Правда, потом выяснили, что господин Сечин ушел в отпуск. И сразу возник вопрос: «А время ли сейчас для отпусков?»

Вот в такой нервной обстановке, с ничем не объяснимой надеждой, что все как-нибудь обойдется, и началось это заседание.

Вообще, к завершению первого президентского срока Владимира Путина нервозность стала слишком заметна в работе правительства. Занятые (а особенно незанятые) места интересовали всех без исключения.

После переговоров с президентом Азербайджана Ильхамом Алиевым в Большом Кремлевском дворце 6 февраля 2004 года два президента вышли к журналистам. Как это обычно бывает в таких случаях, места в первом зрительском ряду заняли не журналисты, а первые лица двух стран. Кто бы мог подумать, что вокруг этих мест через какие-то мгновения развернется нешучная борьба?

Одно место в первом ряду пустовало. На него и обратил самое пристальное внимание министр культуры Михаил Швыдкой. Подойдя к министру иностранных дел Игорю Иванову, он попросил его пересесть на пустующее место.

— А я на ваше место сяду, — сказал он господину Иванову.

— Меня куда посадили, там я и сижу, — после короткого замешательства уверенно и твердо ответил Игорь Иванов.

Михаил Швыдкой вопросительно посмотрел на него. В этом взгляде не было ничего, кроме вежливого удивления.

— Табличка моя тут лежала, — добавил Игорь Иванов, — на этом стуле. На него и сел.

Господин Швыдкой со все возрастающим удивлением глядел на министра иностранных дел. Ему, похоже, была непонятна такая горячность в столь пустяковом деле.

— Конечно-конечно, не беспокойтесь, — министр культуры даже успокаивающе помахал рукой господину Иванову, и отошел.

— Вот же было пустое место, — пожал плечами министр иностранных дел. — Садился бы, да и все.

Михаил Швыдкой услышал это замечание и уже из прохода пробормотал:

— Я между силовиками не сажусь. Плохой знак.

Места делили таким образом постоянно. В этом участвовал и ставший 30 октября 2003 года после отставки Александра Волошина главой администрации президента Российской Федерации Дмитрий Медведев.

Вечером 24 февраля 2004 года в Кремле состоялось совместное заседание президиума Госсовета и Совета безопасности, посвященное инновационной политике государства. На заседание пригласили едва ли не всех членов правительства. За несколько минут до начала заседания президент по телевидению заявил об отставке кабинета министров.

Минут за сорок до начала заседания я узнал, что вот-вот произойдет что-то страшное. За полчаса до заседания стало известно, что именно. В аппаратную ВГТРК, которая с некоторых пор функционирует в ситуационном центре в первом корпусе Кремля, принесли интересную кассету.

Надо заметить, что ситуационный центр был оборудован еще при первом президенте России Борисе Ельцине, но фактически не работал. Мало пользовался им и Владимир Путин — в основном для своих контактов с космосом, например, когда выходил на связь с Международной космической станцией. И вот недавно технике, которой напичкан ситуационный центр, нашли достойное применение. Теперь из новой аппаратной ВГТРК перегоняются оперативные сюжеты о быстротекущей кремлевской жизни.

На кассету коллеги с Первого канала записали заявление президента России Владимира Путина. В нем шла речь об отставке правительства. По появившейся у меня информации, заявление записывали именно в то время, которое в первый рабочий день недели отводится для заседаний кабинета министров. И это заседание не состоялось.

Между тем заседание по инновационной политике никто отменять не собирался. В Георгиевском зале Кремля уже собирались ученые. Я ждал членов кабинета министров. А разве вам не доставило бы удовольствие понаблюдать за реакцией людей, которым только что рассказали, что они уволены?

Первым в Георгиевский зал вошел министр образования Владимир Филиппов. Я попросил его прокомментировать случившееся. Ведь именно в эти минуты президент по телевидению делал свое заявление.

— А что я должен прокомментировать? — с интересом спросил министр образования.

— Вашу отставку.

— Да? — на лице господина Филиппова появилось выражение.

Трудно передать его имеющимися у меня в распоряжении словами. В этом выражении были и сочувственное внимание ко мне, и пытливость ума, и абсолютная готовность и подтвердить, и опровергнуть.

— А вы что имеете в виду? — продолжил министр.

— Заявление президента.

— И когда оно прозвучало?

Владимир Филиппов спрашивал уже с некоторым подчеркнутым безразличием, давая понять, что он, конечно, в курсе того, как что-то в этом роде давно готовилось, но просто не знал точную дату и время. Но тут его выдал его же собственный наводящий вопрос.

— По поводу всего правительства заявление? — спросил он.

Владимир Филиппов спрашивал почти утвердительно. Почти, но не совсем. Редко когда в своей жизни я встречал в человеческих глазах настолько неподдельный интерес. Нет, он ничего не знал. Ничего. Я коротко, своими словами пересказал ему заявление Владимира Путина. Так, я упомянул, что президент

хочет сменить команду, потому что население страны вправе, по его словам, знать, с кем он собирается работать следующие четыре года.

— Правильно сказано, — одобрил Владимир Филиппов. — В самую точку. Именно команду. Дело в том, что мы и до этого работали в команде. И хочу заметить, что члены правительства — люди команды президента. Конечно!

— Тогда зачем же менять людей? Они и так команда.

— Нет, вы меня не так понимаете. Команда команда рознь.

— Может быть, команда председателя правительства и команда президента — это разные команды? Или, другими словами, Михаил Касьянов и Владимир Путин с какого-то времени — в разных командах?

— Что вы! — не дал мне договорить господин Филиппов. — Это вообще неразделимые понятия. Это одна команда.

Возможно, поняв, что запутал не только меня, а прежде всего запутался сам, министр образования поощрительно кивнул и отошел к телекамерам. Дальнейшее наблюдение за ним показало, что с каждой секундой он все лучше держит удар. Минут через десять ему почти полностью удалось избавиться от синдрома «команды». Он наконец перестал повторять это слово, а на мой вопрос, хотелось бы ему поработать в новой команде, вздрогнув, ответил, что не будет обсуждать эту тему.

В нескольких шагах от министра образования стоял президент Российского союза промышленников

и предпринимателей господин Вольский. Он сказал, что позавчера (на самом деле три дня назад) встречался с председателем правительства. Это было на совете по предпринимательству при правительстве России.

— И ничто не предвещало...

Аркадий Вольский явно хотел продолжить «беды», но тут же раздумал. Вместо этого он вспомнил, что такое в истории России уже случалось.

— Степашин, помните, узнал о том, что он уже не премьер, из печати.

— То есть вы хотите сказать, что это стиль первого президента России? — сразу спросил его кто-то.

— Я ничего не хочу сказать, — обиделся господин Вольский. — Что же вы так сразу... Но хочу сказать я вам вот что. Слишком уж все неожиданно. Лично я ни в чем не уверен. Посмотрим.

Господин Вольский старался выглядеть человеком опытным во всех отношениях.

— Но ведь уже было заявление президента по телевидению, — напомнил я.

— Посмотрим, — повторил Аркадий Вольский. — Еще ничего не ясно. Я этого выступления не видел.

— И сколько вам нужно времени, чтобы посмотреть?

— Неделю где-то, — подумав, ответил господин Вольский. — Вон, смотрите, министры идут. Налетайте!

В Георгиевский зал действительно вошел министр по налогам и сборам Геннадий Букаев. Я налетел:

— Давно узнали?

— Да вот, — пожал он плечами. — Подходя к вам, и узнал.

— Готовы прокомментировать это решение?

— Я вообще-то к Госсовету готовился. Но могу. Очень своевременное решение.

— Как это? — удивленно спросил я.

Мне-то казалось, что это решение можно назвать каким угодно, но только не своевременным. Похоже, и господин Букаев почувствовал, что это перебор.

— Ну, может, и не столько своевременное, сколько правильное, — уточнил он.

Следом за ним шел министр здравоохранения господин Шевченко.

— Вы тоже только что узнали?

— Полчаса назад, — терпеливо улыбнулся министр.

— То есть чуть ли не раньше всех?

— Ну, это вряд ли.

— И какая у вас реакция?

— Очень хорошая, — оценил свою реакцию министр здравоохранения. — Правильное, нужное решение!

Я все ждал, кто же из них наконец скажет:

— Верно! Давно пора было всех нас уволить! Сколько можно терпеть это безобразие?!

По ступенькам Большого Кремлевского дворца в окружении нескольких сотрудников ФСО поднялся министр обороны Сергей Иванов. Обычно в меру приветливый с журналистами, на этот раз он вообще не среагировал на мой вопрос о заявлении президента.

По информации, которая появилась у меня позже, он и другие силовые министры узнали об этом решении гораздо раньше, чем президент объявил о нем по телевидению. Сюрпризом оно стало только для «гуманитариев» и председателя правительства Михаила Касьянова.

Тем временем всех пригласили в зал заседаний. Обычно перед такими мероприятиями журналистам раздают список участников. На этот раз список появился в единственном экземпляре и за несколько минут до начала заседания. Быстро стало понятно, почему: среди постоянных членов Совета безопасности фигурировал «и. о. председателя правительства России В. Б. Христенко. Господин Христенко не является, конечно, постоянным членом Совбеза. Это была ошибка, которую допустили в суматохе, когда переделывали составленный список с фамилией Михаила Касьянова.

Президент, как всегда, вошел, когда все сидели на своих местах. Кроме одного человека. Глава президентской администрации Дмитрий Медведев сел на стул президента, поближе к одному из главных новсмейкеров этого дня — господину Христенко, и о чем-то с ним обменялся парой приветливых фраз. Но потом Дмитрию Медведеву деликатно дали понять, что он занял не свое место.

Заседание прошло в обычном режиме. О чрезвычайном происшествии речи не было. Владимир Путин несколько минут без упоминания говорил о долгосрочном прогнозе инновационного развития. Хотя всех интересовал совсем другой прогноз — чрезвычайно краткосрочный. В ближайшие дни должна стать известна

кандидатура нового председателя правительства, которую Владимир Путин представит для утверждения в Госдуме. Из источников в Кремле мне стало известно, что это не обязательно будет кандидатура Виктора Христенко. В течение недели Владимир Путин назовет человека, с которым готов идти до конца.

А может, уже тогда, на радость политологам, стоило подумать, зачем Дмитрий Медведев сел на этот стул? Он вообще-то знал, что делал. Во всяком случае, реформа кремлевской администрации в его исполнении прошла очень организованно.

Утро 25 марта 2003 года у журналистов кремлевского пула, покорно ожидавших хорошей погоды у моря в оздоровительном комплексе «Дагомыс», началось с драматического известия о том, что в пансионате «Русь» до запланированных на этот день двусторонних встреч с губернаторами Южного федерального округа и совещания по проблемам региона пройдет некая встреча в резиденции президента «Бочаров ручей». Никто не хотел говорить, что это за встреча. Попытки что-то выяснить разбивались о стену непонимания. А может, сотрудники пресс-службы президента и сами не знали, с кем решил встретиться президент? А может, об этом не знал и он сам? Через три часа ожидания в «Бочаровом ручье» на холодном мартовском солнце (если честно, при + 23 °С в тени) ни одно предположение не казалось уже невероятным.

В половине шестого вечера нас пригласили в рабочий кабинет президента. Через несколько минут там

появился Владимир Путин. Еще секунд через десять в кабинет вошел руководитель администрации президента Дмитрий Медведев. Так один из журналистов выиграл хороший ужин в баре оздоровительного комплекса.

— Насколько я понимаю, вы готовы? — спросил Владимир Путин Дмитрия Медведева.

Тот был абсолютно готов. Доказательством служили несколько папочек разного цвета у него в руках. Именно в этих папочках была заключена судьба коллектива единомышленников, именуемого администрацией президента России. Дмитрий Медведев сказал, правда, всего пару слов: уменьшается количество управлеченческих звеньев, структура администрации будет лучше стыковаться с новой структурой правительства. Администрация становится более компактной.

На этих словах наше участие в этом проекте было исчерпано. Напоследок, выходя из кабинета, я увидел, как из одной папочки Дмитрий Медведев достал лист бумаги, на котором было написано: «Указ президента Российской Федерации». Президент углубился в чтение своего указа.

Все это, по меньшей мере, не напоминало ситуацию с реорганизацией правительства. Можно было даже сказать, что все пока получалось наоборот.

Тем временем в пансионате «Русь» все было готово к совещанию губернаторов. Вместо четырех двусторонних встреч решили за нехваткой времени провести две.

У входа в пансионат стоял замглавы администрации президента Александр Абрамов. Он с нескрываемым интересом поинтересовался, о чем Дмитрий

Медведев и Владимир Путин только что рассказали друг другу. Господин Абрамов по долгу службы был единственным, кроме пресс-секретаря президента Алексея Громова, высокопоставленным сотрудником реформированной администрации на этом совещании. На вопрос, что будет, как ему кажется, с его управлением, он пожал плечами:

— Похоже, вы пока знаете больше меня.

Потом он предположил, что однажды в новейшей российской истории уже было нечто подобное. Борис Ельцин как-то реформировал свою администрацию, и в ней появилось множество помощников, претендующих на многое, а в перспективе на все. Дело свелось между тем к их войне друг с другом и с начальниками таких же управлений в администрации. Господин Абрамов, впрочем, выразил безоговорочную уверенность в том, что на этот раз так ни в коем случае не произойдет.

Поднявшись на второй этаж, где президент России должен был встретиться с президентом Ингушетии Муратом Зязиковым, я увидел главу президентской администрации. Дмитрий Медведев стоял в коридоре с демонстративно беспечным видом. В руках у него была та самая папочка с указом. Видимо, указ был уже подписан. Подошедший Александр Абрамов вежливо и довольно твердо потянул папочку к себе. Дмитрий Медведев с интересом поглядел на него, но папочку отдал не сразу. Александр Абрамов с головой ушел в чтение.

В это время Мурат Зязиков начал рассказывать президенту, как вверенная ему Ингушетия при ее малоземелье склонна к коллективной форме хозяйствования.

ния и какой рекордный урожай кукурузы и картофеля был собран в прошлом году. Президент слушал господина Зязикова с неослабевающим вниманием.

Выйдя из кабинета, я снова увидел в коридоре Дмитрия Медведева. Он явно не прятался от журналистов. Очевидно, тут следовало бы написать, что это делало ему честь, но рука не поднимается.

Я спросил главу администрации, решен ли вопрос с его первым замом.

— Нет у меня первого зама, — как-то горько сказал господин Медведев. — Есть просто замы.

— И сколько?

— Два всего, — снова вздохнул он.

— А остальные?

— Какие остальные?

— Ну, те, кто раньше были вашими замами?

— Они теперь помощники.

— Чьи?

— Не мои, — с каким-то уже опустошением сказал Дмитрий Медведев. — Президента.

— А кто же стал вашими замами?

— Кто эти счастливцы? — переспросил Дмитрий Медведев. — Сурков и Сечин.

— А что с управлениями, которые возглавляли замы?

— Внутренняя политика сливается с территориальным управлением, — и господин Медведев весело посмотрел на бывшего замглавы администрации господина Абрамова, все еще читавшего тут же, рядом, указ.

— А глава управления будет помощником?

К моему удивлению, господин Медведев задумался. Очевидно, и он, единственный, казалось, уверенный в себе здесь человек, знал ответы не на все вопросы.

— Начальник управления может быть помощником, — медленно сказал он. — А может быть, и не помощником. Ну, так я пойду? — вопросительно посмотрел он на нас.

— А бывший министр печати Михаил Лесин будет работать в администрации? — спросил я его напоследок.

Ведь бывший министр печати, в конце концов, был единственным человеком в правительстве Михаила Касьянова, который отказался возглавить агентство в правительстве Михаила Фрадкова.

Дмитрий Медведев качнул головой. Очевидно, он сначала хотел ответить «нет».

— Мы найдем ему достойную работу, — вместо этого ответил он.

Это может означать что угодно. Интрига, связанная с Михаилом Лесиным, таким образом, сохраняется. Правда, позже мне стало известно, что господин Лесин, скорее всего, будет назначен советником президента России. Это, безусловно, стоит расценивать если не как повышение, то уж, во всяком случае, не понижение его прежнего статуса. Кроме того, это может просто-напросто означать, что количество мест помощников президента ограничено.

Дмитрию Медведеву удалось наконец прервать наш разговор. Как раз к этому моменту Александр Абрамов дочитал указ.

— Что пишут? — спросил я его. — Будете помощником президента?

— Да, — с удовлетворением ответил господин Абрамов. — И секретарем Госсовета тоже.

— Александр Сергеевич, — вдруг протянул к нему руку через головы журналистов снова подошедший Дмитрий Медведев. — Вы папочку-то отдайте!

— Ой, а я ее хотел журналистам отдать, — кажется, пошутил господин Абрамов.

— А остальные помощники кто? — спросили его.

— А я остальными позициями не интересовался, — пожал он плечами.

Вскоре все эти люди стали, конечно, известны миру. Все замы превратились в помощников. Плюс к их отряду прибавилась Лариса Брычева, возглавлявшая до этого Главное государственно-правовое управление администрации.

Через пять минут суматохи и неразберихи в пресс-центре в коридоре снова появился Дмитрий Медведев. Ему и правда теперь некуда было спешить. Оставалось уточнить у него некоторые мировоззренческие позиции.

— А зачем было делать всех замов помощниками? — спросил я. — Разве это реорганизация?

— Так это же гораздо красивее! — сказал Дмитрий Медведев. — Вот смотрите. Я выезжаю за границу. Иногда это бывает. Не часто. И вот, как замглавы администрации приезжал, например, в Америку — и никакого впечатления не мог произвести там на людей, которые командуют, для примера, скрепками. Они

понимают, что такое помощник. У них руководитель аппарата Белого дома Эндрю Карт — помощник президента. Но вот и у нас теперь все нормально.

Тогда кто-то поинтересовался, известно ли, как распределяются обязанности между господами Сурковым и Сечиным.

— Пока уточняется, — без интереса ответил Дмитрий Медведев.

— Но можно же, наверное, предположить, что каждый будет заниматься примерно тем же, чем и раньше? — уточнил я.

— Конечно, — уверенно ответил глава администрации. — Было бы странно, если бы господин Сечин переключился вдруг на внутреннюю политику, а господин Абрамов начал бы отвечать за график президента.

— Не хватает вам Дмитрия Козака в роли первого зама?

— Очень! — воскликнул глава администрации. — Очень! Пока Дмитрий Николаевич командовал избирательным штабом президента, я устал подписывать бумажки. Теперь, похоже, между Владиславом Сурковым и Игорем Сечиным развернется нешуточное сражение за тяжелую повинность подписывать эти бумажки.

— А Козака жаль, — снова повторил Дмитрий Медведев.

Он явно хотел вернуться к этому разговору.

— Потому что ему предстоит сделать что-то неподъемное или просто жаль потерять его для администрации?

— И так, и так, — честно признался господин Медведев. — Жаль Козака. Он такой...

И Дмитрий Медведев с силой сжал кулак.

— Жесткий? — предположил я.

— Нет, — покачал он головой. — Упорный.

Господин Медведев еще раз сказал, что сотрудники администрации выводятся за штат. С ними будут подписаны новые трудовые договоры.

— А это что значит? Администрация будет сильно сокращена или не сильно?

— Реально будет сокращена, — сказал глава администрации. — Нас слишком много. Пора ряды почистить. Полпреды, кстати, все переназначены, забыл сказать.

— А их не пора почистить?

— Нет. Советники не назначены. Начальники управления... Ну, да не первый год работаем. Справимся. Пойдем, Саша, портфели делить! — махнул рукой Александру Абрамову Дмитрий Медведев.

— А пойдем! — легко согласился тот.

Смеяться над журналистом может каждый. Если он, конечно, глава президентской администрации или президентский помощник.

НАЗНАЧЕННЫЙ ВИЦЕ-ПРЕМЬЕР

глава 3

Не исключено, что прямая дорога в преемники открылась перед Дмитрием Медведевым 14 ноября 2005 года. Именно тогда президент России Владимир Путин произвел ряд революционных перестановок в правительстве и своей администрации.

На это заседание члены правительства собрались в том же составе, что и обычно. Когда журналисты вошли в кабинет, за столом уже сидели вице-премьер Александр Жуков, министр финансов Алексей Кудрин, министр здравоохранения и социального развития Михаил Зурабов, министр обороны Сергей Иванов, министр иностранных дел Сергей Лавров... Дальше всех от президентского кресла расположился советник президента по экономическим вопросам Андрей Илларионов. Он, казалось, демонстративно заслонившись от коллег рукой, перечитывал некие многозначительные (судя по нахохленному виду самого господина Илларионова) странички. Коллеги вяло перешептывались друг с другом. Затем, как обычно, появился помощник президента Игорь Сечин, через полминуты — председатель правительства Михаил Фрадков и глава администрации президента Дмитрий Медведев. Сразу за ними вошел Владимир Путин.

Едва присев, президент сказал, что хочет начать с оргвопросов:

— Мы с вами сейчас занимаемся проблемами приоритетов в развитии в сфере экономики, социального развития, — сказал он. — Часть этих вопросов мы с вами запакетировали в так называемые национальные проекты. Хочу подчеркнуть — именно часть.

А мог бы подчеркнуть — именно так называемые.

— Потому что это не все наши приоритеты, — терпеливо объяснял господин Путин, — а самые острые, злободневные: медицина, образование, доступное жилье...

Он помедлил, словно вспоминая, что же еще осталось, — и вспомнил.

— Сельское хозяйство, — с удовлетворением произнес господин Путин. — Для того чтобы лучше реализовать их, был создан Национальный совет. Первым заместителем был назначен руководитель администрации президента России Дмитрий Анатольевич Медведев.

Господин Медведев кивнул, подтверждая справедливость слов главы государства.

— И вместе с тем я с самого начала говорил, что эта работа должна быть сосредоточена в правительстве, и поэтому я принял предложение, чтобы Дмитрий Анатольевич Медведев перешел на работу в правительство в качестве первого заместителя председателя правительства.

Из слов президента выходило, что после всего, что он наговорил с самого начала, у него просто не было другого выхода.

На этих словах президента Дмитрий Медведев встал со стула, словно показывая, что он прямо сейчас готов освободить свое кресло. И вот в это же мгновение приоткрылась дверь, в которую две минуты назад вошел сам господин Путин. Кто-то за этой дверью стоял и, видимо, хотел войти, но постеснялся.

Тем временем господин Путин еле заметным жестом предложил Дмитрию Медведеву сесть. В этот же момент осторожно притворилась и дверь.

Дмитрий Медведев сел.

— Второе, — продолжил президент. — Как вы знаете, на совещании в министерстве обороны на прошлой неделе участники встречи высказывали озабоченность в связи с проблемами, с которыми сталкивается министерство обороны при реализации планов своего перспективного развития. Эти проблемы связаны с несогласованностью в деятельности различных министерств и ведомств.

Это называется: «все посмотрели на Сергея Иванова». Очевидно, пришла его очередь. И только Михаил Фрадков, поразительное дело, не смотрел ни на президента, который обычно поглощает все его внимание, ни на Сергея Иванова, ни на остальных членов правительства. Он буквально впился глазами в журналистов, на которых обрушивались эти новости. Михаилу Фрадкову в эти мгновения было важнее всего, похоже, что обо всем этом подумаю простые люди.

Я поймал себя на том, что не могу сдержать смеха (скорее всего истерического), и попытался подавить его, поняв, что это совсем не то, чего экспериментаторы ждут от фокус-группы. Но, увы, я толком так ничего и не смог с собой поделать.

— Председатель правительства, — продолжал президент, — вышел с соответствующим предложением: для лучшей координации в этой сфере заместителем председателя правительства будет назначен Иванов

Сергей Борисович, за которым сохранится пост министра обороны. Пожалуйста, значит...

И снова все посмотрели на Сергея Иванова, на этот раз включая даже Михаила Фрадкова. Господин Иванов, однако, не встал. Собственно говоря, он никому свое место в результате этих назначений и не уступал.

Теперь настала пора объявлять новых действующих лиц кремлевской политики. Господин Путин не заставил себя ждать:

— Конечно, мы с вами прекрасно понимаем, что эффективная работа может быть выстроена в ходе эффективного взаимодействия между правительством и администрацией... — произнес президент страны и, видимо, сам понял, что фраза эта была лишней для того, что он собирался объявить дальше.

— Поэтому на... — он, видимо, хотел сказать «пост главы администрации», но тогда никакой причинно-следственной связи с тем, что было сказано только что, не появилось бы.

— Вы хорошо знаете, — сам себя оборвал господин Путин, — что... что... как говорится... богатство России должно прирастать Сибирью...

А все, казалось, только привыкли, что Петербургом.

— Думаю, что сибиряки лучше всего знают, как это делать... поэтому на должность руководителя администрации президента России назначен губернатор Тюменской области Собянин Сергей Семенович. Пригласите его, пожалуйста.

Теперь дверь, из которой выходил господин Путин, распахнулась, и появился господин Собянин. Было заметно, что он бледен. Это он, конечно, пытался парой минут раньше войти в дверь.

✓ Войдя, господин Собянин остановился в нерешительности. Дело в том, что для него в кабинете не было места. Господин Медведев со своего кресла больше подниматься явно не собирался.

Неожиданно со своего кресла встал Владимир Путин.

— Сергей Семенович, привет! — воскликнул он так обрадованно, словно увидел губернатора впервые после долгой разлуки (между тем известно, что господа Путин и Собянин прилетели из Сочи в Москву прошлым утром на одном самолете. — А. К.). Весь его вид так и говорил: «А ты-то здесь откуда?»

Теперь Сергей Собянин должен был что-то сделать. Не исключено, что подавленный величием момента, он мог занять кресло и самого господина Путина. Возможно, почувствовав это, президент страны быстро сказал:

— Ага, возьмите стул и садитесь прямо сюда.

И он указал на пустующее пространство между собой и Дмитрием Медведевым.

Пространства этого было, впрочем, довольно мало. Сергей Собянин взял стоявший у стены резервный стул (боже, сколько времени он ждал своей очереди! Я стул имею в виду) и поставил его туда, куда указал президент. Теперь Сергею Собянину явно мешали ножки стола, и он сидел, дистанцировавшись и от президента, и от Дмитрия Медведева. Но все-таки сидел.

— Сергей Семенович работал в Совете Федерации, возглавлял в свое время комитет по конституционному законодательству. Он всем вам хорошо известен, так что с администрацией у вас должны быть продолжены конструктивные отношения, деловые, товарищеские, которые сложились за последнее время, — как будто расслабившись после хорошо проделанной работы, произнес президент.

На мой взгляд, проделана она была все-таки с некоторыми шероховатостями.

— Для полноты картины, — как будто наслаждаясь произведенным эффектом, продолжил господин Путин, — могу вас проинформировать (а мог бы и не проинформировать. — А. К.), что Сергей Кириенко (полпред президента в Приволжском федеральном округе. — А. К.) и полномочный представитель президента в Дальневосточном федеральном округе Пуликковский переходят на другую работу (позже мне удалось выяснить, что их ждет работа в правительстве. — А. К.). Соответственно на их должности назначаются другие лица: в Приволжском федеральном округе — Александр Коновалов, ранее работавший прокурором Республики Башкортостан (пока из небанальных подробностей про него лично мне известно только то, что он двухметрового роста. Но и это, мне кажется, о многом говорит. — А. К.), а полпредом по Дальневосточному округу назначен Исхаков Камиль Шамильевич. Это все, что я хотел бы сказать вначале.

После этого президент дал слово министру социального развития и здравоохранения господину

Зурабову, которому предстояло высказаться «по размещению высокотехнологичных медицинских центров». Тема, на мой взгляд, была актуальной: один такой центр сейчас точно не помешал бы большинству присутствующих (включая журналистов).

По крайней мере, стало понятно, зачем президент России внезапно уехал в Сочи. Он, как известно, встречался там и с господином Собяниным (обсуждалась, по версии президентского сайта, работа области в плане реализации нацпроектов, явка на выборы в поселковые образования Тюменской области и проблемы внедрения новой системы сбора молока, конечная цель которой, по мнению Сергея Собянина, — покупка производителем полноценной коровы), и с господином Исхаковым (говорили, если коротко, о реализации закона о местном самоуправлении).

Можно, впрочем, только догадываться о том, чем была вызвана такая спешка (очевидно, что спешили: еще в пятницу вечером большинство участников этого проекта даже не подозревали, что произойдет в их жизни в понедельник. Так, господин Медведев назначал на начало недели встречи как полноценный глава администрации. В выходные его в Москве не было. Могло сложиться впечатление, что он улетел в «Бочаров ручей». Но его не было и там. Есть информация, что Дмитрий Медведев провел выходные на отдыхе в ближнем Подмосковье).

Нельзя исключить, что Дмитрия Медведева экстренно мобилизовали на работу в правительство по той причине, что у Михаила Фрадкова несколько дней

назад резко ухудшилось здоровье. После визита в Китай его самолет совершил посадку в Комсомольске-на-Амуре, а затем председатель правительства на другом самолете был доставлен в Хабаровск в специализированный центр по лечению сахарного диабета. Планировавшаяся поездка Михаила Фрадкова в Португалию вообще была отменена.

Впрочем, тут же получает хождение, конечно, и более долгоиграющая версия, в соответствии с которой Дмитрий Медведев является избранным (Владимиром Путиным) преемником (Владимира Путина). Тогда логично, что он занимает ключевую должность в правительстве, чтобы быть на виду у своего народа. Но это как-то слишком логично, чтобы быть правдой.

Чиновники в кремлевских коридорах не сразу узнали про эту новость. Встреченный мной в одном таком коридоре помощник президента Сергей Приходько с большим недоверием отнесся к поздравлению с тем, что у него теперь новый начальник (не привык, наверное, что в паре «помощник президента — журналист» ньюсмейкером может быть журналист).

Убедившись, что Дмитрий Медведев и в самом деле уходит в правительство, Сергей Приходько счел необходимым уточнить:

— Но главой администрации он остается?

То есть господин Приходько не считал этот вариант развития событий полностью исключенным.

И ведь он, возможно, недалек от истины. По данным из источника, заслуживающего доверие, стало известно, что господин Медведев предполагает оставить

за собой основные проекты, которые он вел в должности главы администрации: проблематику СНГ, подготовку к летним Олимпийским играм в Китае... — в качестве, видимо, общественной нагрузки.

Получается, что господину Собянину достается оперативное управление текущими делами администрации президента — по крайней мере, в первое время. Впрочем, господин Собянин, утвержденный в новой должности, тут же улетел в Тюмень сдавать губернаторские дела. Господин Медведев уже принимал дела в правительстве. До конца недели обязанности главы администрации президента исполнял Владислав Сурков. Таким образом, до субботы у администрации президента три начальника.

Окончательно поверив в то, что один из глав администрации теперь и правда господин Собянин, господин Приходько загнул сразу четыре пальца на правой руке:

— Валентин Юмашев, Николай Бордюжа, Дмитрий Медведев... Теперь, значит, Сергей Собянин? Какая область? Тюменская? Ну, значит, человек приличный, — полностью разобравшись в обстановке, заключил господин Приходько.

Примерно через два часа после встречи с членами правительства, уже после того, как в Большом Кремлевском дворце закончились переговоры между президентом России Владимиром Путиным и президентом Узбекистана Исламом Каримовым, я спросил у вице-премьера Сергея Иванова:

— Теперь, видимо, не будет никаких проблем с построением вертикали в оборонной промышленно-

сти, во главе которой будет министерство обороны (некоторые члены правительства были против этого. — А. К.)?

— Наверное, — пожал плечами министр. — Да я сам еще ни в чем не разобрался! Я еще на работе не был!

— А где теперь ваша работа?

— В министерстве обороны! — обрадовался министр вопросу, на который он мог ответить твердо. — Хочу, чтобы это было ясно!

Ну, хотя бы это стало ясно.

Через две недели после назначения Дмитрия Медведева вице-премьером на традиционной понедельничной встрече президента Путина с членами правительства пересадки за столом в рабочем кабинете президента были настолько хаотичными, что в первый момент я был просто поражен. Но в результате, слушая министра Сергея Иванова, который за одно утро в Кремле заработал для офицерского состава Российской армии один миллиард долларов, решил сложнейший политический ребус.

Есть определенная традиция в том, где именно за столом в понедельник сидит каждый из членов правительства на встрече с президентом. Министр иностранных дел Сергей Лавров и министр внутренних дел Рашид Нургалиев — по одну сторону, вице-премьер Александр Жуков и министр экономразвития Герман Греф — по другую. Место в опасной близости от президента занимают: по правую руку — председатель пра-

вительства, по левую — глава администрации президента. Одним из последних перед началом встречи заходит помощник президента Игорь Сечин, который здоровается за руку со всеми, кто сидит за столом или стоит вокруг него, включая телекомпаний. После него обязательно одновременно появляются глава администрации и председатель правительства. Потом входит пресс-секретарь президента и через мгновение после него, когда напряжение у присутствующих достигает поистине немыслимого накала, — президент Российской Федерации Владимир Путин.

Этот порядок не нарушается годами. 28 ноября 2005 года он был сломан и растоптан.

Когда журналисты вошли в кабинет, все было уже кончено. Я не застал на привычных местах никого, кроме помощника президента по экономическим вопросам Андрея Илларионова (полагаю, в силу особенностей характера просто отказался пересаживаться) и министра здравоохранения и социального развития Михаила Зурабова (его лучше вообще не трогать).

В остальном политический ландшафт в кабинете изменился до неузнаваемости. На привычных местах не было ни Сергея Лаврова, ни Александра Жукова, ни Сергея Иванова, ни Германа Грефа — никого. Они все поменялись местами, сторонами стола... И даже общая сумма этих людей изменилась. К ним добавился первый вице-премьер Дмитрий Медведев.

Смысл этих пересадок оставался для меня такой же тайной, как и смысл перестановок недельной давности. Возможно, аналитики найдут для себя здесь

огромное поле для исследовательской работы. Я искал, и мучительно, но не находил.

Хоть какую-то долю уверенности в завтрашний день внес господин Сечин, совершивший свой обычный утренний ритуал в кабинете и занявший привычное место с краю, напротив Андрея Илларионова.

Я лихорадочно соображал. Так, я бы все понял, если бы силовики решили сгруппироваться на одной линии стола, объединившись с Игорем Сечиным. Но зачем им тогда нужен балласт в виде Михаила Зурабова? Или те, кто затеял эту многоходовку, не полностью контролируют ситуацию за столом?

А эти... Герман Греф и Александр Жуков... Трагические события последних дней выбили из их рядов товарища по оружию — министра финансов Алексея Кудрина (лежит в больнице). Что они без него? Выдергут ли? И почему место во главе их шеренги занял Сергей Собянин?

Нет, все-таки не сходится... Где-то не сходится. Нигде не сходится. Но должен же быть ответ у этой головоломки! Где же он? Где?! Думай, Андрей! Времени у тебя все меньше, оно работает на них, и скоро тебя, как обычно, выгонят из этого светлого кабинета вместе с твоими обо всем уже догадывающимися коллегами...

И вдруг я все понял. О господи! Не может быть! Это просто не укладывается в голове. Да их же всех, кроме господ Собянина и Фрадкова, просто рассадили по алфавиту! Вот они, по кругу, против часовой стрелки: господин Греф, господин Жуков, господин Зурабов, за ним господин Иванов, господин Лавров, господин Яковлев...

Замыкают стол с двух сторон господа Сечин и Илларионов (они не министры, поэтому сидят, как сидели).

Так я расколол этот политический ребус.

Ко всему, что теперь происходило за этим столом, я относился с невероятным для меня самого хладнокровием. Я нашел алгоритм, ключ к решению любой задачки. И он таков: все проще, чем кажется. С помощью этого ключа теперь можно открыть любую дверь.

И я спокойно слушал рассказ Владимира Путина о референдуме в Чечне, о том, как граждане республики продемонстрировали силу характера и поразительную организованность, сделав свой выбор, а правоохранительные органы предприняли все от них зависящее, чтобы сделать его безопасным для окружающих. Теперь я понимал, что именно на этой встрече нет сверхзадачи зафиксировать для своей и международной общественности предварительные результаты референдума, чтобы никто не успел в них усомниться. Просто президент отдает должное всем этим мужественным людям.

Владимир Путин многозначительно произнес, что поговорил с новым канцлером Германии Ангелой Меркель «о некоторых мерах по реализации проектов, которые были намечены раньше». Еще час назад я бы предположил, что Ангела Меркель не хочет реализовывать эти проекты и Владимир Путин вынужден принять определенные меры, чтобы все-таки заставить ее сделать это. Но теперь-то я понимал, что это не так. Это значит всего-навсего, что Североевропейский газопровод будет построен в срок, и скорее всего с опережением графика.

Михаил Фрадков говорил о том, что с той секунды, как в правительстве появилась новая должность, ему сразу стало легче. И я понимал, что здесь нет никакого намека на то, что он может вскоре покинуть свой пост по состоянию здоровья. Просто правительство наконец вздохнуло свободно — и заработало в полную силу.

И когда Владимир Путин заговорил о проблеме жилья для военнослужащих, я тоже не насторожился. Он объяснял, что офицерам нужны 480 тыс. квартир, а есть 205 тыс., и каждый год будет появляться еще примерно по 30 тыс. с тенденцией к ежегодному увеличению этой цифры. Сергей Иванов доложил, что по жилищным сертификатам, на которые имеет право каждый офицер, в Москве и Подмосковье согласны получать жилье только 5 % офицеров, потому что сертификат выдается из расчета на сумму 11 600 руб. за кв. м, а реальный метр стоит в два-четыре раза дороже.

Господин Путин делил военных на три категории: тех, кто, придя на службу, сможет получить квартиру по ипотечной системе (с ними все в порядке — государство им пока ничего не должно, а они будут должны государству столько, сколько ему потребуется); тех, кто получит квартиру, оставив службу (с ними тоже никаких проблем, пока они по порядку старятся на ниве служения отечеству); и тех, кто должен получить жилье по сертификатам.

— Если такими темпами будет решаться последняя проблема, то это минимум 12–15 лет, — объяснил господин Путин. — В каком положении находятся эти люди, если хотят получить по сертификату? Им пред-

лагают брать — и чего хочешь, то и делай! Ну как же так? Чего же мы людей за нос-то водим?! Хочешь — бери, не хочешь — не бери!.. Не захотел — и все, гуляй, Вася! Мы тебя вычеркиваем, мы тебе больше ничего не должны...

Президент России предложил немедленно пересмотреть параметры бюджета 2006 года и выделить из него на жилищные сертификаты для офицеров еще 15 млрд руб., которых, по оценкам министра обороны, не хватает, чтобы наполнить сертификат реальным содержанием, хотя бы на год. А на 2007 год — еще как минимум 15 млрд.

Грустно глядел на происходящее Герман Греф. Он слишком много знал. А об остальном догадывался.

Но знал ли он то, что теперь знал я? Ведь все гораздо проще, чем могло бы показаться и обязательно покажется множеству людей. Просто господин Путин, возвращаясь из турне по Корее и Японии, залетел в Магадан, заехал в погранотряд и поговорил с военными. И загорелся.

А искать миллиарды в многострадально сверстанном бюджете — нет, не царское это дело.

Тем более что нацпроектов, как быстро выяснилось, должно хватить на всех. И на заседании совета по их реализации, проходившем уже на следующий день, 29 ноября 2005 года подтвердилось смелое предположение о том, что эти проекты будут реализованы несмотря на то, что деньги, выделенные на них, будут украдены.

В совет по реализации приоритетных нацпроектов входят члены правительства, лидеры основных политических партий, полпреды президента в федеральных округах, высокопоставленные сотрудники администрации президента, некоторые губернаторы (из тех, которые, как пояснил мне один из высокопоставленных сотрудников администрации, «хоть что-то соображают») и другие достойные люди, чья компетенция в вопросах, которыми они занимаются по основному месту работы, не вызывает откровенных сомнений.

Заседание происходило в Александровском зале Кремля. Обычно в этом зале за овальным столом длиной метров в шестьдесят проводят заседания Госсовета. На этот раз все было принципиально иначе. Стол поставили квадратом. Обстановка должна была стать по замыслу организаторов, наверное, более интимной. А на мой взгляд, это было сделано только для того, чтобы у президента России имелась техническая возможность сверлить взглядом всех, кто сомневается в том, что его грандиозные планы можно и нужно реализовать.

В Георгиевском зале участники заседания закусывали и общались с журналистами. Трудно сказать, чем они занимались с большим удовольствием.

— Да раньше, раньше надо было всеми этими проектами заниматься! — с досадой говорил лидер КПРФ Геннадий Зюганов.

— Насколько раньше?

— Да лет семь назад можно было начать, восемь...

— А может, даже восемьдесят? — переспросил я его.

— Может, — неожиданно легко согласился лидер коммунистов. — Ну ладно, начали. Но все равно все неправильно делается. Кому-то повышают, а кому-то нет!

Ему, кажется, доставляло большое удовольствие, что кому-то не повышают.

Следовало признать, что нацпроекты, если они вдруг пойдут, поставят под сомнение как его собственное политическое долголетие, так и долголетие его партии.

— Всем невозможно повысить, — заметил кто-то. — Инфляция.

— Ерунда! — заявил Геннадий Зюганов. — Если деньги из стабфонда вложить, никакой инфляции не будет!

— Куда вложить? — осторожно, чтобы не разбудить в нем экономиста, спросил я. — В зарплату?

— Да нет, зачем? В производство надо вкладывать! — объяснил Геннадий Зюганов.

Все-таки я, кажется, разбудил в нем экономиста.

— Так, а с инфляцией-то что? — переспросил я.

— Если зарплату разумно выдавать, никакой инфляции не будет, — уверенно сказал он.

— Разумно — это как?

— Это значит, смотря подо что, — продолжал объяснять Геннадий Зюганов. — И смотря кому.

Так мы за полминуты вернулись к началу этого разговора. Рядом стоял лидер ЛДПР Владимир Жириновский. Он с пеной у рта (в буквальном смысле) доказывал, что четырех нацпроектов (жилье, образование,

здравоохранение и сельское хозяйство) стране мало. Ей крайне нужен пятый — дороги!

— Тогда и шестой — дураки, — предположил я. — Надо бы их как-то победить. Тогда и все остальные проекты сами собой реализуются.

— Нет! — закричал Владимир Жириновский. — Все наоборот! Если получатся первые пять проектов, дураком будет жить стыдно и дураков не будет автоматически!

О приоритетности нацпроектов можно было спорить, впрочем, до бесконечности.

Один из самых заинтересованных участников совещания, министр сельского хозяйства Алексей Гордеев, отвечал на вопрос о том, почему, если в сельском хозяйстве в очередной раз отмечена рекордная урожайность, на Горбатом мосту у здания правительства митингуют сельхозпроизводители?

— Эта акция, — говорил Алексей Гордеев, — проводится профсоюзами в поддержку поручения правительства, которое было дано в сентябре этого года...

— Подождите, — сказал я, — но там же самый невинный из лозунгов — «Минсельхоз душит сельское хозяйство!». Я сам видел, проезжал мимо.

— А, ну тогда не знаю, — пожал плечами министр.

Заседание началось через час. Одним из последних в зале появился глава «Газпрома» Алексей Миллер. Пока не вошел Владимир Путин, господин Миллер, похожий на главного спонсора нацпроектов, активно беседовал с главным исполнителем этих проектов —

первым вице-премьером правительства Дмитрием Медведевым.

Владимир Путин в начале заседания заявил, что из бюджета на реализацию нацпроектов будет дополнительно выделено около 138 млрд руб., а с учетом средств внебюджетных фондов и государственных гарантий — около 180 млрд.

— Еще раз подчеркну: эти ассигнования не заменяют, а дополняют плановое финансирование соответствующих отраслей. И в итоге в 2006 году общие расходы федерального бюджета на образование и сельское хозяйство увеличатся более чем на треть, в здравоохранении — на 60%, в жилищной сфере — в четыре раза, — продолжал господин Путин. — Очевидно, что еще пару лет назад о таких объемах финансирования можно было только мечтать.

Но никто из министров, конечно, даже и не мечтал.

Главной задачей совета господин Путин считает рациональное использование этих средств и контроль над этим использованием. То есть он понимает, что отдельные участники проекта попытаются украсть по крайней мере часть этих денег. Иначе, как говорится, и заводиться не стоило.

— Вместе с тем, — отметил глава государства, — еще даже не все региональные руководители хорошо знают, как и что конкретно нужно делать, я уже не говорю о рядовых участниках этого процесса — о директорах школ, главврачах поликлиник и так далее.

Но они, конечно, скоро разберутся.

Господин Путин поговорил с членами совета обо всех нацпроектах, и особенно подробно о жилье. В этой сфере надо, правда, все разбюрокрачивать.

— Ничего невозможного добиться! — сделал тяжелое признание президент России. — На уровне кланов, я иначе назвать не могу, все стопорится.

После Владимира Путина выступил первый вице-премьер правительства Дмитрий Медведев. Он говорил о том же самом, но конкретнее. Так, выяснилось, что за два-три года в стране будет построено несколько высокотехнологичных медицинских центров.

Господин Медведев поделился волнующими подробностями о том, как будет устроена эта работа. Возникнут новые комиссии из депутатов и членов правительства, с пугающей частотой будут проводиться мониторинга настроений в обществе и во власти. Дмитрий Медведев в коротком энергетичном докладе намерен были продемонстрировать готовность решать вопросы.

У него и в самом деле есть для этого все, что нужно. И в том числе даже кабинет в Кремле. Не тот, который он занимал, будучи главой администрации президента. Этот кабинет занимает теперь Сергей Собянин. Дмитрию Медведеву выделили другой кабинет. На мой вопрос, зачем вице-премьеру правительства кабинет в Кремле, высокопоставленный сотрудник администрации президента без колебаний, словно всю жизнь готовился к ответу на этот вопрос, заявил, что «для налаживания теснейшего взаимодействия с президентом и членами его администрации в деле реализации новых проектов».

Таким образом, у господина Медведева появилась уникальная возможность командовать парадом нацпроектов сразу с двух высот. Теперь он сидел если не на двух стульях, то уж в двух кабинетах точно.

После этого заседание продолжилось без журналистов. Выступили все профильные министры, потом высказались желающие. Ими оказались, конечно, лидеры партий. Господин Жириновский пока сидел на заседании, наметил еще один нацпроект и теперь искал для него достойных исполнителей.

Речь идет о борьбе с вырождением нации. В том, какими быстрыми темпами идет вырождение, Владимир Жириновский убедился, когда недавно отдыхал в санатории в Иванове. Дело в том, что все, кого он встретил в этом санатории, оказались женщинами. И обслуживающий персонал, и отдыхающие — одни только женщины. Господин Жириновский нашел в происходящем больше минусов, чем плюсов.

— Да, — сказал, заинтересовавшись поступившей с мест информацией, президент, — но вот мы здесь сидим, и в этом зале всего пять женщин, а остальные — мужчины.

Владимир Жириновский согласился с тем, что на высшем государственном уровне мужчины пока преобладают, но чем дальше вниз, тем безнадежнее дело.

Заседание продолжалось три часа.

После окончания заседания министр регионального развития Владимир Яковлев рассказал, что объем строительства в жилищной сфере к 2010 году вырастет с 40 млн кв. м до 80 млн, а процент по ипотечному кредиту,

наоборот, снизится с 18 до 7. Министр науки и образования Андрей Фурсенко говорил, что уже в феврале учителя получат новые выплаты за классное руководство. Укрепить дух коллег по реализации всех этих планов решила губернатор Петербурга Валентина Матвиенко:

— Надо не просто, чтобы это было движение куда-то в никуда, а чтобы мы добились конкретных результатов.

Кроме того, громадье президентских планов прокомментировал высокопоставленный сотрудник администрации президента, которого другие высокопоставленные сотрудники администрации попросили остаться неназванным. Информация, которую он анонимно разгласил журналистам, заслуживала, таким образом, особенного доверия — ввиду ее особой конфиденциальности.

Выяснилось, что на реализацию проектов, и прежде всего на строительство высокотехнологичных медцентров, претендуют многие регионы. В Татарии, Ханты-Мансийске, Тюменской области уже готовы финансировать строительно-монтажные работы. В других регионах согласны участвовать в поставке оборудования.

Сотрудник администрации был настроен оптимистично:

— Мы видим, — сказал он, — из докладов министров, что качественная работа по реализации этих проектов возможна.

И он привел несколько примеров. Так, принято решение о лизинге племенного скота, определены скотоместа для него (термин министра сельского хозяйства Алексея Гордеева) и известна методика,

по которой быки-производители будут поставляться в конкретные регионы России. Уже кое-что.

На выходе из Большого Кремлевского дворца я спросил у открывшего лицо начальника экспертного управления администрации президента Аркадия Дворковича, верит ли он хоть на секунду в то, что все эти проекты и в самом деле могут быть реализованы.

— Верю, — вздохнув, сказал он. — Хотя, наверное, что-то разворуют. Но мы их все равно реализуем.

То есть денег в стране на всех хватит.

К концу 2005 года неизбежной важностью нацпроектов прониклись все без исключения губернаторы. Чтобы лишний раз пристимулировать их, президент Владимир Путин вместе с членами правительства 27 декабря принял участие в работе Госсовета над нацпроектами и заявил, что государство под его руководством должно работать как единая корпорация.

Губернаторы явно готовились к этому заседанию, на котором предстояло обсудить готовность регионов к реализации нацпроектов. Некоторые, судя по всему, не один год. Так, губернатор Ставропольского края Александр Черногоров заявил, что он все, что надо, практически сделал.

— Ну, смотрите! — потирая руки, говорил он, стоя в фойе Большого Кремлевского дворца. — Начнем с сельского хозяйства. Собрали в этом году рекордный урожай зерновых. 420 тыс. тонн одних семечек! О! Вот он подтвердит!

И господин Черногоров схватил за руку проходившего мимо министра сельского хозяйства Алексея Гордеева.

— Ну, как, нормально? — спросил губернатор.

— Супер! — ответил министр и, с усилием освободившись из рук губернатора, быстрым шагом пошел дальше.

— Ну! Я же говорил! Считает, что все у нас в крае супер! — обрадовался Александр Черногоров. — И не только по сельскому хозяйству!

И он рассказал, что со здравоохранением проблемы в его крае тоже решены.

— Уже работаем с историей болезни, а не с болезнью, — пояснил он. — Много пришлось для этого сделать. Правительство, слава Богу, сменилось.

— Ну да, осталось только юридически оформить, — осторожно сказал я. — К весне, видимо, ближе.

— А, вы про федеральное правительство? — засмеялся Александр Черногоров. — Я-то про свое, краевое! Но вы тоже правы. Как говорил великий Александр Лукашенко, надо перетрахивать и перетрахивать!

— То есть два из трех нацпроектов у вас реализованы, — вернул я его к теме Госсовета.

— И образование тоже! — еще больше обрадовался Александр Черногоров. — Все ученические производственные бригады сохранены. Грант Международного валютного фонда по компьютеризации выиграли. В следующем году все школы края будут полностью компьютеризированы. Все!

— Три проекта из четырех, — зафиксировал я.

— С жильем сложнее, — признался он. — Занимаем восьмое место среди субъектов по вводу жилья. Зато ВВП в крае удвоим в 2009 году.

— А вы с женой приехали на Госсовет? — не удержался я. — Говорят, всех губернаторов с женами пригласили.

— Да, приглашали с женами, — согласился он. — Но я один приехал. Я сегодня же обратно. Мне же работать надо.

— А с овцой у вас как? — негромко заговорщики спросил губернатора пожилой журналист из «Сельской жизни». — И с коровами ситуация крайне интересует.

— С коровами? — переспросил Александр Черногоров. — Поголовье, конечно, сократили. Но лучшая ферма в России у нас будет, в следующем году. 90 тыс. тонн молока в сутки даст!

— А даст? — с сомнением переспросил журналист.

— Конечно, даст! — воскликнул Александр Черногоров. — Американцы же строят!

Через несколько минут в фойе Георгиевского зала президент Чечни Алу Алханов рассказывал:

— Из нацпроектов у нас практически все в нулевой стадии. Для нас это все как лозунг. Потребуется очень много денег! Очень!

Я подумал, что федеральному центру больше люб будет, конечно, казак Александр Черногоров. А деньги дадут Алу Алханову. То есть все останутся довольны.

Рядом мэр Москвы Юрий Лужков рассказывал о том, что с ним случилось во время городского торжества у памятника Юрию Долгорукому, которого по слухам надвигающегося праздника нарядили Дедом Морозом.

— Мне вчера попало... — качал он головой.

На голове была заметная, пока что не зажившая рана.

— За Долгорукого? — сочувственно спросил кто-то.

— Да нет, буквально, — отвечал он. — Неразорвавшаяся петарда упала — и ка-а-к...

Мэр даже чуть-чуть присел при одном только воспоминании об этом случае. Очевидно, он имел в виду, что петарда все-таки разорвалась, и прямо у него на голове.

Возле министра науки и образования Андрея Фурсенко стоял один из губернаторов и просил довести до конца историю с вузами. Надо было, как я понял, решить проблему вузовской собственности.

— Так вы делайте хоть что-то сами! — парировал господин Фурсенко. — Готовьте документы.

— Так а собственность-то чья? — спрашивал губернатор.

— Государственная, — терпеливо отвечал ему министр.

— Так а государство-то кто? — радовался губернатор. — Вы!

— Как же я не люблю губернаторов! — морщился господин Фурсенко.

Президент, когда все губернаторы собрались в Александровском зале, не заставил себя долго ждать (а все уже приготовились). Он говорил о том, что ни одна копейка из выделенных на нацпроекты денег не должна уйти налево. Еще пару недель назад он называл эти проекты «так называемыми». Накануне он в своей недлинной речи произнес словосочетание «национальные проекты» несколько раз — и ни разу не счел их так называемыми. Дело становится все серьезнее. Теперь это понятие относится к другому словосочетанию.

— Так называемое расширенное правительство — правительство и губернаторы — должны работать как единая корпорация, — произнес президент.

Владимир Путин впервые назвал госчиновников и губернаторов, не все из которых пока что назначены лично им, корпорацией. Понятно, кто в этой корпорации наемный работник. Это российский народ. Но кто акционеры корпорации? И у кого контрольный пакет акций? Есть ли уверенность, что у государства? Или, может, у топ-менеджеров? Как никогда нужны подробности.

Интересно, что впервые термин «корпорация» по отношению к строящемуся в России государству употребил советник президента по экономическим вопросам Андрей Илларионов, только что подавший в отставку с этой должности. В его устах термин звучал, мягко говоря, осуждающе. А президент страны использовал тот же термин, чтобы продемонстрировать, к чему следует стремиться.

Я, услышав про единую корпорацию, вспомнил выражение лица члена правительства Андрея Фур-

сенко, когда тот говорил о коллеге по корпорации: «Как же я не люблю губернаторов!».

Первый вице-премьер Дмитрий Медведев говорил не о стратегии использования средств, выделенных на нацпроекты, а о тактике:

— Деньги, выделяемые на эти проекты, извините за такое слово, это святые деньги!

То есть он умолял губернаторов тратить их по назначению. Очевидно, Дмитрий Медведев понимал, что других аргументов, кроме такой отчаянной просьбы, у него нет. Он, правда, говорил, что в субъектах Федерации должны быть сетевые графики, такие же, как и сверстанные на федеральном уровне.

— Контроль, конечно, будет. Но не должно получаться так, что у нас контролеров будет больше, чем других участников проекта, — заявил господин Медведев.

Владимир Путин предоставил слово президенту Татарстана Минтимеру Шаймиеву.

— Чем отличается прошлый декабрь от нынешнего? — спросил он присутствующих. — В прошлом году мы заговорили о монетизации, тряслись коленки, правда, в целом все стоим сейчас на ногах. А сейчас встречаем Новый год в приятном состоянии.

Минтимер Шаймиев рассказал, как еще полтора года назад он сказал президенту страны, что в Татарии будет запущена программа социальной поддержки населения. И вот в следующем году уже заселяются 6 тыс. квартир! Проблема пошла!

Если посчитать, то это получается 30 многоквартирных домов на всю республику, не больше. Но пре-

зидент Татарстана умеет работать с цифрами. В его исполнении цифра 6 тыс. прозвучала просто превосходно.

— Главное, с чем мы сталкиваемся при реализации жилищной программы, — вопросы выделения земельных участков, — говорил президент Татарстана. — Люди понесут затраты на стоимость квадратных метров, но не будут иметь собственности на землю!

Минтимер Шаймиев говорил очень долго. Все слушали его внимательно и терпеливо ждали, когда он закончит. А он говорил про демографическую проблему, решать которую надо, по его мнению, «с двух концов». То есть следует увеличивать рождаемость и продлевать жизнь тем, кто уже однажды родился. Эта концепция противоречила по крайней мере одному нацпроекту: если она будет реализована, возникнут дополнительные проблемы с реализацией программы «Жилье».

Губернатор Самарской области Константин Титов поведал о том, что «село всегда было ресурсом людей для города». В этом, по его мнению, и состоит, видимо, его главное предназначение. Он рассказывал, как решается проблема жилья в его области:

— При зарплате врача общей практики в 15 тыс. руб. можно платить ипотеку по 7 тыс. в месяц, и еще останется 7–8 тыс. руб. на содержание семьи, — утверждал он.

Подробный рассказ о том, как губернатор Титов содержал бы семью на 7–8 тыс. руб., был бы гораздо увлекательнее.

Он поделился информацией о том, как 45% семей в Самарской области отказались от соцпакета, решили взять вместо него деньги и как теперь жалеют об этом.

— Те, кто не отказались, получают лекарства, правда, не те, какие хотят. А те, кто отказались, приходят к врачу, и он кладет их на госпитализацию. Разве это нормально?!

— Совсем себе противоречит! — громко и сочувственно сказала сидевшая недалеко от меня губернатор Санкт-Петербурга Валентина Матвиенко.

— Чего же они отказывались-то? — пытался понять, о чем говорит господин Титов, Юрий Лужков.

— У них в пакете нужных лекарств нет, — словно услышав их, пояснял господин Титов. — Они приходят к врачу и говорят: «Никуда не денешься, положишь меня в больницу!».

Губернатор Самарской области нашел довольно странный рецепт справиться с этой проблемой. Он предложил дать возможность гражданам, которые отказались от соцпакета, все-таки выкупить его. Очевидно, для того, чтобы раз и навсегда лишить себя возможности лечь в больницу.

Лично я предвижу дополнительные сложности при реализации нацпроекта «Здравоохранение» в Самарской области.

Напоследок господин Титов рассказал, что «есть же типовые проекты — и в образовании, и в жилье», и предложил как можно активнее пользоваться ими. А я подумал, что, возможно, следует ввести в обращение новый термин — «типовoy нацпроект».

На выступлении губернатора Омской области Леонида Полежаева несколько губернаторов уже спали сном младенцев. Проснувшись и поняв, что Леонид Полежаев все еще не сошел с трибуны, они начинали потягиваться и капризно хмуриться.

Часть аудитории разбудил губернатор Белгородской области Евгений Савченко, предложивший «закрыть дыры на границе и отменить все зоны свободной торговли». Его категорически не устраивает и ипотека. Она уместна, по его мнению, только в тех странах, где инфляция не больше 1% в год. Надо создавать кассы взаимопомощи, считает он (такие кассы, как известно, широко практиковались на бытовом уровне в советское время). Ну и наконец имеет смысл, по мнению Евгения Савченко, по итогам года давать трудящимся премии от государства за накопления, которые они держат в банках.

На этих словах господа Путин и Фрадков, переглянувшись, уже хохотали. А Евгений Савченко говорил про то, что надо срочно изменить систему градостроения: она должна носить усадебный характер.

— Надо выходить на 1 млн усадеб в год, — произнес свою главную цифру Евгений Савченко. — Хотя это все равно на миллион меньше, чем в Соединенных Штатах... Но тогда хотя бы в каждой семье, которая будет жить в такой усадьбе, решатся ее бесчисленные жизненные проблемы...

Губернатор еще долго говорил о преимуществах усадебного образа жизни над любым другим, а потом заявил:

— Судьба в последний раз преподносит нам исторический шанс. Грешно его не использовать.

Не знаю, как насчет всех остальных, а вот Евгению Савченко судьба и в самом деле, похоже, в последний раз преподнесла исторический шанс, ибо шанса быть переназначенным на новый срок у него, если я ничего не путаю, после этого заседания нет.

Насторожило и выступление губернатора Ярославской области Анатолия Лисицына, который гораздо больше, чем Владимира Путина, цитировал Дмитрия Медведева. Губернатор, очевидно, полагает, что видит то, что, как говорится, временем закрыто.

В результате этого Госсовета губернаторы должны были понять, мне кажется, главное: для реализации нацпроектов им необходимо чтить десять библейских заповедей (а главное, одну из них — «не укради») — и все получится. Правда, пока еще никому, если не ошибаюсь, в полной мере это не удалось.

После заседания Госсовета его участники выглядели усталыми. Губернаторы вяло пытались в рамках единой корпорации наладить сотрудничество с министрами. После одной из таких попыток, уже в гардеробе, министр здравоохранения и соцзащиты Михаил Зурабов горько сказал:

— Какой же я хреновый министр...

— Давно вы это поняли? — спросил я.

— Да я-то с самого начала знал. И каждый день мне это говорят. Губернаторы особенно. Говорят и говорят...

Корпорация разваливалась на глазах.

Между тем президент Владимир Путин намерен был продемонстрировать, что готов идти до конца. На совещании Совета по реализации нацпроектов 7 апреля 2006 года он озадачил законодателей выработкой механизма изъятия земель у неэффективных собственников. А к середине заседания при обсуждении проблем образования уже вошел в роль классного руководителя.

Первым из приглашенных на заседание в Большом Кремлевском дворце появился лидер ЛДПР Владимир Жириновский. Он раздавал журналистам приглашения на торжественный вечер в честь собственного юбилея. Этот вечер через несколько дней тоже должен был пройти в Большом Кремлевском дворце («А чего такого? — пожимал плечами господин Жириновский. — Ну, Большой Кремлевский дворец. Им же только деньги надо заплатить. Заплатил — и празднуй»). Частью праздничных торжеств в Большом Кремлевском Дворце был 18-й съезд ЛДПР.

Я спросил, все ли устраивает господина Жириновского в нацпроектах, предложенных Кремлем.

— Пятым проектом должны быть «Дороги»! — немедленно отозвался он.

Пришлось сказать ему, что он опоздал со своим предложением. Пятым проектом с утра уже является газификация всей страны. Но он, узнав об этом, не расстроился.

— А, ну тогда шестым, — заявил господин Жириновский. — Хорошее предложение, нет?

Он пытался продать нам эту идею, как хороший коммивояжер:

— Вот я предлагаю: «Дороги», — наступал он на меня. — А Зюганов (Геннадий Зюганов, лидер КПРФ. — А. К.) ничего не предлагает. Что он может предложить? Вы на селе когда-нибудь были?

Тут очень кстати появился министр сельского хозяйства Алексей Гордеев. На вопрос, как движется реализация нацпроекта «Сельское хозяйство», он объяснил, что «проект очень востребован сельским производителем».

— В ряде регионов хорошая работа ведется! — расстроил он меня.

Расстроился я потому, что в ряде других регионов ведется, таким образом, плохая работа.

— Какая именно работа? — спросили его.

— Агитационно-пропагандистская, — объяснил он. — Разъясняем, что такое нацпроект. А то кое-где информационное поле очень слабое.

То есть его еще удобрять и удобрять, а потом на нем еще пахать и сеять. Но по виду Алексея Гордеева было понятно, что у него уже хорошие виды на урожай.

Владимир Путин откровенно обрадовал. Он пришел на совещание почти вовремя. Всю эту неделю счет его опозданий на кремлевские мероприятия шел не на минуты, а на часы, и появление президента в Александровском зале Кремля засветло не могло не произвести впечатление.

Речь президента была короткой и носила настолько общий характер, что я из нее понял только одно:

нацпроектам — быть (впрочем, и этот вывод, как потом выяснилось, дорогостоял).

Выступление первого вице-премьера Дмитрия Медведева, отвечающего за нацпроекты, было, наоборот, очень предметным (я даже подумал, не решил ли президент страны сознательно пожертвовать парой пунктов своего рейтинга, чтобы на его фоне вице-премьер смотрелся необыкновенно конструктивно, но потом отмел это предположение как нереальное).

В выступлении Дмитрия Медведева было много цифр, характеризующих состояние национальных проектов на ту секунду времени, в какую вице-премьер про них говорил. Дело в том, что проекты реализуются настолько быстрыми темпами, что цифры постоянно меняются. Деньги, по-моему, тратятся со скоростью десятков миллионов долларов в час. Населению выдаются кредиты, родовые сертификаты, для него закупаются кареты «скорой помощи» и школьные автобусы, ему повышается зарплата, для него выделяется земля (не в печальном смысле этого слова, а в жизнеутверждающем).

— Правда, с 1 октября 2005 года 90% земельных участков было выделено без проведения земельных аукционов, — произнес Дмитрий Медведев. — Большинство выделенных участков не осваивается, а их собственники просто ждут повышения цен на эти участки.

Господин Путин поднял голову и посмотрел на Дмитрия Медведева. Вице-премьер сделал едва уловимое движение плечами и головой, означавшее пример-

но следующее: «А чего такого-то? Сказать уже нельзя, что ли?»

Президент дождался, пока вице-премьер закончит, и произнес:

— Вот что касается земель, которые раздали без необходимого законного оформления или в обход действующего законодательства. Я хочу попросить наших коллег из Госдумы подумать над тем, как решить вопрос об их изъятии.

Я-то долго, пока два раза не прослушал аудиозапись этих слов, думал, что ослышался. Президент предлагал депутатам проработать механизм изъятия купленной людьми земли при помощи некоего специального закона, написанного ими именно для этого случая. До сих пор господин Путин не уставал повторять, что любая проблема такого рода решается в суде. Но вот выясняется, что есть ситуации, когда можно обойтись и без суда. И в самом деле, суды в конце концов и так перегружены.

Между тем лидерам фракций, пришедшим на Совет, ни на секунду не показалось, что они ослышались. Они близко к сердцу приняли слова президента и одобрительными жестами давали ему понять, что проблема назрела и надо ее наконец решить. Сурдодоблечение его слов придало президенту дополнительного энтузиазма.

— Мы же с вами прекрасно понимаем, — продолжал он, — о чем идет речь. Это те самые коррумпированные чиновники и раздали эти земли в ожидании того, чтобы снять ренту, на которой они сидят.

В зале стояла эксклюзивная тишина. Было понятно, что, несмотря на утомительную поездку в Сыктывкар (президент вернулся в Москву глубокой ночью), Владимир Путин находится в хорошей форме (физической).

— А неэффективные собственники — это кто? — продолжил он. — Это их пособники, и мы понимаем, о чем речь: нашли в законе лазейку, как получить дополнительные деньги с того места, на котором они сидят. Вот и все. Поэтому нужно разработать механизм изъятия этих земель, особенно полученных с нарушением законодательства вообще, и у неэффективных собственников тем более.

То есть земли, полученные с нарушением законодательства, необходимо изъять особенно, а полученные без нарушения законодательства — просто изъять.

Президент предложил сделать все это публично:

— Чтобы было всем понятно, прежде всего людям, что происходит.

После этих многообещающих реплик выступали министры, отвечающие за реализацию нацпроектов. Первым высказался министр регионального развития Владимир Яковлев. Если его послушать даже очень внимательно, то совершенно невозможно при всем желании понять, чем его министерство занимается не только в части реализации нацпроектов, но и вообще. Может, поэтому к Владимиру Яковлеву у Владимира Путина не возникло ни одного вопроса.

Затем о состоянии нацпроектов в образовании доложил министр науки и образования Андрей Фурсенко.

Рассказывая о том, что учителям общеобразовательных школ с 1 января 2006 года доплачивают немалые деньги за классное руководство, он пояснил, что это повышение не коснулось некоторых категорий учителей: в вечерних, коррекционных школах и кадетских корпусах.

— А они были? — с недоумением спросил господин Путин.

— Были, — подтвердил господин Фурсенко.

— Где были?

— В том варианте, который мы подавали на согласование.

— На согласование куда? — переспросил президент.

В вопросе был резон: проект Минобрнауки согласовывался в таком количестве инстанций, что, казалось, найти крайнего теперь невозможно.

— В Госдуму, — пояснил Андрей Фурсенко.

Это признание потребовало от него, предполагаю, некоторого мужества. Ему, возможно, проще было сказать, что это ошибка министерства. Он тогда по крайней мере не нажил бы сразу такое количество врагов.

— И их вычеркнули? — еще раз переспросил господин Путин.

— Одна формулировка была заменена другой, — снова подтвердил Андрей Фурсенко.

Позже я выяснил, что произошло. В проекте господина Фурсенко были слова «общеобразовательные учреждения». Их учителя имели право на надбавку за классное руководство. После согласований в Госдуме формулировка изменилась: «общеобразовательные

школы». Ни коррекционные школы, ни кадетские корпуса под это определение уже не подпадали.

— Никогда не поверю, — заявил президент, — чтобы депутаты так поступили!..

— Я с себя ответственности тоже не снимаю, — сказал господин Фурсенко.

Он таким образом еще раз подтвердил собственные слова: да, формулировка изменилась после Госдумы.

— Сколько всего человек пострадало? — спросил господин Путин.

— Это 7% где-то... 80 тыс. человек, — подсчитал министр.

— Ничего себе! — окончательно вышел из себя господин Путин. — И когда предполагаете это поправлять?

Министр сказал, что осенью, при внесении изменений в бюджет.

— Дмитрий Анатольевич, я хочу, чтобы вы доложили, — обратился президент к Дмитрию Медведеву, — почему исчезли все эти категории, чтобы проанализировали и доплатили недополученные людьми с 1 января деньги. Садитесь, спасибо, — сказал он Андрею Фурсенко.

За то время, что продолжался этот диалог, господин Путин, похоже, вошел в роль классного руководителя.

Выйдя на проектную мощность, Дмитрий Медведев так же, как и Владимир Путин, категорически не поддавался на провокации журналистов, пытавшихся

вытянуть из руководителей государства хоть слово о преемнике. Даже на видеоконференции в Кремле 8 июня 2006 года с участием президента России Владимира Путина, профильных министров, курирующих нацпроекты, и множества единомышленников в четырех российских городах. Лишь после видеоконференции он без видеокамер рассказал, что думает о себе как о преемнике Владимира Путина на благородном посту президента России.

Владимир Путин приехал в Кремль в середине дня с совещания Союза ректоров России. В ситуационном центре Кремля, где обычно проходят сеансы связи с космонавтами, на этот раз должно было произойти более приземленное событие — видеоконференция по нацпроектам. По четырем российским городам разъехались реализаторы проектов: министры сельского хозяйства, здравоохранения, образования и регионального развития, а также люди, ради счастья которых эти проекты и подлежат реализации. В студии было несколько экспертов: два депутата Госдумы, один предприниматель, один член Общественной палаты... Не надо думать о том, почему именно эти люди в тот день оказались за одним столом с Владимиром Путиным и Дмитрием Медведевым. Об этом просто не надо думать. Так случилось.

Господин Путин начал с того, что, произнеся несколько фраз, кажется, с облегчением предоставил слово Дмитрию Медведеву. Первый вице-премьер вкратце рассказал о состоянии всех четырех проектов (говорил о каждом быстро и уверенно, как о деле

решенном). После его рассказа показалось, что и в самом деле есть смысл расслабиться: все вроде делается хорошо и правильно и лучше делать уже не может (хотя не без отдельных недостатков, не без отдельных). Село, сказал Дмитрий Медведев, «умело сохранить традиции большой семьи», и на это можно будет делать «ставку при решении демографической проблемы».

Министр сельского хозяйства Алексей Гордеев для того, чтобы рассказать о резком увеличении темпов выдачи кредитов сельскохозяйственным предпринимателям, вынужден был уехать из Москвы в Нижний Новгород. Там он разоткровенничался, да так увлекся, что в какой-то момент и сам спохватился: «Кажется, я перебираю слово... Хочу предоставить его...». «Мы сами решим, кому его предоставить», — вздохнул господин Путин.

— Если бы нацпроекты не начались, мы не знали бы, что было бы завтра! — говорили единомышленники Александра Гордеева в Нижнем Новгороде.

— Может, еще кто-то что-то скажет? — обращался к ним президент.

— Я бы тоже хотела поблагодарить вас, Владимир Владимирович, за этот проект, — произнесла активная участница дискуссии. — Но есть проблемы с реализацией проекта «Сельское хозяйство». Пенсионеров в банке не берут поручителями при получении кредитов, так что сложности — да, есть...

— А зависимость от закупок продовольствия за рубежом поставила Россию на грань продовольственной безопасности, — волновался один из экспертов, депутат Госдумы Айрат Хайруллин.

Господин Гордеев обиженно отвечал, что это не так, а господин Медведев ничего не говорил и только сочувственно смотрел на эксперта (возможно, просто берег силы).

Из Ростова-на-Дону губернатор Чуб докладывал президенту, что вот-вот будет сдан крупный комплекс по выращиванию свиней на 64 тыс. голов. Президент Чечни Алу Алханов сообщал, что в рамках реализации нацпроекта «Доступное жилье» город Грозный уже разбит (не пояснил только, кем) на 14 секторов, и среди первоочередных — площадь Минутка и улица Жуковского...

Господин Медведев время от времени считал своим долгом вступить в разговор и с легкой полуулыбкой на лице рассказывал собеседникам (прежде всего, конечно, одному из них), как сложно получить разрешение на строительство, ибо «все коррумпировано, и требуются месяцы и, без преувеличения, сотни тысяч рублей». Впрочем, господин Путин, без преувеличения, и сам обо всем этом догадывался, а говорил про то, о чем догадывались и остальные: что ему не нравятся высокие процентные ставки на ипотечные кредиты. Впрочем, мне показалось, он готовится сказать что-то важное по этому поводу. Он провел для этого всю необходимую подготовительную работу, но в решающий момент предоставил это почетное право господину Медведеву. Ну да, ему нужнее было произнести эти слова: это его, а не Владимира Путина отрыв от других кандидатов в преемники находится в пределах статистической погрешности.

— Проанализировав ситуацию, — произнес господин Медведев, — мы планируем, что ставка рефинансирования, которую устанавливает Агентство по ипотечному жилищному кредитованию, с 1 июля этого года составит 11,5%... А мы раньше хотели выйти на эту цифру только в 2008 году!

И конечно, после этого замечания уверенности в том, что именно Агентство по ипотечному жилищному кредитованию устанавливает эту ставку, уже не было.

Президент Внешторгбанка Андрей Костин пояснял, что есть очень простой способ увеличить цифры ипотечного кредитования безо всех этих сложностей: «Надо просто больше и дешевле строить».

Министр здравоохранения и социальной защиты господин Зурабов из Перми не мог не отметить, что резко увеличилось «количество женщин, наблюдающихся перед родами в диспансерах». И это, по его глубочайшему, как это было хорошо по нему видно, убеждению, уже дало свой результат: «Средняя перинатальная смертность сократилась на 301 ребенка».

— Между тем состояние здоровья россиян еще далеко от идеального, — констатировал тем не менее господин Зурабов.

— Вы сказали, что вы в поликлинике № 3? — с недоумением произнес президент России, обращаясь к господину Зурабову. — А у меня написано, что вы в поликлинике № 2. Либо меня пытаются ввести в заблуждение, либо...

«Вы находитесь где-то в другом месте», — имел он в виду.

Но ведь главное, чтобы не в палате № 6.

Говорили о новых школьных автобусах, новейших машинах «скорой помощи», уже бороздящих сельские дороги («Осталось только решить: на этих фантастических машинах мы куда везем наших пациентов?» — с беспокойством спрашивал главврач районной уральской больницы).

Министр науки и образования Андрей Фурсенко успел после совещания ректоров переехать из здания МГУ на Воробьевых горах в Зеленоград, и рассказал, как и на совещании ректоров, что в конкурсе по отбору 17 из 180 вузов, подлежащих добровольной инноватизации, победили достойные («Это был, представьте, честный конкурс, — с некоторым, кажется, недоумением рассказывал он мне перед совещанием в актовом зале МГУ. — После него остались 180 обиженных и 17 неблагодарных»).

Владимир Путин не комментировал слова господина Фурсенко. Было достаточно того, что он прокомментировал их в МГУ, где заявил вузовским ученым, что их зарплата с 2000 года увеличилась в пять раз. Ректоры сначала оторопели, а потом ответили президенту возмущенным гулом и ропотом, и я не припомню, чтобы какая-нибудь аудитория так реагировала бы на слова господина Путина, который, в свою очередь, среагировал на этот ропот: «Да знаю, знаю я насчет инфляции... Но и реальная зарплата растет».

Президент только поблагодарил господина Фурсенко за то, что тот «не забыл поручения о доплате за классное руководство». Полтора месяца назад выяснилось, что больше 50 тыс. учителей не получают эту

надбавку, обещанную с начала этого года господином Путиным преподавателям всех общеобразовательных учреждений. И на видеоконференции господин Фурсенко отчитался в том, что теперь получат.

— Давайте завершать нашу работу, — вздохнул президент через три с лишним часа после начала видеоконференции.

И все вздохнули вместе с ним — с большим облегчением.

— Не уснули? — спросил господин Медведев журналистов, когда попрощался с господином Путиным.

— Пару раз, — честно сказал я.

— А надо было вот так сделать, и не уснули бы, — и господин Медведев резко потянулся, демонстрируя испытанный, видимо, способ бодрствовать на такого рода совещаниях.

Этот опыт очень пригодился ему немного позже, на саммите религиозных лидеров в Москве в июле 2006 года. Президент России выступил на саммите с приветом горячим его участникам. Он отметил, в последний раз форум такого уровня собирался 25 лет назад и тоже в Москве.

— Это был форум защиты мира, — пояснил, если кто вдруг забыл, Владимир Путин.

Из его слов можно было понять, что сейчас над миром нависла по крайней мере не меньшая угроза, чем четверть века назад. Миру, по словам президента России, навязывается конфликт цивилизаций, и пока

не очень понятно, что с этим делать. Зато у господина Путина нет никаких сомнений в том, что «идеалы террора строятся на религиозной безграмотности простых людей», так как ни одна из религий, если разобраться, не поощряет террор.

Господин Путин на этих словах вопросительно оглядел религиозных лидеров, сидящих за круглым столом. Но они, слушая президента России, казалось, впали в религиозный транс, который, по моим подсчетам, легко мог закончиться конфликтом цивилизаций. Они сидели, как один, полуприкрыв глаза. Губы некоторых из них шевелились. С прикрытыми глазами сидели за этим столом и господа Лавров и Медведев, впрочем, кажется, по другой причине. Энергетика зала сыграла с ними, похоже, злую шутку, и они, по-моему, тщетно боролись со сном.

— Важно наладить конструктивную работу по сближению наших позиций, — заявлял тем временем господин Путин (ему по понятным причинам было легче бороться со сном: он все-таки в этот момент что-то говорил). — Причем целью не может быть механическая, безумная унификация, подчас, простите, тупая!

Господин Путин словно хотел всех привести в чувство — и ему это удалось. На свежем слове «тупая» господа Медведев и Лавров широко раскрыли глаза.

Но вернемся в июнь 2006 года.

Тогда, в июне, журналисты не отставали от Дмитрия Медведева. Его зачем-то опять спросили о реализации

нацпроектов. Кто-то из журналистов, наверное, опоздал на эту видеоконференцию.

— Проекты? — переспросил Дмитрий Медведев и рассеянно посмотрел на журналистов. — Вся наша жизнь — один большой проект. И делится на несколько более мелких проектов.

Он вздохнул. Мне вдруг стало жаль Дмитрия Медведева. Я сначала даже не понял, отчего меня прямо пронзило это чувство. Понял только потом: потому что, конечно, жаль человека, который даже собственную жизнь превратил в проект.

Дмитрий Медведев рассказал, «почему был выбран проектный способ решения нацпроектов». Хотя, мне казалось, это уже совершенно не важно: ведь он уже выбран.

Дмитрий Медведев выразил уверенность в том, что «эти проекты нам по плечу...», и сделал чудесную жизнестроящую паузу, давая, кажется, понять, что знает общеизвестное продолжение этой фразы, но не будет же он его тут произносить вслух.

По поводу того, будут ли нацпроекты продолжаться после 2008 года, господин Медведев безрадостно заметил, что «все, чем мы занимаемся, так важно и было в таком запущенном состоянии, что вряд ли мы за два года справимся с этим».

Господин Медведев предпочел сделать вид, что не заметил подтекста в вопросе. А подтекст, конечно, был.

Тогда господина Медведева спросили, может ли нацпроектов быть больше, чем сейчас.

— Это сложный вопрос, — ответил первый вице-премьер, — и я на него обычно отвечаю следующим образом: проектов не должно быть слишком много.

Он решил не отвечать на этот вопрос необычно. Дмитрий Медведев, было заметно, много решений принимал на ходу.

— Браться за новые проекты надо тогда, когда понятно, чего там надо делать, — неожиданно признался он.

Вопрос о коррупции и забюрокрачивании тоже, надо же, не застал его врасплох:

— Все чиновники должны стараться жить по каким-то правилам, не превращая свою активность в возможность незаконного дохода. Это и есть коррупция.

Господин Медведев, очевидно, не заблуждается насчет того, что, даже если чиновники будут очень стараться, у них может не получиться. Впрочем, и коррупцию, и забюрокрачивание он считает «превозможаемыми трудностями».

На вопрос, удовлетворен ли он деятельностью Минрегионразвития, господин Медведев, хорошо подумав, ответил, что не ему «давать оценку деятельности министров».

— Минрегионразвития досталось очень тяжелое наследство, — пожал он плечами.

В виде, очевидно, министра господина Яковлева.

И вот наконец от корреспондента агентства «РИА Новости» господин Медведев получил вопрос, как он относится к результатам последнего соцопроса, где он лидирует как возможный преемник Владимира Путина.

— И что показывает этот опрос? — переспросил господин Медведев.

Не существовало ни одного шанса, что он не знал, что показывает этот соцопрос. Дмитрий Медведев хотел выиграть время для ответа. Технология была понятна.

— Ну, что вы лидер в этой гонке.

— А? — с некоторым пренебрежением переспросил господин Медведев. — Это где мой отрыв в 3–5%?

Он посчитал, очевидно, что ответил на этот вопрос.

— Вы хотите сказать, что вас не интересуют такие цифры? — уточнил я. — Это для вас не результат?

— Нет, не хочу, — посмотрел прямо в глаза господин Медведев. — Я хочу сказать, что не начинаю рабочий день с чтения соответствующих показателей.

— Так все-таки интересуют или нет? — переспросил я.

— Я сказал то, что считал правильным, — ответил Дмитрий Медведев. — Моя задача — заниматься нацпроектами.

— И все?

— Было бы странно, — Дмитрий Медведев, кажется, начал наконец раздражаться, — если бы власть не думала о будущем.

Ну наконец-то, подумал я. Сейчас он все скажет.

— Нацпроекты, преобразования в армии... если эти мероприятия принесут эффект, для власти это будет хорошо, — продолжил он.

То есть он уже начинал отвечать по существу, но тут же, пока отвечал, раздумал это делать.

— Скажите, — спросил я, — после этой видеоконференции ваши позиции как преемника упрочились, по вашему мнению, или ослабли?

Я думал, что, может, еще есть надежда.

— Вы все-таки хотите меня вытолкнуть в этот разговор, — покачал он головой. — В общем, я так скажу. Сегодня разговаривал в основном президент, а у меня остался большой неисчерпанный потенциал для разговора, а если вы за 3 часа этого не поняли — ну что ж...

Тут господина Медведева перестали наконец мучить неразрешимыми (или скорее неразрешенными) вопросами и спросили, не стоит ли в России ввести «налог на роскошь» (только что такой налог как будто бы ввели на Сардинии).

— Налог на роскошь? — Дмитрий Медведев, похоже, совершенно не удивился, любой вопрос после разговора о преемниках казался ему, наверное, на редкость простым и приятным. — Принципиальных противопоказаний нет, по-моему. Люди, которые готовы покупать дорогие вещи, готовы, я думаю, и платить за это. Это вообще-то в характере наших людей! Это же русские люди! Вспомним, куда тратились нашим человеком его первые 50 тысяч долларов. На покупку «Мерседеса» же, да? Ну, еще на соответствующие аксессуары!

Для «Мерседеса», он имел в виду.

— Ну и на все, что может еще соответствовать изменившемуся статусу русского человека. И, конечно, вопрос легитимизации тоже важен, — продолжил Дмитрий Медведев. — Так что налог на роскошь нельзя исключить.

Для передышки ему задали вопрос, за кого он будет болеть на чемпионате мира по футболу.

И вот наконец Дмитрий Медведев получил вопрос, который застал его врасплох. И он не стеснялся этого. Наоборот, было такое впечатление, что он даже гордится этим, словно давая понять, что только такой вопрос и может застать его врасплох.

Более того, немного позже он показал, как сам может застать врасплох журналиста своими ответами. 28 ноября 2007 года президент России Владимир Путин в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца дал прием для иностранных дипломатов, работающих в Москве. На встречу пришли чуть ли не все члены правительства России во главе с его председателем Виктором Зубковым. Первый вице-премьер Дмитрий Медведев на вопрос, в каком качестве он здесь, если приглашали послов, ответил:

— Да я тоже посол.

Я не поверил своим ушам и уже было подумал, что в судьбе первого вице-премьера за четыре дня до выборов произошли необратимые изменения, а никто и не знает, что он и правда посол. В руках была мегановость. Оставались детали: выяснить, какой страны он теперь посол. Наверняка предложили выбирать любую.

— Я посол доброй воли, — закончил Дмитрий Медведев и прошел к столу.

Но все же футбол — тема для многих гораздо более актуальная, чем нацпроекты или даже кандидатура будущего президента России.

— Я, знаете, — сказал он, помявшись, — думал об этом буквально сегодня утром. И знаете, что хочу сказать...

В это время господин Медведев, кажется, что-то еще обдумывал. И обдумал:

— Нет, не за сборную Бразилии! Мне не очень нравится латиноамериканский стиль футбола. Так что сами делайте выводы!

Ну вот, есть чем заняться в свободное от гаданий на кофейной гуще время.

Я, впрочем, решил попробовать прямо сейчас:

— За англичан, видимо?

Господин Медведев одобрительно посмотрел на меня:

— Ну да! Или за немцев.

— Да не думайте вы об этом, — сказал я, — все равно игры будут в рабочее время, и вы не сможете их смотреть, потому что будете заниматься реализацией нацпроектов.

— А я запишу на видео, — не согласился он. — А потом посмотрю.

— А все равно уже счет скажут по радио и телевидению.

— А я уши заткну, — предупредил он.

Самым обсуждаемым нацпроектом стал между тем проект «Здравоохранение». Встреча Владимира Путина с членами правительства 26 февраля 2007 года по на-
калу страстей резко отличалась от традиционного

понедельничного протокола. Президент, который всего три месяца назад вступился за Михаила Зурабова в трудный для того момент (в подведомственном министру Фонде обязательного медицинского страхования шли обыски и аресты), обвинил главу Минздравсоцразвития в недальновидности и поручил первому вице-премьеру Дмитрию Медведеву помочь министерству наладить работу. После этого разговора оставался только один вопрос: разве есть причины для того, чтобы и теперь господин Зурабов оставался на своем посту?

Понедельничная встреча Владимира Путина с министрами проходила в Ново-Огареве, где обстановка гораздо более интимная, чем в Кремле, и все как-то по-семейному. Разговор, случившийся между Владимиром Путиным и Михаилом Зурабовым, можно было смело назвать семейным скандалом.

Сначала Владимир Путин обсудил с коллегами ход весенних полевых работ. Это сам по себе первый признак того, что и в этом году будет весна.

— Мы вместе с Росгидрометом ведем наблюдение, — подтвердил и министр сельского хозяйства Алексей Гордеев. — Пока состояние удовлетворительное...

Потом президент выслушал доклад министра экономического развития и торговли Германа Грефа об итогах развития экономики за январь 2007 года. Они оказались утешительными. Первый вице-премьер Сергей Иванов доложил о состоянии дел в Объединенной авиастроительной корпорации и в военно-промышленной комиссии.

— Завтра мы соберемся в научно-производственном объединении «Алмаз», которое входит в холдинг «Алмаз-Антей», где будем рассматривать вопросы ПВО и ПРО... Хотел бы напомнить, что в конце прошлого года мы приняли на вооружение новый комплекс С-400, — довольно безразличным голосом сказал Сергей Иванов.

Примерно таким же безразличным голосом диктор Юрий Левитан сообщал о взятии советскими войсками Берлина.

— В этом году войска его уже принимают и, собственно, ставят на боевое дежурство... («Ну а что еще с ним делать?» — словно хотел он сказать.) Этот комплекс уникальный, очень эффективный, не имеющий аналогов в мире. Но главное — это то, что мы будем завтра рассматривать... — таким же безразличным голосом произнес Сергей Иванов. — Это наши перспективы. В частности, создание противовоздушных и противоракетных комплексов пятого поколения, которые должны уже совмещать в себе средства и ПВО, и ПРО, и космической обороны...

— Спасибо, — по-моему, от души поблагодарил его Владимир Путин.

Впрочем, президент признался, что есть вопрос, который беспокоит его даже больше, чем средства ПВО пятого поколения:

— Это лекарственное обеспечение льготных категорий граждан.

Могло показаться, что президент заглядывает далеко вперед и уже думает о последствиях применения

средств ПВО пятого поколения. Но он имел в виду близкое будущее.

— Мы видим с вами, — сказал Владимир Путин, — что, несмотря на предпринятые усилия... хотя в начале прошлого года вроде бы неплохо все развивалось... в конце прошлого года мы опять констатируем сбой. Что здесь происходит?

Михаил Зурабов готовился к ответу, и я подумал, что это просто вопрос, который должен быть задан, и ответ, который должен быть получен. Из таких вопросов и ответов во многом и состоят понедельничные встречи.

— Действительно, — сказал министр, — в течение прошлого года удалось отладить сеть поставок лекарств в регионах... В общей сложности в прошлом году было отпущено более 133 млн лекарственных препаратов по выписанным рецептам. Это чуть меньше, чем в 2005 году, но надо иметь в виду, что в программе «Лекарственное страхование» в 2006 году осталось 8,7 млн граждан, а это означает, что половина граждан выбрали денежную форму, а половина граждан сохранили за собой право на дополнительное лекарственное обеспечение.

Михаил Зурабов считал, очевидно, что министры и президент имеют, конечно, право знать, что происходит в его отрасли, но что, ей-богу, ничего такого, о чем им действительно следовало бы знать, там не происходит.

— В целом, — добавил он, — отпуск лекарственных препаратов за первые два месяца текущего года сопоставим с размерами отпуска лекарственных препаратов

в прошлом году. В прошлом году было отпущено на 5,2 млрд лекарственных препаратов, в этом году на 4,7 млрд лекарственных препаратов было отпущено гражданам...

— Мне говорили, что от 30 до 70 процентов дефицит составляет по регионам, — вдруг перебил его господин Путин. — Так это? Или это неточная цифра?

Разговор принял неожиданный оборот. Президент дал понять, что сказанное министром не соответствует действительности и что у него другие данные, а также предложил опровергнуть его. Перед Михаилом Зурабовым стояла трудная задача.

— Вы имеете в виду текущий год или будущий? — задумчиво переспросил он.

— Да, текущий, — быстро сказал господин Путин.

— Текущий... — также задумчиво повторил господин Зурабов. — Что касается текущего года, то выделение средств осуществляется в строгом соответствии с заявками субъектов... Но мы можем ожидать, что в ряде случаев в субъектах Федерации объем выписки начал сокращаться именно в связи с установленными лимитами. И если соотносить это с показателями четвертого квартала прошлого года, то сокращение составляет приблизительно 18–20%...

То есть Михаил Зурабов не то чтобы не согласился с президентом, а просто не стал с ним спорить. Он с толком использовал время, выигранное на дополнительных вопросах.

— Михаил Юрьевич, — сказал господин Путин, — большое количество людей вышли в конце прошлого

года из системы, решили перейти на денежные выплаты, а не на лекарственное обеспечение как таковое. Но это ведь можно было просчитать, можно было в середине года и где-то даже в начале провести социологию... И примерно нужно было представлять себе, как будут распределяться финансовые ресурсы. И то, что это не было сделано своевременно, печально.

Михаил Зурабов на этот раз промолчал. Над столом вообще повисла такая минута молчания. Я даже посмотрел на министра внутренних дел Рашида Нургалиева, в ведомстве которого, надо полагать, родился в это мгновение новый сотрудник.

— Прошу вас обратить особое внимание на порядок выписки лекарств, потому что вы мне сами докладывали, что в декабре прошлого года была обвальная выписка. Выписали в декабре одну треть годового объема, — добавил президент.

— 33 миллиона, — подтвердил Михаил Зурабов.

— Это значит, что вы не наладили отношения с регионами, — продолжил господин Путин. — И можно, и нужно было это предвидеть. Поэтому нужно и порядок нормальный установить, и с регионами договориться о софинансировании, номенклатуру посмотреть, уменьшить аппетиты фармацевтических компаний... Понимаете, о чем я говорю?

Он в этот момент не смотрел на Михаила Зурабова, так как знал, что как раз это министр понимает.

— Для них выгодны дорогие лекарства и по широкой номенклатуре, — пояснил господин Путин для

остальных. — А нужно то, в чем люди нуждаются. Финансирование должно быть обеспечено. Причем обращаю внимание министерства финансов: если не будет хватать... нужно обеспечить финансирование. Обещали это делать — надо сделать.

После этого президент наговорился с министром иностранных дел Сергеем Лавровым про безответственное поведение вице-президента США в отношении Ирана (господин Чейни опять допустил возможность военных ударов по братскому народу Ирана) и возмутился тем, что это может произойти без санкции Совета безопасности ООН, как вдруг повернулся к первому вице-премьеру Дмитрию Медведеву:

— Прошу вас подключиться к ситуации с лекарственным обеспечением и помочь министерству с регионами поработать. В принципе понятно, что нужно делать, но в любом случае нужно добиться ситуации, при которой люди не будут страдать.

То есть господин Путин дал понять, что уже не надеется на то, что Михаил Зурабов сам в состоянии справиться со своей проблемой.

Впрочем, это еще не означало, что господин Зурабов в ближайшее время покинет свой пост.

— На президента, — пояснил высокопоставленный источник в Кремле, — конечно, давят в этом смысле (прежде всего, очевидно, обстоятельства. — А. К.). А именно давления он и не приемлет.

Господин Путин, в свою очередь, предпочитал давить на господина Зурабова.

И все-таки первыми жертвами нацпроекта «Здравоохранение» пали не болезни и эпидемии, а медицинские чиновники. После встречи Владимира Путина 5 марта 2007 года с членами правительства, на которой председатель правительства Михаил Фрадков проинформировал, что принял решение об увольнении главы Федерального агентства по надзору в области здравоохранения Рамила Хабриева, тучи над Михаилом Зурабовым стутились окончательно.

Перед заседанием члены правительства были бодры и веселы. Почти всем им в тот день предстояло прославиться. Первый вице-премьер Дмитрий Медведев проводил всенародную интернет-конференцию по нацпроектам в редакции газеты «Известия». Министр иностранных дел Сергей Лавров встречался с активистами движения «Наши» и «Молодая гвардия» в тишине «Александр-хауса». Чему-то тихо и застенчиво улыбался министр здравоохранения и социальной защиты Михаил Зурабов, выглядевший так, словно ему есть что сказать и он намерен сделать это безотлагательно.

Впрочем, по-настоящему прославился в тот день председатель правительства Михаил Фрадков.

Выслушав доклад об инфляции в России, падающей почти с такой же скоростью, что и рынки в Азии, господин Путин поинтересовался у Михаила Зурабова, как обстоит дело с внешней трудовой миграцией. Господин Зурабов начал излагать концепцию миграционной политики России, которая, как я понял из его объяснений, состоит прежде всего в постоянном мони-

торинге сложившейся ситуации — тревожной, как обычно. Впрочем, в разы, по его словам, в последнее время увеличилось количество честно регистрирующихся иностранных рабочих в России: до 1,4 млн человек в год, и эта цифра не может не радовать господина Зурабова, как и любая другая, растущая на радость президенту России.

Михаил Зурабов продемонстрировал, что не зря совмещает в одной должности руководство двумя разными отраслями: его министерство начало «проводить медицинское обследование иностранных граждан, и есть значительный процент таких, которые больны тяжелыми заболеваниями, как СПИД, гепатит, ряд социально значимых заболеваний» (то есть таких, которыми иностранные рабочие могут в принципе даже гордиться).

Михаил Зурабов заверил президента, что не допустит увеличения цен на товары первой необходимости на рынках, где, по его мнению, совершает контрольные закупки в свою потребительскую корзину почти 20% россиян.

Казалось, президент дал возможность Михаилу Зурабову поговорить именно на такую выигрышную тему специально для того, чтобы все, кто еще в чем-то сомневается, больше не сомневались: все у него, Михаила Зурабова, очень хорошо, потому что президент России верит Михаилу Зурабову.

— Замещение нашими гражданами на рынке труда происходит? — озабоченно спросил Владимир Путин.

Он скорее имел в виду, происходит ли выдавливание не наших граждан с рынков труда. Возможно, с самого начала Владимир Путин хотел услышать именно об этих принципах внешней миграционной политики, но, так и не дождавшись от министра удовлетворительного ответа, решил спросить об этом напрямую.

— Началось! — не дал ему договорить господин Зурабов. — Началось! Это, конечно, более дорогая рабочая сила... Тем не менее те, кто занимается торговлей, делают это...

Михаил Зурабов закончил говорить и, к моему удивлению, начал поглядывать на часы. Он теребил и теребил их в руках. Он как будто торопился куда-то, на какую-то более важную встречу. Или он просто сильно нервничал.

Господин Путин, казалось, хочет перейти к другому вопросу. Но смотрел он при этом все равно на господина Зурабова. Президент медлил, а потом, по-прежнему в упор глядя на ministra, обратился к первому вице-премьеру:

— Дмитрий Анатольевич, просил вас проконтролировать ситуацию с лекарствами, которые не получает население...

— Да, — согласился господин Медведев. — Что было предпринято?

Он начал подробно отвечать на вопрос, и это выглядело вызывающее. Михаил Зурабов в разговор президента и первого вице-премьера об исправлении критической ситуации с поставками лекарств не вме-

шивался, его в этом разговоре в расчет не принимали. Между собой разговаривали люди, которые были в состоянии решить эту проблему. Господина Зурабова никто из них в таком качестве, как стало понятно, не рассматривал. И ему тоже давали это понять.

Дмитрий Медведев говорил, что меры, принятые после сделанного неделю назад указания господина Путина, дают возможность разблокировать ситуацию с финансированием (значит, она была заблокирована), что позволит решить возникающие проблемы.

Господин Медведев рассказал, что намерен напрямую (то есть без посредничества министерства здравоохранения и социальной защиты) «сотрудничать с Ассоциацией больных и работать с заболеваниями, которые носят тяжелый и затяжной характер».

— В каком смысле работать? — переспросил господин Путин.

— В смысле финансирования, — кратко ответил господин Медведев.

Тут президент повернулся к премьер-министру, которому нечасто дает слово на таких заседаниях (это все-таки слишком тяжелая артиллерия), и спросил его, достаточно ли этих мер для исправления ситуации.

— Вообще-то ситуация не очень, — словно бы неохотно признался господин Фрадков. — Меры носят экстренный характер. Сколько бы денег ни давали, если это не будет подкреплено мерами организационного характера... Трейдеры нас просто не поймут!

Этот аргумент в устах господина Фрадкова прозвучал убийственно.

И Михаил Фрадков с облегчением предложил еще одну экстренную меру организационного характера:

— Мною принято решение освободить от занимаемой должности...

Я, клянусь, был уверен, что он назовет фамилию господина Зурабова. Все, что говорилось ранее, должно было закончиться этой фамилией. Вся, так сказать, логика повествования вела к Михаилу Зурабову.

Но привела к другому человеку:

— ...главу Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения Рамила Хабриева, — закончил Михаил Фрадков.

Так в американских боевиках герой целится в лоб плохому полицейскому, которого надо хорошенько попугать, чтобы расколоть, и, нажимая на спусковой крючок, в последнее мгновение направляет ствол на человека, мирно дремлющего за соседним столиком. Да, соблазн разрядить всю обойму в плохого полицейского был велик, но все-таки его будут судить.

В новейшей российской истории было несколько похожих ситуаций. Все так постепенно, но с какого-то момента довольно скоро складывается, что человек просто не может не уйти со своего поста. Это вдруг понимают окружающие, понимают журналисты, это понимают даже граждане страны (живущие как на лекарствах, так и без них). Это понимают все. И в какой-то момент это наконец понимает и тот, кто не может не уйти.

Такую историю может подробно рассказать, например, бывший губернатор Санкт-Петербурга Владимир Яковлев.

На фоне борьбы за качество образования как-то незаметно прошла смена правительства. Прилетев в Чебоксары в сентябре 2007 года, чтобы обратить внимание общественности на судьбу нацпроекта «Образование», Владимир Путин даже не стал отвечать на вопросы об этом. Обошел молчанием он и кандидата в премьер-министры Виктора Зубкова.

В центре Чебоксар стоит памятник Матери-покровительнице всех чувашей. Жители города, в том числе определяющие его внутреннюю и внешнюю политику, затруднились с ответом, почему, если у чувашей есть мать, у них нет отца (его не было видно хотя бы в обозримой перспективе, то есть на каком-нибудь холме).

Чувашей не смущало то, что они растут без отца. Они объясняли мне, что у них вообще тут культ материнства, а не отцовства, а сами какими-то новыми глазами, с тревогойглядывались в фигуру матери, которую, впрочем, без особой натяжки можно было принять и за фигуру отца.

Кроме того, чуваши искренне тревожились за судьбу председателя правительства (отца двоих детей).

— Что там, в Москве, у вас случилось-то, батюшки? — спрашивала фотокорреспондента одной федеральной газеты буфетчица в школе, где должна была начаться интернет-конференция с участием Владимира Путина и и. о. первого вице-премьера правительства Дмитрия Медведева.

— Да вот, — отвечал ей фотокорреспондент, — Фрадков в отставку ушел.

Я был уверен, буфетчица сейчас спросит, кто это такой.

— Да разве Михаил Ефимович сам ушел? — переспросила она. — Его же, говорят, Путин уволил.

Здесь, в 40 км от Чебоксар и 650 км от Москвы, об этом говорили и это знали с самого утра. Отставка Михаила Фрадкова была очевидна даже буфетчице.

— Может, и уволил, — легко согласился фотокор. — Это не нашего ума дело.

— Почему? — обиделась буфетчица.

Она подозрительно глядела на фотокора. Ей, наверное, казалось, что он с ней не искренен.

Мы долго ждали президента в школе. Я сидел в классе, который освоили лучшие силы чувашской прессы. В класс вдруг ворвалась немолодая женщина, держа в руках блокнот. На бегу она что-то в него лихорадочно записывала.

— Зубков! — закричала она.

— Что Зубков? — участливо переспросили ее коллеги.

— Виктор Зубков! — пояснила она с искаженным от нового знания лицом.

— Вы не знаете, Путин уже вылетел из Москвы? — переспросил у своего коллеги пожилой журналист.

Он, очевидно, решил, что на вбежавшую корреспондентку не следует обращать внимания. Мало ли что делает с людьми близость к президенту страны, пусть даже мимолетная, пусть даже та, которая еще не наступила.

— Да это же новый премьер-министр! Я подслушала! Там в коридоре люди по радио говорили!

Я объяснил ей, что она просто недослышала:

— Фрадков, а не Зубков. Было же сообщение, что Михаил Ефимович Фрадков будет пока исполнять обязанности председателя правительства.

— А я говорю — Зубков! — упорствовала корреспондентка. — Я хорошо подслушивала!

Коллеги смущенно отворачивались от нее. Им было, кажется, неловко передо мной за ее поведение.

Через несколько минут на лентах информагентств появилось сообщение, что президент России внес на рассмотрение в Госдуму кандидатуру Виктора Зубкова в качестве председателя правительства.

В классе надолго наступила тишина.

— Из Питера? — спросил ту же женщину еще один местный журналист, сидевший за последней партой.

Она в одно мгновение превратилась из городской сумасшедшей в носителя абсолютной истины. Она и сама почувствовала это, машинально встав возле доски. Ей оставалось только взять в руку указку.

— Ну, надо думать, — кивнула она.

— Молодой? — уточнил еще кто-то.

— Да ранний, — подхватила она (вскоре выяснилось, что господину Зубкову 66 лет).

— Брат Зубковой, наверное? — предположил кто-то.

Журналисты неуверенно засмеялись. Марина Зубкова — гендиректор чувашского телевидения. Смех, впрочем, был без причины. Ситуация была такова, что предположить можно было что угодно, и любое предположение могло оказаться правдой.

Владимир Путин прибыл в деревню Тренькасы всего-то с полторачасовым опозданием. Для событий, ради которых он задержался в Москве, такое опоздание можно считать оскорбительно ничтожным.

Все это указывало на то, что процедура смены правительства была тщательно отработана и поэтому не потребовала много времени, а технология конспирации, окружавшая его, очевидно, была та же, что и при смене правительства Михаила Касьянова. Эта технология тогда продемонстрировала Владимиру Путину свою эффективность.

В школе Владимира Путина ждали сначала в кабинете информатики. Несколько девушек и юношей сидели перед компьютерами со школьным сайтом перед глазами. Ну вот журналисты и подговорили одну внутренне свободную девушку открыть вместо него сайт «РИА Новости» с сообщением о нелегких судьбах Михаила Фрадкова и Виктора Зубкова. Она сидела перед экраном со скучающим видом. Впрочем, она бы наверняка оживилась, если бы господин Путин обратил внимание на экран. Надежда была на то, что оживится и господин Путин.

Но за пару минут до появления президента провокация была сорвана. Одна из организаторов мероприятия, взглянувши в экран, охнула и с негодованием («Что за шутки! Немедленно откройте школьный сайт!») восстановила в классе атмосферу благополучия и конституционный порядок.

Владимир Путин, появившись в классе, был весел и оживлен. У него было прекрасное настроение («Уда-

лось ему вас утром порадовать», — заметил один из сопровождавших президента.).

В классе между тем завязалась дискуссия. Учитель стал рассказывать, как с помощью компьютера можно очень быстро узнать значение чувашского слова «хасы». Оно, по его мнению, значило «улица».

— Почему «улица»? — президент Чувашии Николай Федоров был неприятно удивлен.

— Че-то они, по-моему, лучше вас понимают, — сказал президенту Чувашии Владимир Путин.

Федоров побледнел и стал настаивать, что прав он.

— Примете небольшое уточнение от президента России? — спросил господин Путин.

— Покопаемся в архивах, — коротко бросил обиженный учитель.

— Да, деревенский народ такие вещи на веру не принимает, — добавил господин Путин.

Говорили, мне казалось, не о том. И поэтому на выходе из класса я спросил у президента России:

— Почему вы поменяли Фрадкова на Фрадкова?

Владимир Путин, очевидно, сразу понял смысл вопроса (стране, похоже, будет трудно уловить разницу между прежним и новым премьерами), потому что быстро переспросил:

— Вы где находитесь?!

Он, очевидно, вошел в роль школьного учителя.

— В школе, — ответил я.

Я хотел добавить, что поэтому и попросил объяснить, готов был даже анализировать ответ в качестве домашнего задания. Но Владимир Путин перебил:

— Вот и занимайтесь делом.

Вообще-то я спрашивал об этом не от скуки.

Нет, на утренней встрече с Михаилом Фрадковым господин Путин сказал все, что хотел. И добавить ему теперь было, видимо, просто нечего.

Все, что происходило в школе, должно было свидетельствовать, что жизнь продолжается, что не случилось ничего необычного, что такое чуть ли не каждый день происходит в российской политической жизни и ничто не сможет поколебать ее стабильности.

Владимир Путин все-таки был раздосадован моим вопросом. Иначе, выходя из очередного класса и увидев, что один фотокорреспондент качнул плечом какую-то стойку, не заметил бы:

— Московские журналисты... Все вам тут снесут. Раскабанели.

В другом классе Владимир Путин прошел мимо тарелки со спелыми яблоками. У них были такие тоненькие, хрупкие красные прожилочки... Такие, видимо, и называют наливными. Но мимо них не смог пройти президент Чувашии господин Федоров.

— Да-да, надо попробовать! — убеждал он господина Медведева, пока Владимир Путин разговаривал с учителями. Исполняющий обязанности первого вице-премьера попробовал. Ему понравилось. Я это понял по тому, что через пару минут он, пожав плечами, одной рукой взял сколько смог этих яблок (поместились, по-моему, штуки три) и как-то виновато положил в карман пиджака.

Еще в одном классе учительница, услышав, что ни Владимир Путин, ни Дмитрий Медведев не знают ве-

лико го сына чувашского народа китаеведа Никиту Бичурина, обиженно произнесла:

— Выходцы из Санкт-Петербурга должны были бы знать.

Оказалось, Никиту Бичурина благодарные соотечественники похоронили в Санкт-Петербурге.

В одном из кабинетов состоялся телемост с нескользкими школами, которые участвуют в нацпроектах. Так, как директора этих школ благодарили Владимира Путина за то, что им посчастливилось принять участие в нацпроекте «Образование», Владимира Путина не благодарили, по-моему, нигде, никогда и ни за что. Еще учителя благодарили за единый государственный экзамен, за компьютеры, за эксперимент с «подушевой» оплатой работы учителей...

И никто не поблагодарил президента за решение назначить Виктора Зубкова председателем правительства.

Похоже, приоритетные нацпроекты не принесли многим своим реализаторам ничего, кроме головной боли. Даже доклад Дмитрия Медведева об их реализации на заседании Совета по нацпроектам 28 февраля 2008 года, который задумывался как бенефис главного кандидата в президенты, не внушил действующему президенту Владимиру Путину оптимизма, и господин Путин, как мне показалось, даже смазал этот бенефис.

Два кандидата на пост президента России, лидеры КПРФ Геннадий Зюганов и лидер ЛДПР Владимир

Жириновский, не пришли на заседание, хотя их позвали. Очевидно, они не захотели играть на поле соперника, то есть куратора нацпроектов Дмитрия Медведева, и подыгрывать ему в его предвыборной кампании. Таким образом, Геннадий Зюганов и Владимир Жириновский полагали, видимо, что они и в самом деле составляют реальную конкуренцию Дмитрию Медведеву в этой тишайшей из предвыборных кампаний.

И, значит, вот какую злую шутку могут сыграть с людьми их собственные слова во время предвыборных дебатов в отсутствие реального кандидата. И тот, и другой сами поверили, очевидно, что они встали в один рост с ним.

Между тем два кандидата упустили единственную возможность теледебатов с Дмитрием Медведевым. Ведь, во-первых, заседание транслировалось в прямом эфире телекомпании «Вести-24», а во-вторых, члены Совета задавали господину Медведеву вопросы в режиме реального времени. И никуда бы он от них не делился.

Возможно, впрочем, что и Геннадий Зюганов, и Владимир Жириновский именно это и понимали, а кроме того, отдавали себе отчет и в том, что в зале будет сидеть Владимир Путин, с которым не забалуешь, и уж ясно, что он своего подшefного в обиду не даст, то есть дебаты надо будет вести и с ним тоже, а поэтому решили от греха проигнорировать приглашение.

В Георгиевском зале перед началом заседания члены Совета общались больше с журналистами, чем друг с другом. Министр социального развития и здравоохранения Татьяна Голикова рассказывала, что «Здравоохране-

ние» — «это не нацпроект, а это наша с вами жизнь», не подозревая о том, что еще в июне 2006 года куратор нацпроектов Дмитрий Медведев, отвечая на вопрос, в чем смысл жизни, рассказывал, что «жизнь — это проект».

Помощник президента России Игорь Шувалов объяснял, что «первый цикл развития нацпроектов пройден» и «этот цикл должен закончиться драйвом для следующего», который рассчитан до 2012 года, то есть до окончания следующего президентского срока.

— В свое время Зурабов (бывший министр. — А. К.) предлагал сосредоточиться на отдельных приоритетах: врач общей практики, медсестра... и это было сделано. Сейчас пришло время совсем другой работы. Надо провести такие структурные преобразования, чтобы в медицине появилась реальная конкуренция услуг, — говорил господин Шувалов со странной увлеченностью в голосе. — А то мы до сих пор ходим к врачам по блату!

Не воодушевляет господина Шувалова и то, что было сделано в проекте «Доступное жилье»:

— Мы раскручивали прежде всего спрос (то есть стимулировали ипотечную систему. — А. К.), а в части предложения мало что удалось сделать.

Помощник президента считает, что в мае 2008 года, то есть после инаугурации вновь избранного президента России, может быть опубликована Концепция развития России до 2020 года, которую в общих чертах озвучивал Владимир Путин совсем недавно.

Рядом давал комментарии спикер Совета Федерации Сергей Миронов. Он категорически настаивал на том, что эксперимент с нацпроектами блестяще состоялся.

— Государство доказало, что оно может эффективно вкладывать деньги! — воскликнул он. — Пункты плана выполнены!

— И жилье стало доступней? — спросил его корреспондент «Известий».

— Вот сразу про это... — вздохнул Сергей Миронов. — Нет, жилье доступней не стало. Но какие прорывы в сельском хозяйстве! Выявлены лучшие в образовании! Нет, мой ответ: эксперимент удался!

Затем Сергей Миронов поделился подробностями взаимоотношений Владимира Путина и Дмитрия Медведева:

— Все стало окончательно ясно, когда Владимир Владимирович перевел Дмитрия Анатольевича из администрации президента в правительство. Внешнеполитическую деятельность Медведев освоил, таким образом, еще в администрации, и теперь нет человека в стране, который лучше него знает состояние нацпроектов!

Именно этот момент стал знаком для Сергея Миронова. Похоже, правда, что этот знак сам Сергей Миронов сумел разглядеть после того, как лидеры четырех партий пришли к Владимиру Путину и предложили ему кандидатуру Дмитрия Медведева в качестве преемника на посту президента России. Иначе Сергей Миронов и сам успел бы не раз подать какой-нибудь отчаянный знак, что он один из тех трех человек, кто в курсе этой истории.

Владимир Путин в самом начале заседания заявил, что «надо дать ответ на важнейший вопрос: какое продолжение будет у нацпроектов? Мы только что обсуж-

дали это и с Дмитрием Анатольевичем Медведевым, и с руководством администрации. Мне бы хотелось послушать и членов Совета».

Было очень похоже на то, что Совет закончится результивально. Тем более что это было последнее крупное кремлевское мероприятие перед президентскими выборами. По сути, это был апофеоз предвыборной кампании Дмитрия Медведева.

Причем этот апофеоз именно в этот день еще месяц назад наметил сам Владимир Путин. Это была его идея: провести Совет по нацпроектам за три дня до голосования. И только поэтому Совет, очевидно, должен был закончиться громко.

Так что ничего удивительного в том, что Владимир Путин так многозначительно сказал о продолжении нацпроектов, не было. После этого Владимир Путин с удовольствием вспомнил этапы большого пути. Он, как и Дмитрий Медведев, делал это не в первый раз.

— Давайте вспомним: совсем недавно далеко не все и не до конца понимали, какое значение может иметь эффективная социальная политика для экономики, для страны в целом, для общества. Она по-прежнему воспринималась как собес со всеми его унылыми атрибутами, и по сравнению с такими заманчивыми и интересными понятиями, как финансовые активы, экспорт природных ресурсов, нефти, газа, выглядела непривлекательно, безнадежно отстало. — Владимир Путин отвлекся от написанного текста: — Этим никому не хотелось заниматься! Скучной работа считалась. Но как я уже однажды говорил,

на самом деле это самое главное для всех уровней власти и управления.

Картина, которую рисовал Владимир Путин, была и правда ужасной. Трудно было поверить, что еще пару лет назад мы жили в мире, где «многие говорили правильные слова на митингах и призывали к активным действиям, и многие аплодировали им в правильных местах, но жизнь людей и состояние социальной отрасли от этого годами не менялись. Даже в начале 2000-х годов смертность населения значительно превышала уровень рождаемости, школы и больницы продолжали ветшать, а по-настоящему качественное здравоохранение и образование было доступно лишь людям с высокими доходами у нас в стране, а у кого доходов побольше, те вообще предпочитали выезжать в ближнее или дальнее зарубежье... Приток новых кадров в школах и поликлиниках практически остановился, а компьютер и тем более Интернет в школе оставались запредельной мечтой, тем более для сельской местности...»

Все изменилось в 2005 году, и если судить по докладу, то до неузнаваемости.

— Нам не просто удалось решить целый ряд социальных и экономических проблем, — заявил Владимир Путин, — мы смогли, причем по самым принципиальным позициям, вернуть доверие к власти.

Дмитрий Медведев в своем докладе более чем развернуто отчитался о достигнутых результатах, и я обратил внимание на то, что Владимир Путин буквально конспектирует его доклад. Президент писал временами, по-моему, лихорадочно быстро.

Дмитрий Медведев между тем говорил о том, что «страховой полис должен стать универсальным документом для получения медицинской услуги любого уровня, и, соответственно, медицинская страховка должна стать главным финансовым источником для получения средств лечебным учреждением или организацией, ровно так, как сегодня работает родовой сертификат». Стало по меньшей мере понятно, что имел в виду Игорь Шувалов.

Кроме того, мы уже не в первый раз услышали, что надо отказываться от проектов панельных домов 60–70-х годов и что человек достоин того, чтобы жить в своем доме.

Впрочем, и господин Медведев не удержался на последок от того, чтобы вспомнить о приятном:

— Не скрою, что, когда работа только начиналась, нередко приходилось слышать скептические оценки: мол, эти проекты — популизм чистой воды, способ на какое-то время законсервировать ситуацию, поддержать социалку на плаву, а то и просто предвыборный пиар власти. Сейчас ситуация иная, она даже в эмоциональном плане другая стала.

После этого больше часа выступали министры, отвечающие за профильные нацпроекты. Толковей, то есть короче всех, выступил министр образования и науки Андрей Фурсенко. Он говорил о том, что надо будет сделать в его ведомстве, и получалось, что делать надо все, по сути, сначала. В докладе господин Фурсенко ссыпался на мнение экспертов.

Министр социального развития и здравоохранения Татьяна Голикова ссыпалась исключительно на

куратора нацпроектов Дмитрия Медведева. Министр регионального развития Дмитрий Козак, в свою очередь, ссылался только на мнение Владимира Путина.

И наконец в докладе министра сельского хозяйства Алексея Гордеева, у которого только вчера был день рождения (и по нему это было видно), мелькали ссылки в совершенно равной пропорции и на Дмитрия Медведева, и на Владимира Путина.

Политически грамотно обратился к собравшимся глава «Газпрома» Алексей Миллер, который рассказал о реализации нового нацпроекта — газификации всей страны:

— Уважаемый Владимир Владимирович! Уважаемый Дмитрий Анатольевич! Уважаемые участники заседания!.. Программа выполнена! Работа будет продолжена!

Владимир Путин не записал, если не ошибаюсь, ни одного слова докладчиков и вообще на глазах становился все более мрачен. Он слушал, скрестив руки на груди, чего за ним вообще трудно было припомнить. Похоже, бесчисленные успехи нацпроектов в различных областях народного хозяйства утомили его. Возможно, он надеялся, что можно будет ограничиться тем, что на эту тему выскажет только он. Но собравшиеся с наслаждением продолжали раскрывать эту тему.

С места выступил и Сергей Миронов, который, несмотря на то, что выборы в Госдуму давно закончились, предложил подумать над системой беспроцентного кредитования молодых семей и над системой строительных сберкасс.

— А главное — необходимо, чтобы государство сформировало госзаказ на семейные ценности, — отметил он.

Для этого предстоит создать общественные советы на телевидении (американская мечта российских депутатов) и вернуть звание «Мать-героиня» (советская мечта российских депутатов).

— Я лично не сторонник расширения нацпроектов... — заявила губернатор Санкт-Петербурга Валентина Матвиенко. — Но культура!.. Она действительно требует поддержки!

Владимир Путин напоследок высказался еще раз. Я ожидал, что наконец-то он скажет что-то такое, из-за чего тут все собирались за три дня до выборов.

И он сказал, но совершенно не то, что я ожидал:

— Гору застарелых проблем нам удалось сдвинуть с мертвой точки. Но я не разделяю оптимизма тех, кто говорит, что мы решили эти проблемы. Мы пока их не решили, только сдвинули с мертвой точки. Мы не разгребли эту гору.

Господин Путин неожиданно смазал бенефис своего преемника.

Судя по всему, он собирался сказать что-то другое. Но общее победоносное настроение не только не увлекло его, но и заставило противоречить самому себе: ведь вначале он тоже говорил о триумфальном возвращении доверия к власти, которое случилось исключительно благодаря реализации нацпроектов.

Господин Путин ничего не сказал и о том, что нацпроекты будут преобразованы в госпрограммы. Вдруг

оказалось, что, действительно, ничего же такого не сделано. Ну, вложили деньги в социалку. В общем-то, и все.

Таким образом, господин Путин сам поставил крест на жизнеутверждающем завершении предвыборной программы своего кандидата. При этом кандидат в президенты совершенно не казался расстроенным.

Создалось такое впечатление, что за три до выборов они совершенно расслабились и могут позволить себе говорить то, что считают нужным. Просто потому, что уверены: все, что должно случиться 2 марта 2008 года, уже случилось.

РАССМОТРЕННЫЕ ПРЕТЕНДЕНТЫ

глава 4

В последний день августа 2005 года президент Владимир Путин в своей сочинской резиденции «Бочаров ручей» принял министра обороны Сергея Иванова, который рассказал ему о том, как высока нынче боеготовность российских вооруженных сил. А журналистам министр обороны рассказал, как правильно делать бутерброд из огурца с черной икрой и какова судьба главкома ВМФ адмирала Куроедова.

Министру обороны хорошо было в Сочи. Густо ионизированная атмосфера «Бочарова ручья» расслабляюще действовала на господина Иванова.

— Что на вас произвело самое сильное впечатление на учениях объединенной системы ПВО России, Армении, Белоруссии и Таджикистана? — прямо спросил я министра.

— Самое сильное? — задумался господин Иванов. — Арбузы — это понятно, сезон в разгаре... А, килька! Потрясающая, невероятная там килька! Я этот вкус с детства помню! Этот нежный вкус кильки...

Он выжидательно посмотрел на меня, словно сомневаясь, в состоянии ли я поддержать разговор.

— Не в томатном ведь соусе, да? — наудачу предположил я. — Другая совсем.

— Да! — воодушевился министр. — В этих, больших таких...

— Круглых консервных банках! — и в самом деле вспомнил я.

— В них! И вот в Астрахани я снова попробовал кильку... Чудесно! В Астрахани было чудесно.

— И икры, конечно, попробовали?

— Только не просто икры. Вы знаете, как надо есть икру?! — возбужденно заговорил Сергей Иванов. — Берешь кусочек черного хлеба, тонкий срез огурчика... но не такого, не из теплицы (поморщившись, он кивнул куда-то направо. — А. К.), а такого!.. с пупырышками, живого... И на него — тонким слоем... икорочку... черную...

Я уж не стал расстраивать министра вопросом о степени боеготовности систем ПВО перед угрозой атаки вероятного противника. Это было бы слишком жестоко сейчас.

— И записаешь это все...

— Чайком, чайком, — остыдил он меня.

— С чем? — спросил кто-то, все еще надеясь на интерактивную искренность министра.

— С конфетой «Тузик», — неожиданно с вызовом ответил министр.

— Да таких нет, — недоверчиво произнесла юная сочинская журналистка.

— Эх, молодежь, — покачал головой министр и в поисках сочувствия посмотрел, кажется, в мою сторону. — Про «Тузика» сейчас никто, конечно, и не вспомнит.

Разумеется, сейчас у всех на устах Вадик (мини-лошадь, новое увлечение президента России. — А. К.).

— Вообще, учений у нас сейчас много, — министр по своей инициативе вернулся из детства (очевидно, исчерпав запас подходящих воспоминаний).

— Даже слишком. Не кажется? — спросил я.

— Нет, — резко ответил министр. — Все, что ходит... — только, умоляю, не пишите «плавает», — в море.

— В каком? — уточнил я.

— В Норвежском, — признался министр. — Даже «Адмирал Кузнецов» там. Я вспоминаю учения в Баренцевом море, когда с нами на «Петре Великом» президент был... Там были такие, я вам скажу, моменты!

— Опасались? Не были уверены в подчиненных?

— Ну, авианосец ведь не консерватория (кажется, прозрачный намек на прошлое министра культуры, бывшего ректора консерватории Александра Соколова. — А. К.), всякое может случиться.

— И какой момент был самым опасным? — спросил я.

— Когда один самолет садился на палубу, а другой в это же время взлетал. Там еще такой отбойник стоит, летчику надо взлететь, а отбойник успеть убрать... Опасно все это...

— Скажите, а правду говорят, что у нас в тот день садились на палубу «Адмирала Кузнецова» и взлетали все, кто сейчас на это способен в России, — то есть четыре экипажа? — поинтересовался я.

— Нет, — не согласился министр. — У нас были готовы 19 экипажей. Вот это действительно все. А четыре было в 2002 году. Так что у вас устаревшая информация.

— А у американцев сколько таких экипажей? — не удержался я.

— А у американцев одних авианосцев, если я не ошибаюсь, как раз 19, — не удержался и министр (на самом деле их, к счастью, всего 12. — А. К.).

— Решен ли вопрос с главнокомандующим ВМФ адмиралом Куроедовым? Он наконец уходит? — спросил я. — Контракт с ним продлен не будет?

— Подождите еще хоть чуть-чуть, и все объявим официально, — помедлив, ответил министр обороны. — Потерпите!

— Сколько?

— Немного!

— До какого числа? До 5 сентября? — спросил кто-то.

— До 5-го? Почему до 5-го? — переспросил министр.

— 5 сентября у него день рождения.

— Дело же не в этом, когда у него день рождения, а когда истекает срок действия его контракта, — объяснил Сергей Иванов.

Он, таким образом, ясно дал понять, что контракт (истекает 5 сентября) продлеваться не будет. Это было первое признание такого рода из уст министра обороны России.

Кроме того, министр подтвердил информацию о том, что 7 сентября 2005 года он приедет в Сочи вместе с коллегой — министром обороны Китая.

— Он же учился у нас, в Высшем артиллерийском училище, в Сочи отдыхал, — глаза министра обороны России наполнились теплотой. — Он наш...

Было понятно, что Сергей Иванов не рассматривает вооруженные силы Китая во главе с их министром обороны в качестве вероятного противника.

Главнокомандующему министр обороны рассказал совсем о других подробностях из жизни армии и флота.

— В Астрахани прошли учения, в ходе которых нам впервые удалось создать объединенный командный пункт, — докладывал он. — Все четыре страны — Россия, Армения, Белоруссия, Таджикистан — осуществляли пуски, все мишени поражены... В Китае в ходе учений нам удалось создать мощную группировку со сложной техникой... Корабли Северного и Балтийского флотов образовали группировку, которая приступила к учениям в Норвежском море...

Кроме того, хорошую группировку — из восьмисот человек — удалось создать из граждан стран СНГ и Организации Договора о коллективной безопасности. Эта группировка на бесплатной основе будет учиться в российских военных вузах, как когда-то подобная группировка училась в советских.

— Я знаю, речь шла о том, что курсанты других стран будут нести дежурства наравне с нашими курсантами, а наше законодательство не позволяет этого, — вспомнил президент России. — Решили эту проблему?

— Решили, — успокоил его министр. — Мы обсудили это с министрами обороны стран, откуда эти курсанты. Министры позволяют это им.

— Министры позволяют — а наше законодательство? — переспросил господин Путин. — В наряд-тоходить будут?

— В наряды? — рассеянно уточнил министр. — Будут. По-моему, ничего странного тут нет.

— Я тоже считаю, что ничего странного нет, но надо же закон соблюдать! — ни с того ни с сего развернулся господин Путин.

— Соблюдем, — уверенно ответил министр.

В заключение он рассказал про очередные учения — в октябре-ноябре 2005 года, на этот раз на территории Индии.

— Воздушные десантники будут прыгать на неизвестную местность в незнакомых условиях, — доложил министр обороны.

В глазах его были тревога и восхищение.

Казалось, Владимир Путин получает особенное удовольствие, рассказывая журналистам, как то один, то другой госчиновник может быть претендентом на роль нового главы государства. В ночь с 15 на 16 июня 2005 года в китайском городе Шанхае Владимир Путин встретился с журналистами в своем гостиничном номере. Там он впервые заговорил об отставке генпрокурора Владимира Устинова и допустил, что его преемником может стать не Дмитрий Медведев или Сергей Иванов, а не слишком известный пока человек. Окончательный выбор Владимир Путин обещал оставить за народом.

Народ же был совершенно дезориентирован... Стоило председателю правительства Михаилу Фрадкову выступить на заседании Совета безопасности России 20 июня 2006 года с докладом о реализации нацпроектов, как для подобной растерянности появлялся очередной повод. Учитывая, что кроме него перед журналистами должны были выступить вице-премьеры Дмитрий Медведев и Сергей Иванов, можно было с большой долей вероятности предположить,

что в списке возможных преемников господина Путина появилась еще одна (явно недостающая) кандидатура. Это впечатление усиливалось тем очевидным соображением, что в список преемников можно смело зачислять, как это ясно даже ребенку, всех, кто имеет хотя бы какое-нибудь отношение к реализации какого-нибудь из нацпроектов. (Один мой знакомый получил, например, заказ на производство высокотехнологичной медицинской аппаратуры для российской глубинки. И что же? Я смотрю на него теперь другими глазами!)

В Шанхае Владимир Путин жил в просторном номере. В этом номере был накрыт стол с угощением, которое, похоже, привезли из Москвы. Конфеты, печенье, пирожки. Все как в Кремле. Шампанское, коньяк в бокалах, водка в рюмках. Господин Путин до нашего прихода смотрел спортивный канал CCTV, по которому шел футбол Швеция — Парагвай. (Минут через двадцать после начала разговора президент России телевизор все-таки выключил.)

Владимир Путин сказал, что поездкой в Китай в принципе доволен:

— Хозяева старались, кухню китайскую я люблю, она не очень острая, повара у них искусники... Все разнообразно так, замысловато...

— И непонятно, что едите, — сострил кто-то.

— Все очень понятно, — твердо ответил господин Путин. — Есть, оказывается, у них утка по-шанхайски. Вот есть, все знают, утка по-пекински, ее насилино кормят, потом вкусно получается. Оказывается, у них

утка по-шанхайски. Здесь она ест добровольно, и совсем по-другому получается. Вкус, я хочу сказать.

«Здесь» — он имел в виду в Шанхае. Ведь утка-то по-шанхайски.

Его спросили, какие подарки он привезет из Шанхая домой жене и детям.

— Мне очень меню понравилось, — застенчиво признался господин Путин. — Очень интересное, с такими блюдами... И с такими... ну, марками. Очень необычное меню.

Было не очень понятно, о чем он сейчас говорит, и я попробовал уточнить:

— То есть вы в качестве подарков везете домой меню с вашего обеда?

— Ну да! — искренне обрадовавшись, что его поняли, воскликнул господин Путин. — Оно с марками, я же говорю!

— А вы здесь без жены?

— Без, — уверенно подтвердил он. — Жена хотела поехать, но потом испугалась — жары. Я даже организаторам сказал, что она испугалась жары.

— И они поверили? — переспросил я, но он не услышал.

Он услышал другой вопрос:

— Почему вы уволили генерального прокурора?

— Уволил? — удивился президент. — Он же сам ушел.

— Но он не был похож на человека, который собрался уходить.

— А он скрытный! — засмеялся президент.

— Ну а все-таки — почему?

— Он шесть лет все-таки проработал на этом посту, — вздохнул господин Путин. — Это большой срок (то есть для президента России не очень большой и, может, даже маленький, а для генпрокурора, значит, он практически предельный. Конечно, мальчики кровавые постоянно, как говорится, в глазах... Устанешь. — А. К.). Ну, тут нет ничего необычного. К нему нет никаких претензий. Он ушел по собственному желанию. Он будет и дальше работать на этой службе.

— На какой?

— На государственной, — пояснил господин Путин.

— Это равноценная будет служба? — переспросил кто-то.

— Ну... да, наверное, — пожал плечами президент.

Ему уже не нравился этот разговор. Единственное, из-за чего он начал отвечать на этот вопрос, — он хотел, чтобы версия об усталости, собственном желании генпрокурора, с которым он не смог совладать, и об отсутствии претензий к нему стала канонической.

— А вы уже знаете, кто будет следующим генпрокурором?

— Ну... знаю, — демонстративно неуверенно пожал плечами господин Путин, давая понять, что на самом деле еще ничего по этому поводу не решил и, предупреждая следующий очевидный вопрос, добавил: — Но не скажу.

— А человек этот знает?

— Догадывается! — пошутил господин Путин и сам громко рассмеялся.

— А Владимир Устинов будет российским представителем в Евросоюзе? — продолжали допрашивать его.

— Чего вы привязались-то? — уже не очень хорошо усмехнувшись, но, впрочем, все еще миролюбиво пропоротал президент. — Видите, я же не хочу отвечать.

— А для него отставка была неожиданностью?

Вот тут господин Путин мог попасться. Но он хорошо выучил каноническую версию:

— Это же по собственному желанию было! — снова засмеялся он. — Как же это могло быть неожиданно?

— Вы могли бы поделиться подробностями по делу мебельщиков? — спросили его.

Словосочетание ему не понравилось, он даже дернул головой: ну, понятно, успели назвать...

— Даже если бы и знал какие-то особенные подробности, то не сказал бы, — произнес на этот раз президент России чистую правду. — Все-таки в России действует презумпция невиновности. Но действительно, ряд людей по этому делу арестованы. Они являются невиновными и будут виновны, только если будет вынесен обвинительный приговор суда. Прокуратура поработала неплохо, — задумчиво и даже как-то мечтательно сказал он. — Писатели они хорошие. Вот такие тома написали... А какие они юристы... поймет суд. Правда, что я вынужден был... (долгая пауза) привлечь следователя из Ленинградской области к этому делу.

Это должен был быть человек, который не связан с правоохранительными органами и таможней.

На вопрос о судьбе Совета Федерации в его нынешнем виде господин Путин ответил, что это сейчас «можно думать о его усовершенствовании». Но чувствовалось, что эта тема не задевает ни его, ни кого-нибудь из присутствующих (тем более трех иностранных корреспондентов).

— А вообще-то я ведь самый большой демократ в стране, — неожиданно засмеялся господин Путин. — Так что я бы поддержал мнение народа, в том числе по этому поводу.

С особым, как говорится, цинизмом.

Ему дали передохнуть на теме футбола.

— Я люблю красивый футбол, — заявил президент. — А так, если обычный, хочется, как старику Хоттабычу, дать каждому игроку по мячу, чтобы они так не переживали.

Он, как и первый вице-премьер правительства Дмитрий Медведев несколько дней назад, не сказал, за кого будет болеть на чемпионате мира в Германии.

— Представляете, я скажу — и что сразу будет?! — с расчетом на понимание спросил он.

— Чемпионат можно заканчивать, вся интрига все равно пропадет, — хотел сказать я, но не успел: президент уже отвечал на неизбежный вопрос о преемнике.

— Я благодарен, — сказал он, — нашим гражданам, которые считают, что я могу оставаться на этой работе (в вопросе была мысль коллективного разума 59% респондентов последнего соцопроса, которые согласны

оставить господина Путина на третий срок, и северо-осетинских общественников, которые предлагают провести по этому поводу референдум. — А. К.). Но такое решение подорвало бы мою внутреннюю уверенность в том, чего я делаю. Нельзя требовать от людей соблюдения того, чего сам нарушаешь.

Кстати он рассказал, как, по его версии, стали вице-премьерами два человека, которых все и называют (уже по привычке) возможными преемниками (господин Путин этого слова старательно избегает).

— Назначение Сергея Иванова и Дмитрия Медведева — инициатива Михаила Ефимовича Фрадкова вообще-то! — сказал он. — Вы, наверное, не знаете?! (Ну надо же, мы как-то, и правда, не в курсе были. — А. К.). Там шел разговор, что нужен человек в правительство на работу с нацпроектами. А администрация в это время приняла ряд неправильных, я считаю, решений по этому поводу. И он (Михаил Фрадков. — А. К.) говорит: «Ну, давайте назначим Дмитрия Анатольевича Медведева в правительство, раз они в администрации такие решения принимают». Я согласился. Потом и насчет Сергея Борисовича Иванова предложение последовало сделать его вице-премьером. Вот и все!

Теперь задача господина Путина состояла в том, чтобы дать понять: «Да ни на что я не намекал вам, когда они стали вице-премьерами! Вы это все сами придумали. Ну, вспомните!» При этом законы конспирации соблюдались в Кремле с таким энтузиазмом, что позволяли делать самые невероятные предположения насчет того, кто и какое место займет.

На встрече президента Путина с призерами XX зимних Олимпийских игр 6 марта 2006 года в Екатерининском дворце я попробовал создать своего рода «командумечту» — и это удалось, когда в зале появились министр обороны Сергей Иванов, глава администрации президента Сергей Собянин, первый вице-премьер правительства Дмитрий Медведев. Некоторое время они не находили себе места. Но потом в зал вошел премьер Михаил Фрадков, и вопрос решился. Леонид Тягачев и несколько тренеров пересели со своих мест на места в том же, последнем, ряду, только не слева, а справа от прохода. Освободившиеся позиции заняла вышеупомянутая четверка. Увидев недалеко от них еще одну четверку — бобслеистов, занявших на Олимпиаде в Турине второе место, я подумал, что и из мужественных парней, застенчиво севших в последний ряд, при должном отношении к делу вышла бы интересная команда. Господин Фрадков по техническим причинам (в силу своих недвусмысленных габаритов) стал бы разгоняющим. Вторым разгоняющим пришлось бы поработать Сергею Иванову. Рулевым по определению быть Дмитрию Медведеву. Ну а господин Собянин в этой четверке работал бы, конечно, тормозящим. При этом не следует забывать, что тех, кто разгоняет, а потом сидит в центре боба, спортсмены называют «мясом». В случае с Сергеем Ивановым, учитывая специфику его работы, можно было, очевидно, говорить, что это «пушечное мясо».

Впрочем, на этот раз мне показалось, что Владимир Путин начал уставать от разговора и теперь сам пытался веселить себя.

— А какими качествами хотя бы должен обладать преемник? — спросили его.

— Я считаю, что человек, претендующий на этот пост, должен обладать... — торжественно сказал президент, и я увидел, что он и в самом деле посеръезнел. — Во-первых, порядочность и честность. Во-вторых, профессионализм. В-третьих, умение брать на себя ответственность.

— А это может быть человек, которого сейчас нет в списке из двух-трех преемников?

— Ну да, — в голосе господина Путина тут же возникла трагическая неуверенность, которую он не собирался не то что скрывать, а намерен был продемонстрировать.

— А он может быть нам неизвестен?

— Ну, совсем неизвестен вряд ли. Все-таки кому-то он же известен, — продолжил веселиться господин Путин. — А так — может быть, конечно. Есть такая возможность.

— Но в списке его пока нет?

— Ну, в списке-то, вы сами говорите, два-три человека всего!

— А вы нам скажете, кто это? Что за человек? И когда скажете?

— Ну, боюсь точно сказать, когда скажу, — пожимал плечами президент. — Это все еще определится... в плане стартовых возможностей.

— Ну, ближе к выборам скажете? — прозвучал умоляющий вопрос.

— Шутки шутками, но в конечном счете выбор-то остается за народом, — вздохнул президент с таким видом, словно это его тяготило.

Он решил, видимо, наконец перестать издеваться над журналистами и вернулся к теме, на которую мог поговорить серьезно.

— Это, правда, очень важно — уметь взять на себя ответственность, — продолжил он. — Мне в жизни несколько раз приходилось принимать решение: сделать что-то и получить серьезный политический негатив или спустить все на тормозах и попытаться решить проблему без этого. Нет, если я не буду брать на себя ответственность — все, плюс дес абенде!

Господин Путин вспомнил, как Борис Ельцин предложил его на пост премьера, и ему надо было пройти собеседование во фракциях Госдумы:

— Я пришел к коммунистам (если вы спросите Геннадия Андреевича Зюганова, он расскажет) в день перед голосованием, и они спросили меня, как я отношусь к Собчаку. Я сказал, что Анатолий Александрович Собчак — человек честный и порядочный. Послышался сразу гул. Я говорю: «Чего вы гудите? Вы хотите, чтобы я ответил, как Сергей Вадимович Степашин, когда был в США недавно и его спросили, как он относится к коммунистам, а он сказал, что как бывший глава ФСБ считает, что коммунистическая партия никогда не придет к власти в России? Или чтобы я сказал вам по-другому? Что у нас любая партия может прийти к власти путем легитимных выборов? Вы хотите, чтобы я честно ответил, как думаю, или как Сергей Вадимович Степашин, то есть чтобы я говорил то, что от меня хотят услышать?»

Господин Путин говорил теперь максимально серьезно и даже слишком серьезно. Он очень хотел, видимо, чтобы и мы к этому относились так же.

— То есть должно быть мужество, чтобы довести до конца свою линию. Один-два раза спрячешься за чужую спину, скажешь, что они сами виноваты, — и все, нет страны. Уже завтра нет страны! Надо уметь признать свои ошибки и просто не прятаться.

— А вы можете признать свои?

— Ну, я не считаю, — не задумался господин Путин над ответом, который у него давно готов, — что были совершены вещи, от которых сейчас можно отказаться или сделать их принципиально по-другому. Как ни странно, такого нет! Есть что-то, что можно было чуть-чуть подправить...

— Что вы будете делать, когда уйдете с поста президента?

— А, я возглавлю политическую партию! — опять начал он радовать сам себя. — Какую? Оппозиционную, конечно!

— Кому оппозиционную?

— А какая разница? Главное, буду ругать власть — за антинародную политику, за то, что она не думает о простых людях. С вами буду чаще встречаться. Вам же интереснее будет, когда я буду все критиковать.

В этой последней фразе все-таки сказалась природная любовь Владимира Путина к журналистам.

— Хочется побродить по Питеру без охраны, в дом съездить, где я жил, — увлекся президент России. — Охрана же со мной в одном доме живет. Представляете?!

— Ну, вы и так часто в Питере бываете...

— А что я вижу? — переспросил он. — Сижу в машине, как таракан в бронированной банке.

Эта встреча закончилась, когда в Москве было три часа ночи. Потом у меня неожиданно появилась возможность задать господину Путину еще несколько вопросов. Я все-таки спросил еще раз, за что он уволил генпрокурора.

— Устал он! Я же сказал, — удивился президент.

Я еще некоторое время пытался выяснить подробности. Сам выдвигал какие-то версии и просил ответить, да или нет. Господин Путин в конце концов, потеряв терпение, начал демонстративно загадочно улыбаться.

«Да все равно же ничего не скажу», — молчал он.

И все-таки кое-что я понял из этого разговора. Настоящие причины отставки генпрокурора России — это то, о чем мы не узнаем не только сейчас, но и через пять лет. И через десять, скорее всего, тоже.

Публичные выступления Сергея Иванова, участившиеся во второй половине 2006 года, видимо, должны были подчеркнуть, что на самом деле именно он является главным конкурентом Дмитрия Медведева, а все остальные кандидаты в преемники — если они вообще существуют — всерьез рассматриваться уже не могут.

26 октября 2006 года президент России Владимир Путин вместе с министром обороны Сергеем Ивановым встретился с генеральным секретарем НАТО Яапом де Хоопом Схеффером. Главным героем этой встречи стал

российский министр, который доказывал генсеку НАТО, что в семье, состоящей из России и НАТО, не без урода. И доказал.

Известие о встрече господина Путина с генеральным секретарем НАТО было многообещающим на фоне происходящего в последнее время с президентом России. Лидеры международных политических и военных организаций встречаются с господином Путиным, кажется, только для того, чтобы сказать ему обо всем, что у них накопилось к нему за эти годы. Господин Путин использует их для того же самого.

При этом господин Путин, войдя в Представительский кабинет, был настолько приветлив и ласков к своему гостю, что это настораживало, конечно, еще больше. Генсек НАТО тоже демонстрировал лояльность режиму. Настораживало в связи с этим выражение лица министра обороны Сергея Иванова. Он как-то широко и при этом очень неуверенно улыбался, словно стесняясь и пряча от окружающих свои зубы. Сначала я подумал, что просто они у него болят, но потом понял: ничего подобного. Наоборот, если не ошибаюсь, они у него больше не болят, ибо он, судя по их внешнему виду, ими активно занимается. Означает ли это, что предвыборная кампания одного из возможных преемников уже стартовала?

Разговор, который состоялся при журналистах, не представлял для них особого интереса (не хотелось не то что подслушивать, а даже подглядывать). Господин Путин рассказывал о сотрудничестве России с НАТО «в практических областях», прежде всего в «борьбе

с терроризмом». Замечу (в скобках), практической эту область сделал сам терроризм.

Генеральный секретарь НАТО Яап де Хооп Схеффер рассказал, что «Россия, конечно, большая держава, которая отвечает за многое в мировых делах». После этого логично было бы ожидать, что следующую фразу он начнет с «но», — и тут наконец пойдет дело.

— И, конечно, ее присутствие в разрешении разных конфликтов незаменимо, — добавил генсек НАТО.

Было интересно, что такого случилось с господином де Хоопом Схеффером, что тот разговаривал с Владимиром Путиным с бесконечной осторожностью. Пожалуй, больше всего причин для такой осторожности у западных лидеров должна была вызвать субботняя встреча президента России с госсекретарем США Кондолизой Райс, на которой Владимир Путин, говорят, предупреждал госпожу Райс о том, что, если Грузия начнет вооруженный конфликт с Абхазией и Южной Осетией, России придется тут же признать суверенитет и той, и другой республики. Все, что будет дальше, было понятно без перевода.

Переговоры продолжались примерно час. После них с журналистами встретились мужественный Сергей Иванов и мужеподобный Яап де Хооп Схеффер.

— Могу доложить вам, — рассказал генсек НАТО после встреч с секретарем Совбеза России, депутатами Госдумы, министром обороны и президентом России, — что состояние отношений между Россией и НАТО очень хорошее. Но во всех отношениях, даже семейных, есть

расхождения. Надо вносить в них вклад, чем я и занимаюсь.

Генсек НАТО намекал, очевидно, на то, что терпению его в деле укрепления семейных связей между Россией и НАТО нет и не может быть предела.

— Мы с Россией идем по восходящей, — продолжал он, — мы не во всем согласны по всем вопросам, но по многим вопросам все-таки согласны.

После этого он говорил только о тех вопросах, в которых он с Россией не согласен. Это прежде всего вопрос российско-грузинских отношений.

— Я сказал президенту, — добавил Яап де Хооп Схеффер, — что хотя НАТО напрямую не играет никакой роли (но какую-то все-таки играет. — А. К.), здесь участвуют другие организации, и мы призываем все стороны к деэскалации и соблюдению прав Грузии на территориальную целостность. Мы выступаем за мирное решение конфликтов в Абхазии и Южной Осетии. Я повторяю, что НАТО не играет здесь никакой роли (значит, все-таки не играет. — А. К.), а главное — деэскалация.

Генсек НАТО давал понять, что он предлагает Абхазии и Южной Осетии добровольно вернуться в состав Грузии, и это вдруг зазвучало как ультиматум. Яап де Хооп Схеффер сразу потерял всю свою осторожность.

А господин Иванов — свою. Министр обороны России рассказал, что генсек НАТО встретился с Игорем Ивановым, а также «с вашим покорным слугой» и с президентом России (непокорным слугой народа).

— Надеюсь, что Ивановы не запутали вам голову... — произнес он, и мне было понятно, что на самом

деле он надеется на обратное. — В каждой семье есть разногласия, у нас тоже есть несовпадающие точки зрения по ряду проблем. Это вопросы расширения военной инфраструктуры НАТО в сторону границы с Россией... Затем планы США, члена НАТО, по размещению третьего позиционного района глобальной системы ПРО в Восточной Европе.

Название третьего района звучало так многообещающее, что заранее не хотелось жить.

— Не хотелось бы, чтобы сложилось впечатление, что мы чего-то боимся! — продолжал Сергей Иванов.

Нет, он мог не бояться этого.

— Просто это потребует, — продолжил министр обороны, — определенного изменения нашего военного строительства и того, чтобы Россия приняла определенные меры предосторожности... Мы следим за этими процессами...

Возможно, он имел в виду наших парней, арестованных в Грузии по обвинению в шпионаже.

— Мы понимаем, — продолжал Сергей Иванов, — что угрозы меняются, мы понимаем, что то, ради чего было создано НАТО — Советский Союз, — не существует, а вызовы и угрозы могут быть расположены в различных частях мира, и в основном они находятся вне Европы.

То есть кое-какие все-таки находятся и в Европе.

— Что касается Грузии. У нас с Грузией каких-то больших проблем нет! — с вызовом произнес Сергей Иванов, понимая, очевидно, что произносит заведомо дискуссионные вещи.

Ну, разве это проблемы, хотел он, видимо, добавить.

— Так же, как нет и санкций! — вместо этого произнес он.

— Деньги перемещаются, товары перемещаются... Прямых рейсов авиакомпаний нет, но их нет, так как у грузинских авиакомпаний долги! То, что мигрантов высылают, так их высылают во всех странах мира! Здесь, правда, могут быть перегибы некоторых ретивых чиновников... в отношении граждан России! Так это недопустимо! — твердо произнес Сергей Иванов.

Он раскрыл глаза на то, как «совсем недавно несколько сотен грузинских мигрантов были высланы из США», и сосредоточился на том же, на чем и президент России в финском городе Лахти неделю назад: что проблема на самом деле «в отношениях Грузии с ее бывшими автономиями Абхазией и Южной Осетией».

Господин Иванов, если не ошибаюсь, первым среди российских чиновников назвал эти автономии бывшими.

— По всем признакам мы ощущаем и видим, что руководство Грузии склоняется к военному решению. Это может привести к непредсказуемым последствиям для жизни и безопасности граждан этих народов... Россия здесь ни при чем!

Последние слова Сергей Иванов прокричал с каким-то страдальческим выражением лица. Возможно, вдруг дали все-таки знать о себе зубы.

Вообще-то, с конца 2006 года практически любое действие президента или правительства можно было рассматривать с точки зрения выбора преемника.

13 ноября 2006 года Владимир Путин встретился с членами правительства и вытянул из них несколько новостей федерального значения: о том, есть ли шанс к саммиту АТЭС закончить согласование российско-американских позиций по ВТО; о том, что с 2008 года бюджет в России будет верстаться сразу на три года; а также о том, что с 2007 года начнет функционировать отечественная система глобальной навигации, аналогичная американской GPS.

Президент России приехал на встречу с членами правительства в черном костюме и темном галстуке. Только что он, как и некоторые другие участники этой встречи, прощался с бывшим министром обороны Игорем Сергеевым.

— Герман Оскарович, — спросил президент России министра экономического развития и торговли господина Грефа, — как прошли ваши командировки по поводу согласования позиций по ВТО? И потом вы еще выезжали в Азию?

Герман Греф, который выглядел таким озабоченным, словно не успел еще заскочить домой после двух первых командировок и уже опаздывал в третью, — он и на встречу с президентом пришел последним и застенчиво протискивался сквозь бездушный строй подслушивающих и подглядывающих журналистов, — рассказал президенту захватыва-

ющие подробности своих переговоров по вступлению в ВТО.

— Владимир Владимирович, мы по всем принципиальным вопросам с США переговоры завершили, — объяснил он, и это была не новость, ибо об этом пару дней назад объявили американцы. — У нас остались технические вопросы и подготовка всех документов к подписанию. Это очень объемное соглашение, текст его насчитывает свыше 200 страниц. Сейчас идет техническая выверка и подготовка всех необходимых внутригосударственных процедур... В частности, нам необходимо принять целый ряд постановлений правительства.

А это уже была новость. Складывалось впечатление, что господин Греф готовит господина Путина к тому, что за пару дней такую работу не провернуть. И тогда получалось, что в Ханое на саммите АТЭС, как и в 2005 году в Братиславе, президенты России и США не смогут объявить о том, что российско-американские переговоры наконец-то закончились триумфально, и пусть теперь руководство Грузии попробует сказать, что оно против вступления России в ВТО — после того, как американцы оказались «за».

— Но задача, которая была поставлена вами к вашей встрече в Ханое с президентом Бушем, — все переговоры завершить с тем, чтобы обеспечить подписание соглашений... — сказал Герман Греф. — У нас есть шансы выпустить все документы и завершить техническую работу к этому времени. Мы сделаем все для того, чтобы во время вашей встречи с президентом Бушем обеспечить подписание соглашения.

Надо было отдать должное политическому мужеству Германа Грефа, который все-таки сумел не пообещать президенту, что к началу саммита — или, вернее, к началу встречи Владимира Путина и Джорджа Буша — техническая работа, и правда, будет закончена. Видимо, у него и в самом деле есть опасение, что никакой человеческий гений не может справиться с этой задачей.

— Хорошо, спасибо, — поблагодарил за не законченную пока работу господин Путин и не оставил Герману Грефу таким образом выбора. Придется уступить.

После этого у господина Путина состоялся диалог с министром финансов господином Кудриным. Выяснилось, что вот-вот будут готовы поправки в бюджет 2006 года.

— Всегда поправки в текущий бюджет по действующему законодательству должны быть рассмотрены в течение 15 дней. Я уверен, что Дума выдержит эти сроки. Таким образом, в первых числах декабря закон поступит на вашу подпись. Если он будет сразу подписан, — Алексей Кудрин бросил строгий взгляд в сторону Владимира Путина, — то мы успеем в декабре все остальные расходы, которые требуется в этом году осуществить, провести в этом году.

— А когда вы будете начинать работу над бюджетом следующего, 2008, года? — спросил господин Путин, на которого грубый политический шантаж не произвел, кажется, должного впечатления. И еле заметно улыбнулся, так что показалось, что он решил пошутить.

Но выяснилось, что тут совершенно не до шуток.

— Владимир Владимирович, — продолжил господин Кудрин. — в соответствии с вашим поручением мы провели проработку сроков подготовки и утверждения бюджета на 2008 год. В соответствии с вашим бюджетным посланием этот бюджет должен быть сразу принят на три года.

То есть страну ждет по крайней мере спланированная трехлетка. Вообще это поразительно: Владимир Путин намерен оставить преемнику сверстанный трехлетний бюджет! То есть преемнику, во-первых, ни о чем не придется думать, а во-вторых, у него даже шанса такого не возникнет. Господин Путин не рискует доверить преемнику решение, видимо, ни одного более или менее серьезного вопроса.

И именно это замечание господина Кудрина, мне кажется, говорит о том, что Владимир Путин не останется на третий срок гораздо яснее, чем все, что по этому поводу говорит сам Владимир Путин.

— Для качественного прохождения бюджета он должен быть внесен во второй половине апреля и принят в первых числах июля, — заявил министр финансов. — Я думаю, что такой вариант абсолютно возможен, то есть он осуществим.

Последняя фраза министра финансов претендовала на то, чтобы встать в одном ряду с крылатым выражением Владимира Ленина: «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно».

После краткого и бурного отчета первого вице-премьера правительства Дмитрия Медведева о беспрецедентных закупках реанимобилей с «детскими куве-

зами» — в различные регионы будет поставлено 90 таких реанимобилей, что на несколько единиц больше, чем количество субъектов федерации, особенно с учетом тенденции к укрупнению регионов, характерной для государственной политики страны в последнее время, — президент повернулся к министру обороны:

— Сергей Борисович, я в начале этого годаставил задачу ускорить реализацию планов по созданию Глобальной космической навигационной системы. Как идет работа?

— Да, Владимир Владимирович, — Сергей Иванов охотно подтвердил, что президент и в самом делеставил такой вопрос. — Весь проект как единое целое по созданию Глобальной навигационной спутниковой системы (ГЛОНАСС) готов... Напомню по срокам: к концу 2007 года по новому графику мы должны запустить всю систему на территорию страны в полном объеме. Для этого нам потребуется 18 космических аппаратов на орбите, а к концу 2009 года — в глобальном масштабе. И нам тогда нужно будет 24 аппарата. Сегодня у нас на орбите работают 14 космических аппаратов. То есть нам осталось четыре для покрытия собственной территории и десять... — он торжественно помедлил, — для покрытия всего мира.

Сергей Иванов объявил, что назначен генеральный конструктор системы ГЛОНАСС. Этого человека зовут Урличич Юрий Матэвич. Видимо, так и должны звать начальника настолько мудреной системы. С этой точки зрения выбор был безупречным.

— И он отвечает не только за орбитальную группировку, Владимир Владимирович, — продолжил Сергей

Иванов, — но и за всю наземную составляющую, то есть наземную аппаратуру... К 1 января 2007 года генштаб снимает все ограничения по точности разрешения координат для того, чтобы вся система работала на экономику страны, на развитие транспорта.

— Кто отвечает за группировку спутниковую, ясно. Кто отвечает за наземную составляющую, ясно, — кивнул президент России. — А кто отвечает за освоение рынка услуг?

Господин Путин имел в виду, что кто-то же должен убеждать гражданских пользоваться беспрецедентной милостью Министерства обороны, открывающего для них систему отечественной GPS.

— За освоение рынка услуг мы будем отвечать вместе с Минэкономразвития, — сказал господин Иванов, ультимативно поглядев на Германа Грефа.

— Вместе — значит никто! — как будто даже обращался президент России. — Нужна конкретная фамилия человека! И человек специальный, который заранее, сейчас уже начнет прорабатывать эти вопросы с потребителем.

Чтобы у потребителя к тому времени, когда система начнет работать, не было даже иллюзий, что он сможет от нее отказаться в пользу, например, американской системы.

К 2007 году интрига с кандидатурой преемника достигла, казалось, апофеоза. Но это были еще не сам апофеоз.

7 марта 2007 года президент России встретился с женщинами, которые попросили его вернуть им институт санпросвета и пропаганды здорового образа жизни. В ответ Владимир Путин рекомендовал вернуть мужчинам право бесплатного просмотра футбольных матчей. Оставалось только порадоваться за тех и за других.

В Александровском зале Кремля женщины появились за несколько минут до президента. До этого их старались сохранить в девственной чистоте, не давая возможности журналистам поговорить с ними. Об этом очень просили сами дамы. Они берегли себя для встречи с президентом.

За круглым столом сидели руководители общественных организаций, дошкольных учреждений... Татьяна Шарыпова — патронатный воспитатель. Татьяна Боровикова — председатель общественной организации «Много деток — хорошо!». Ирина Полежаева на этой встрече, сидя за столом, иллюстрировала эту мысль: ее пригласили как многодетную мать. Впрочем, судя по ее бледному и слегка растерянному виду, у нее самой уверенности в этом девизе не было.

Владимир Путин поговорил с женщинами на интересную для них тему — о материнском капитале.

— Не знаю, — сказал он им, — как вы это ощущаете, насколько, по вашему мнению, это эффективно, но первое впечатление такое, что отдача должна быть.

Под отдачей он имел в виду, что за материнский капитал женщины страны рассчитываются с ее руководством живым товаром.

Господин Путин предложил дамам высказывать идеи и предложения. Идеи и предложения не заставили себя долго ждать. Идея члена Общественной палаты Александры Очировой состояла в том, чтобы поблагодарить Владимира Путина за то, что он вносит «стратегические начала в нашу внутреннюю и внешнюю политику», и за то, что рассказывает о них в посланиях к народу России.

Людмила Котик, главврач Тульской областной детской больницы, заявила, что все меры для повышения рождаемости и снижения смертности провалятся, если форсированными темпами не повысить уровень санитарной культуры населения.

— Всероссийский совет по санитарному просвещению в советское время был очень хорошей организацией, — заявила эта довольно молодая женщина, которая знала про санпросвет в лучшем случае из газет и одноименного бюллетеня, так как ни в какой другой реальности признаков существования этой организации обнаружить было невозможно. — Очень важно вновь вооружить нацию знаниями о здоровом образе жизни! Владислав Юрьевич Сурков горячо поддержал нашу идею! — с жаром воскликнула она (впрочем, вряд ли господин Сурков будет благодарен ей за упоминание его фамилии все в таком непредвиденном контексте. А может, и, наоборот, будет тронут. — А. К.). — Дмитрий Анатольевич (первый вице-премьер Дмитрий Медведев. — А. К.) поддержал!

Странно, что в этом списке не оказалось первого вице-премьера Сергея Иванова, за которым реальная

промышленность. Наверное, вылетело из головы от волнения.

Нет, на такие вещи нельзя, конечно, не обращать внимания. Дуэт вице-премьеров, стоило им появиться вместе, обеспечивал пищей для ума в огромных количествах. Им не надо было даже ничего говорить. Вот на встречу с президентом России собираются члены правительства. Несколько министров уже сидят за столом в его ожидании, и тут в комнату одновременно заходят премьер-министр Михаил Фрадков и два его заместителя — Дмитрий Медведев и Сергей Иванов (такое впечатление, что встречаются с президентом поодиночке им с нового года как-то неловко, прежде всего друг перед другом). Обычно они появляются один за другим с театральной паузой, чтобы зрители (прежде всего телезрители) смогли оценить возрастающий с каждой секундой политический вес каждой фигуры в кабинете и достаточно разволноваться к моменту появления главного виновника торжества демократии Владимира Путина.

Или вот — в Георгиевский зал на церемонию награждения Госпремией России входят они же: Михаил Фрадков и два его первых заместителя — Сергей Иванов и Дмитрий Медведев не отстают друг от друга ни на шаг, но и не опережают друг друга (то есть все так же, как и в рейтингах; собственно, от этого прохода их рейтинги тоже зависят). Первые вице-премьеры и дальше все делали одинаково ровно и уверенно. Сергей Иванов

поцеловал Джахан Поллыеву в правую щеку, Дмитрий Медведев — в левую (выбор щеки, наверное, тоже о чем-то должен был сказать думающим политологам).

Воссоздание же системы всероссийского санпропаганды осталось поддержать только господину Путину. Людмила Котик сделала все для того, чтобы это случилось немедленно.

— Руководитель нашего государства не имеет вредных привычек... — произнеся эти слова, она со странным ожиданием посмотрела на президента, словно на самом деле не до конца была уверена в этом; и он, помедлив, легким кивком головы подтвердил: нет, не имею. — Занимается зимними и летними видами спорта! Прекрасно выглядит (еще один легкий подтверждающий кивок со стороны президента. — А. К.)!.. Это очень важно для подрастающего поколения!

Казалось, дело сделано, и санпропаганда у госпожи Котик, так сказать, в кармане.

— А вы где работаете? — спросил президент России.

— Мы с вами знакомы уже много лет, — оскорбилась она, — если вы не помните! И мы вас в свое время решительно поддержали...

Она дала понять, что еще неизвестно, как бы все сложилось у господина Путина без этой поддержки. Впрочем, она так и не сказала, где работает.

— Это создается как общественная организация? — спросил президент.

— Может, вернуться к системе, которая в Советском Союзе существовала? — с надеждой переспросила она, опять не ответив на вопрос. Ответ для нее был гораздо важнее вопроса.

На этот раз не стал ничего отвечать господин Путин. За него сказала президент фонда «Семья России» Алла Кузьмина.

— А мне кажется, — сказала она, — надо использовать те структуры, которые работают сейчас.

Фонд «Семья России», надо полагать, не последний в списке этих структур.

— Ну нет! — решительно произнесла госпожа Котик.

— Человек приходит в этот мир не сам по себе. Он приходит от таинства духа между мужчиной и женщиной, — аргументировала Алла Кузьмина, и эту версию прихода в мир следовало признать оригинальной.

— Ваш, Владимир Владимирович, пример как семьянин очень важен для России! — продолжила госпожа Кузьмина. — Без семьи мы не сможем двигаться дальше! Нужен информационный проект по поддержке идеи семьи! Это должна быть хотя бы одна передача о семье!

Она не уточнила, в день или в год.

— Вот была «Семья Журбина»... — вспомнила она о многосерийном советском фильме. — Фильм о любви и ненависти...

Она остановилась, поняв, очевидно, что зря сделала этот шаг, который отделяет одно от другого. Про ненависть в семье и так снимается сейчас много сериалных продуктов.

— Это фильм о династии! Надо пропагандировать семейные династии! — продолжила она.

— Я, во-первых, говорил об этом в своем послании... — увлекся было господин Путин самоцитированием (впрочем, в компании, где не процитировать президента России считалось верхом неприличия, невозможно было, видимо, удержаться от этого соблазна). Но тут он сбился, потому что начал рассказывать дамам об одном селе, история которого насчитывает более трехсот лет:

— Люди жили в одной деревне, ходили в одну церковь, были все друг у друга на виду... И так 300 лет!

Ну, хотя бы о санпросвете забыли.

Все это время в соседнем зале президента России ждали члены Совета по реализации нацпроектов. Около получаса они пили чай в Георгиевском зале Кремля. Здесь были лидеры думских фракций, губернаторы, министры.

Лидер ЛДПР не отходил от министра здравоохранения и социального развития Михаила Зурабова. Сначала они о чем-то мирно беседовали. Господин Жириновский говорил министру, что есть какая-то область, где никаких проблем с лекарствами нет, и вот надо распространить опыт этой области на всю Россию. Судя по выражению лица Михаила Зурабова, он категорически не верил в возможность существования такой области.

— Кто-то должен понести наказание за сегодняшнюю ситуацию с лекарствами? — спросили журналисты министра.

— А кого наказывать? — переспросил господин Зурабов.

Он даже как будто бы оглянулся вокруг в поисках такого человека и что-то не нашел его.

— Наказывать тут некого, — продолжил он уже спокойнее. — Кто должен пострадать, если соответствующие средства на эти лекарства не были предусмотрены законом? Кого наказывать?

— Некоторые считают, что вас, — сказал кто-то.

— Если это успокоит общественное мнение, — с нервной улыбкой на лице произнес господин Зурабов, — я бы это с удовольствием сделал.

То есть он намерен получить от своей отставки еще и удовольствие.

После этого господин Зурабов все-таки нашел крайнего в этой проблеме. Виноватыми оказались регионы.

— Долго рассказывать, что надо делать... — поморщился он. — Лекарства есть, проблема имеет сугубо финансовый характер. Средства Фонда обязательного медицинского страхования были предусмотрены в размере 41 млрд рублей, но субъекты не запрашивали их, поскольку считали, что могли направить их на другие расходы по здравоохранению...

Довольно быстро интерес к объяснениям Михаила Зурабова растаял. От него отошли и журналисты, и даже Владимир Жириновский. Я подошел к Сергею Нарышкину и спросил его, как он относится к тому, что назначение вице-премьером автоматически сделало его еще одним потенциальным преемником господина Путина. Сергей Нарышкин выслушал эти слова с большим вниманием и даже, казалось, участием.

— Да лучше бы не говорить об этом, — вздохнул он.

— Для кого лучше? — спросил я.

— Для меня лучше, — честно признался он.

— Но все равно уже все говорят с тех пор, как вас назначили вице-премьером.

— Честно говоря, для меня самого это назначение было такой неожиданностью... — как-то слабо улыбнулся он мне.

Так улыбаются интеллигенты в пятом поколении, когда видят хулигана в темной подворотне.

— Так я не люблю эту тему... — продолжил он. — Но я вам обещаю по крайней мере вот что: своего пресс-секретаря у меня нет и не будет.

Это была непростая мысль. С одной стороны, это мог быть намек на других вице-премьеров, которые не испытывают недостатка в пресс-секретарях. С другой (и скорее всего) — он хотел сказать, что не собирается, работая в правительстве, вести предвыборную кампанию. Ну и наконец нельзя же полностью исключить, что Сергей Нарышкин подразумевал: став президентом, он обойдется без пресс-секретаря.

— У вас монархическая фамилия. Это случайность или вы — цветущая ветвь генеалогического дерева? — спросил я.

— Я на этот вопрос отвечаю так: на досуге пойду посмотрю, покопаюсь в архивах... — сказал Сергей Нарышкин и неожиданно подмигнул мне.

То есть он давал понять, что на самом деле уже давно покопался и все нашел, но говорить об этом не считает нужным.

Если бы господин Нарышкин и правда был включен в гонку преемников, то после короткого разговора этот ироничный умный человек прибавил бы себе довольно много очков в моих глазах.

Все это время господин Путин разговаривал с другими женщинами в Александровском зале, и в Андреевский зал, где сидели члены совета по нацпроектам, пришел с опозданием. На заседании, которое медленно и печально двигалось от начала к концу, президент говорил, что «концепция демографической политики должна быть востребована обществом, понятна ему и опираться на активность (прежде всего давайте будем реалистами, все-таки сексуальную. — А. К.) самих граждан».

Господин Медведев зачитал справку размером с доклад о ходе реализации демографического проекта, познакомив членов совета с «оперативными данными по рождаемости и снижению смертности, которые наметились в первые недели 2007 года. Это неплохие цифры... В январе 2007 года родилось детей на 14,7% больше, чем в январе 2006 года... Смертность... на 9% меньше». И то и другое стало возможным, как я понял, благодаря материнскому капиталу. Впрочем, возможно, я чего-то не уловил, так как следить за красной нитью доклада становилось все невыносимее.

Завершив доклад, Дмитрий Медведев хотел вернуться на свое место, но президент жестом удержал его. Для чего-то он был еще нужен господину Путину. Он попросил госпожу Очирову, которая вместе с президентом перешла с одной встречи на другую, «сказать, пока

Дмитрий Анатольевич на трибуне, что касается работы средств массовой информации в этом направлении». У президента был какой-то план, по которому он действовал, давая слово то одному, то другому человеку.

— С удовольствием! — воскликнула она. — Речь идет о пропаганде здоровой жизни, о создании структур, имевших место быть в рамках нашей бывшей страны, Советского Союза!..

То есть она опять говорила про всероссийский санпросвет. Других идей не было и, похоже, не могло быть.

— Дмитрий Анатольевич, — сказал господин Путин, держа в кулаке всю эту мизансцену. — Я обращаю ваше внимание на то... чтобы расширить возможности приема канала «Спорт».

— Мы рассмотрим это на комиссии по развитию телерадиовещания обязательно, — все-таки, видимо, не до конца понимая, что он должен сказать, произнес Дмитрий Медведев.

— И детский канал, — добавил президент. — Об этом уже давно мы говорим, но пока что реализации этих планов нет.

— Там готовы предложения, я через какое-то время могу вам доложить... — успокоил его первый вице-премьер.

— Хорошо. И мне бы очень хотелось, когда мы говорим о расширении этих возможностей, чтобы мы не сокращали то, что уже есть, — сказал президент.

Эта фраза была не понятна не только Дмитрию Медведеву, но, кажется, и никому в зале. Впрочем,

господин Путин тут же расшифровал ее, и стало по крайней мере ясно, из-за чего он вообще все это начал.

— Как мне стало известно, «НТВ-плюс» вместе с Российским футбольным союзом, вместе с председателем Виталием Леонтьевичем Мутко чего-то намутили в очередной раз. Хотя у нас, у рядовых болельщиков, — президент сделал короткую паузу, давая возможность осознать присутствующим, что он имеет в виду себя, — отнять возможность бесплатного просмотра футбольных матчей! Теперь, судя по их договоренностям, рядовым болельщикам придется истратить деньги на приобретение оборудования, чтобы смотреть это (он правильно назвал то, что в телепрограммах анонсируется, как матчи чемпионата России. — А. К.) через «НТВ-плюс» и платить еще абонентскую плату! Вы, пожалуйста, с ними... — он подбирал слово, — пообсуждайте.

— Хорошо, Владимир Владимирович, — привычным эхом откликнулся господин Медведев. — Я позвоню всех участников...

— А то мы, с одной стороны, говорим о необходимости пропаганды здорового образа жизни, спорта, семьи, материнства, а с другой стороны, переводим на коммерческую основу. Так, пожалуйста, давайте по сельскому хозяйству.

Доклад министра сельского хозяйства Алексея Гордеева после этих слов уже не имел никакого значения, по крайней мере для сотрудников информагентств. Новость дня, а то и недели, к которой президент готовил участников совещания и журналистов, была озвучена в лучшем виде.

В последнем послании Федеральному собранию 26 апреля 2007 года Владимир Путин по сути ничего не сказал о преемнике, хотя об этом говорили все остальные. Но он сказал много чего другого, и из этого тоже стали делать выводы насчет, конечно, преемника.

А сначала пришлось разбираться, встали или не встали коммунисты в полный рост. Несколько членов собрания, выйдя после него из Кремля, рассказывали, что не встали, когда Владимир Путин попросил их сделать это, чтобы почтить память первого президента России.

Члены Федерального собрания начинают идти в Кремль на чтение послания в основном где-то за час до его начала. Идут они почти до самого полудня, а некоторые заходят в зал буквально вместе с президентом. Я пришел в 14-й корпус Кремля пораньше, чтобы не пропустить появление депутатов-коммунистов, которые накануне в Госдуме отказались встать, чтобы почтить память первого президента России. Я не то что хотел посмотреть им в глаза. Смотреть им в глаза бесмысленно: все равно ничего там нет, кроме внушающей адский трепет пустоты.

Я хотел спросить их, что же они будут делать, когда президент России начнет послание с предложения почтить память Бориса Ельцина. Ведь не могут же они за одни сутки переосмыслить всю жизнь, поменять мировоззрение на противоположное и встать. Или, наоборот, могут? Останутся сидеть или все-таки встанут просто потому, что покойного президента могут

позволить себе не бояться и не уважать с такой же силой и страстью, с какой ловят каждое слово живого?

Странно, но коммунистов я не видел. Не было ни их лидеров, ни членов их фракции в Госдуме. Геннадий Зюганов был, видимо, еще на Кубе с товарищеским визитом, хотя и оттуда он накануне смог докричаться до Москвы и рассказать, что хороших слов для него нет, а плохие он говорить не хочет. И он тут же продолжил: «Годы правления этого человека обернулись для России большой бедой и большим горем для миллионов людей». В устах Геннадия Зюганова это был, видимо, комплимент.

Потом оказалось, что господин Зюганов, как выяснилось, и в самом деле передавал в этот момент Фиделю Кастро медаль, в которой тот, видимо, очень нуждается. Господин Зюганов нашел себе причину. Но его коллеги должны были бы быть. Они ведь не могли не прийти на послание. Но тогда что?

Позже выяснилось, что все до обидного просто. Коммунисты во главе с Иваном Мельниковым пришли и сели на свои места в зале гораздо раньше. Они полагали, видимо, что обезопасили себя таким образом от моральных и физических страданий. Но я подумал о том, что им придется возвращаться. Или они надеялись пересидеть журналистов в этом же зале по окончании мероприятия? Я представил себе, как они договариваются с уборщицами, чтобы те разрешили им покрутиться тут еще хоть пару минут... Нет, я бы не желал никому такой судьбы, даже коммунистам.

В фойе между тем было оживленно. Члены Федерального собрания с удовольствием комментировали

все что угодно, кроме того, что через десять минут может сказать им президент.

— Как вы думаете, — спросил я лидера ЛДПР Владимира Жириновского, — может президент намекнуть на будущего преемника? Ну, так, между строк? Даже тема, которой он уделит больше внимания, чем остальным, может натолкнуть опытного политика на правильные выводы.

Против грубой лести Владимир Жириновский не устоял.

— Нет, — сказал он железным голосом, — не намекнет, не надейтесь. Он должен молчать. И он будет молчать!

— Он же, наоборот, должен говорить, — растерялся я. — Он для этого сюда идет.

— Будет молчать, — продолжил господин Жириновский. — И 2 декабря (день парламентских выборов. — А. К.) должен промолчать.

— Ну а вот представьте себе, — осторожно сказал я, — что он сегодня не молчит, а говорит, что преемник — это вы. Как лучше поступить в этом случае?

— Вообще-то, — без раздумий сказал Владимир Жириновский, — было очень правильно, если бы он взял и поломал эту сложившуюся вроде схему с двумя преемниками. А то все два и два! Ну что это такое?! Да, надо взорвать ситуацию! Он же умеет удивлять! Так пусть удивит!

Владимир Путин начал с того, что предложил почтить память первого президента России Бориса Ельцина. Зал встал. Мне сначала показалось, что не нашлось

ни одного человека, который остался бы в своем кресле. Все встали сразу и, казалось, навсегда. То есть, если бы господин Путин не сказал им: «Прошу садиться», они бы так и стояли, пока он читал бы им свое послание. Но он попросил их садиться.

Тут-то и выяснилось, что несколько человек в зале, сидевшие в двух рядах друг за другом, то ли чуток привстали и постояли, то ли и в самом деле остались сидеть. Они стояли так словно для того, чтобы в случае чего можно было объяснить свое поведение тем, что у них все там вдруг зачесалось. А в случае чего — своей принципиальной позицией. Это уже как карта ляжет. Это и были коммунисты.

Почти в самом начале своего выступления Владимир Путин вернулся к Борису Ельцину. Он предложил назвать президентскую библиотеку, которая строится в Санкт-Петербурге, его именем. Я знаю, что идея рассказать Федеральному собранию о библиотеке была в этом тексте с самого начала. Но никто не ожидал, что это будет библиотека имени Бориса Ельцина.

Были в тексте и другие изменения, которые президент России внес, очевидно, в последний момент. Так, он не смог отказать себе в удовольствии рассказать о своем моратории на исполнение Договора об обычных вооружениях и об угрозе выхода из этого договора. Но из внешнеполитической части послания исчез кусок про экспансионистскую внешнюю политику США, чьи действия по отношению к остальному миру сравнивались с действиями колонизаторов по отношению к индейцам в резервациях.

То есть в этом случае президент России смог отказать себе в удовольствии, мир не услышал очередного интересного сравнения и может на какое-то время расслабиться.

Экономическая часть послания была, как известно, содержательной. В ней было много не запланированных бюджетом денег, и журналисты, слушавшие речь президента в фойе, только охали, когда он называл очередные цифры, и начинали сочувствовать министру финансов Алексею Кудрину, про которого к концу послания стали обеспокоенно говорить, что его, наверное, вынесут на носилках, потому что все, за что боролся, экономия бюджетные деньги, пошло прахом, и у него теперь противоположная задача: находить новые средства и беспощадно тратить, не допуская роста инфляции. У Алексея Кудрина ближе к концу послания появлялся выбор: вместо того чтобы слечь на носилки прямо в зале, он мог добраться до дома и спокойно застрелиться.

Аргументы, что Алексей Кудрин, без сомнения, является активным участником нового проекта и, выйдя на своих ногах, будет рассказывать о том, как и где без шума и пыли найти деньги на строительство дорог, мостов и ремонт ветхого жилья, а скорее всего о том, что деньги эти давно приготовлены и лежат в нужном месте, в стабфонде, например, ни на кого не действовали. Всем больше нравилась сама мысль о том, что Алексея Кудрина, искренне переживающего за свое дело, все-таки вынесут из зала на носилках.

Тем временем президент России сам высказывал именно эти мысли и уже заявил, что ту часть денег,

которая нужна, чтобы «поддержать сограждан, оказавшихся в сложных жизненных условиях», можно найти, продав, например, за долги оставшиеся активы компании «ЮКОС». Про бывшего главу «ЮКОСа» Михаила Ходорковского, тоже оказавшегося в нелегкой жизненной ситуации, никаких новостей мы не услышали.

Впрочем, и произнесенная про активы «ЮКОСа» новость вдохновила западных коллег на молнирование, и вскоре мир, как обычно, вздрогнул.

В этот раз в отличие от предыдущих, когда президент России говорил о мировоззренческих вещах, экономические и политические новости вообще следовали, можно сказать, одна за другой. Так, было сказано о создании атомной корпорации, которая соединила бы мирный и военный атом в нечто более серьезное.

В общем, чем дольше президент читал свое послание, тем больше у меня было уверенности, что оно будет именно таким, как и рассказывали информированные источники: рабочим и, главное, не последним. А последнее он скорее всего прочитает в начале 2008 года, и вот там-то будет сказано все, о чем он до сих пор молчал.

В этот момент господин Путин сделал свое «лирическое отступление» и сказал, что «нам с вами давать оценки собственной деятельности здесь неуместно, а мне выступать с политическими завещаниями — преждевременно», и предупредил, что именно это его послание — последнее.

Таким образом, Владимир Путин еще раз предупредил, что он уходит: все, больше посланий не будет.

Правда, после этого президент России немедленно произнес что-то вроде политического завещания: про национальную русскую забаву, состоящую в маниакальных поисках национальной идеи, про «концептуальный план развития России», про отдачу сил. Мы наконец услышали, что собравшееся в зале «расширенное правительство России» должно «эффективно использовать то время, которое нам подарила судьба, чтобы послужить России». Что это было, как не политическое завещание или по меньшей мере его эскиз?

После того как президент России закончил, члены Федерального собрания и члены правительства начали покидать помещение, на ходу осмысливая сказанное. Они с разной степенью охоты делились осмысленным с журналистами.

Глава «Росатома» Сергей Кириенко вдохновенно рассказывал о перспективах новой объединенной корпорации, на этот раз атомной.

— А кто ее возглавит? — спросил я.

— Да это ведь неважно, — беспечно махнул он рукой. — Главное, чтобы механизм заработал!

— Да как же неважно? — искренне удивился я. — Да вы же спать не будете, пока не узнаете!

— Буду, — пообещал Сергей Кириенко.

— Почему? — переспросил я.

— Потому что я уже знаю, — рассмеялся он, и по его широкой улыбке я понял, что это тайное знание доставляет Сергею Кириенко огромное удовольствие.

Вице-премьер Сергей Иванов спросил, заметили ли журналисты, как «элегантно проблема ПРО была

переброшена в корзину ОБСЕ, туда, куда последние лет 15 никто ничего такого не бросал». Я вынужден был признаться, что она была переброшена так элегантно, что я даже не заметил.

Потом Сергея Иванова атаковало фантастическое количество журналистов. Вот все журналисты, какие только пришли на послание, по-моему, оставили своих ньюсмейкеров и набросились на Сергея Иванова. Когда он через несколько минут отошел от них, впечатленный, по-моему, искренней заинтересованностью, я сказал ему об этом.

— Интерес ко мне? — переспросил он. — А как вы думаете, почему?

И, с намеком улыбнувшись, пошел к выходу.

Как-то запутал, честно говоря.

Между тем журналисты пытались докричаться до министра экономического развития Германа Грефа, который стоял высоко на ступеньках лестницы, ведущей со второго этажа в фойе, что он будет делать с инфляцией.

Интересно, что министра финансов Алексея Кудрина, который, к разочарованию многих коллег, вышел из зала все-таки на своих ногах и вообще держался крайне уверенно, журналисты спрашивали, где он возьмет деньги, а Германа Грефа — что он будет делать с инфляцией. Задать оба этих вопроса кому-нибудь одному из них (а это был единственный, по-моему, шанс получить качественный ответ) никто что-то не пробовал.

— А что такое инфляция? — с искренним любопытством переспрашивал Герман Греф, и на этом вопросы к нему вообще заканчивались.

Владимир Жириновский тем временем где-то рядом уже называл председателя Совета Федерации Сергея Миронова «сверхсрочником», кто-то кого-то собирался стерилизовать... Я все искал глазами коммунистов, обычно наслаждающихся этими минутами в фойе наедине с десятками телекамер и дорожащими этими минутами больше жизни.

Нет, не вышли. Так и не появились. Я думал, все-таки убеждают уборщиц пока не выгонять их, но потом мне сказали, что их, кажется, вывели другой дорогой. Безопасной.

Вот жизнь у людей.

И все-таки лучше такая, чем та, которая будет, когда их компартию сотрут с политической карты России.

Это ведь то, чего не сделал Борис Ельцин при жизни. И это то, на что он, если не ошибаюсь, окажется способен после смерти.

Президент России продолжал интриговать экспертов, делая новые намеки на кандидатуру преемника при любом удобном случае. Так происходило, впрочем, прежде всего потому, что журналисты использовали любую возможность, чтобы спросить его об этом. Так было, например, на президентских скачках, которые прошли в Ростове-на-Дону 30 июня 2007 года. На них, кроме Владимира Путина, были его гости — главы Армении, Азербайджана, Узбекистана, Молдавии и Венесуэлы.

Утром в субботу в Ростове-на-Дону президента России ждали на скачках. На ипподроме были накрыты доброкачественные столы. Интересно, что одинаковая еда предназначалась и для президентов, которые должны были приехать из Армении, Азербайджана, Узбекистана, Молдавии и Венесуэлы, и для журналистов, которых со всеми возможными почестями посадили на ту же трибуну, только метров за 150 от главных гостей.

На столах были сазан под маринадом, колбасная и рыбная нарезка, рыба в кляре, тарталетки с красной икрой, селедка, помидоры, огурцы, фрукты... Здоровая ростовская пища то есть.

Ипподром в Ростове большой, и это хорошо, потому что, как мне рассказали жители соседних домов, он уже предназначен под снос, и места под частные коттеджи хватит нескольким десяткам не последних, прямо скажем, ростовских семей, которые давно уже, видимо, живут с ощущением, что лошади топчут их землю и пылят своими копытами на их участках.

Люди эти уже, наверное, вселялись бы в эти дома, если бы некоторое время тому назад не стало известно, что на ипподром может приехать президент России. И тогда в дышавший на ладан ипподром его владелец успел к приезду президента вдохнуть три миллиона долларов. Ипподром и в самом деле выглядит если и не на три, то уж на миллион долларов точно.

Министр сельского хозяйства России Алексей Гордеев казался в этот день крайне озабоченным. Это был его день. С уверенностью можно было сказать, что

это был день, к которому он готовился по крайней мере весь год.

— Вы же любите лошадей? — осторожно спросил я его.

— По работе, — быстро ответил он.

— И только?

— Нет, ну и бизнес какой-то еще, — так же быстро согласился он. — Теневые ставки на скачках, туда-сюда...

Я не стал спрашивать, шутит ли он. Все было слишком очевидным.

Министр вышел на улицу встретить президента. Здесь, у входа на ипподром, было пустынно. Метрах в двадцати, правда, я увидел рассеянных (по тротуару) горожан как раз из этих двух соседних домов. Их было человек десять.

У служебного входа затормозил какой-то очень серьезный кортеж. Я подумал, что президентский, и не ошибся. Из «шестисотого» мерседеса с номером 001 и буквами «К...РА» вышел президент Чечни Рамзан Кадыров. Он с чувством поздоровался с Дмитрием Козаком. Губернатор Ростовской области Владимир Чуб обрадовался, увидев его:

— О, либо первый, либо мертвый!

Это выражение господина Кадырова знакомо губернаторам и журналистам не первый год. По-моему, оно относится все-таки к жеребцам.

Впрочем, чеченский жеребец Джасил жив и здоров, хотя принимает участие не в первых скачках на приз президента России и все никак не выигрывает их.

То есть бывают все-таки случаи, когда слова президента Чечни расходятся с делом.

— Джасил в хорошей форме? — спросил я господина Кадырова, который приехал сюда вместе с сенатором Умаром Джабраиловым и еще с несколькими людьми, которые теперь довольно нервно посматривали на мирных горожан, при виде кортежа инстинктивно сбившихся в кучку у забора.

— В очень хорошей, — подтвердил президент Чечни. — Выиграет сегодня.

— А если не выиграет? — спросил я.

— Не выиграет? — задумался господин Кадыров. — Нет!.. Ну, как?.. Выиграет! Я сказал — выиграет!

— А если все-таки не выиграет? — переспросил я.

— Нет, ну, я сказал, что дерби выиграет, — резко повернулся Рамзан Кадыров к губернатору Ростовской области, — и что он, не выиграл?!

— Выиграл, — подтвердил губернатор, по-моему, нехотя.

Видимо, в дерби участвовала и ростовская лошадь.

— А вот когда Чавес подъедет, что кричать будем? — спрашивал тем временем Дмитрий Козак министра сельского хозяйства.

— Вива, по-моему, — пожимал плечами господин Гордеев.

Мимо на хорошей скорости, не притормозив, пролетел «Мазерати».

— И какой же русский не любит быстрой езды, знаете? — спросил господин Козак. — Тот, на котором ездят.

Те, кто стояли вокруг, засмеялись. Только Рамзан Кадыров внимательно посмотрел на полпреда и даже не улыбнулся. Я сначала подумал, что президент Чечни посчитал, что тут могут быть оскорблены национальные чувства русских людей, но потом подумал, что, наверное, он просто решал, над чем они тут вообще смеются.

Кортеж Владимира Путина притормозил у служебного входа. Господин Путин исподлобья огляделся по сторонам и кивнул группе снова некстати расслабившихся горожан. За пять-семь минут к этому же входу подъехали Владимир Воронин (ни с кем не поздоровался и не поглядел по сторонам), Ильхам Алиев (внимательно огляделся по сторонам и ни с кем не поздоровался), Ислам Каримов (произвел тот же эффект) и Роберт Кочарян (оглядел всех и поздоровался со всеми).

Наконец я увидел кортеж президента Венесуэлы. Он еще только притормаживал, а на приоткрытых дверцах уже гроздьями висели латиноамериканские юноши, которые были то ли его телохранителями, то ли группой его искренней поддержки.

— Ола! — крикнул президент Венесуэлы окружающим.

— Ола, — заявили они в ответ.

Его юркая охрана уже открывала ему двери служебного входа.

Скачки уже начинались. На президентской трибуне не было ни одного свободного места. Ростовские девушки ходили между столиков и принимали ставки. А надо было бы им принимать поздравления на конкурсах красоты.

Владимир Путин сидел в окружении коллег. Справа от него был президент Азербайджана, рядом с которым сидел президент Армении. Слева от Владимира Путина, наклонившись к нему и постоянно что-то негромко говоря, сидел президент Узбекистана. Этот полукруг замыкал господин Воронин.

Президент Венесуэлы сидел за другим столиком, метрах в двадцати и немного дальше от дорожек. Это был чисто венесуэльский стол, здесь сидели его жена, дочь, две внучки, каждую из которых Уго Чавес с нескрываемым удовольствием примерно раз в полминуты целовал в темечко (мне казалось, ответное удовольствие успело как-то притупиться).

— О, подслушивает! — Обрадовался президент России, увидев, что я стою несколькими метрами ниже.

Я сказал, что нет, сейчас подсматриваю, и покачал головой, что, по моей мысли, должно было обозначать: «Ну что здесь у вас можно услышать интересного?»

Господин Путин правильно истолковал этот жест:

— А следующий ГУАМ на Соловках только что предложено провести!

Разве это не интересно, давал, кажется, понять господин Путин.

Он радостно засмеялся. Эта идея ему искренне нравилась. Ильхам Алиев и Владимир Воронин, чьи страны являются активными членами организации ГУАМ (в нее входят Грузия, Украина, Азербайджан, Молдавия, которые, собираясь вместе, пару дней чувствуют себя оппозицией СНГ), осторожно улыбались, показывая, что шутка им тоже нравится, но что это

все-таки такая шутка. Я подумал, что на самом деле некоторые из сидящих за столом не только входят в ГУАМ, но, кажется, и выходят из него.

— Вот думаем Виктору Андреевичу (президент Украины Виктор Ющенко. — А. К.) позвонить, посоветоваться, — продолжал Владимир Путин.

— Там ведь ипподрома нет, — сказал я.

— А он там и не нужен, — опять развеселился господин Путин. — Там другие развлечения.

— На кого надо ставить? — спросил я господина Путина, подойдя к нему и президенту Азербайджана.

Президент России поделился сокровенным знанием о том, что в третьем забеге все шансы, по мнению знающих людей, у Актрисы, и даже не может быть двух мнений.

— А в президентском? — спросил я.

— На первый номер надо ставить, — уверенно произнес Ильхам Алиев.

Я быстро посмотрел программку. Под первым номером должен был идти рыжий азербайджанский жеребец Авсарбей, арендованный в Турции.

— Понятно, — сказал я.

— В прошлый раз нас чуть не засудили, — с обидой произнес Ильхам Алиев. — Не хотели давать первого места. Пришлось Владимиру Владимировичу вмешаться.

И он с особой теплотой посмотрел на господина Путина.

Я хорошо помнил этот случай. Я сам поставил на азербайджанского жеребца и страшно расстроился, что

он пришел вторым, хотя долго вел забег. И я помнил, как потом выяснилось, что фотофиниш неожиданно выявил двух победителей.

— Ну, вот тут есть мнение, что Ментик может выиграть, — задумчиво произнес господин Путин. — То есть даже не Мент... А если бы Мент был, вообще бы ни у кого, значит, шансов не было.

— Мент — это выросший Ментик, — высказал свое мнение президент Азербайджана.

На дорожках готовились к третьему забегу. Перед ним на лошадях с трюками выступали казаки.

— А как, кстати, — резко повернулся Владимир Путин, — правильно: казаки или казаки?

— А вы сами-то как думаете? — на всякий случай переспросил я.

— А я знаю: казаки, — пожал плечами президент России, — с ударением на последнем слоге.

То есть он хотел выяснить, только ли он это знает.

Позже я обратил внимание на то, что президент Азербайджана совершенно не общается с президентом Армении, и подумал, как каждый из них делает вид, что за этим столом сидят не пять человек, а четыре. И только я это решил, как Ильхам Алиев и Роберт Кочарян, улыбаясь и даже смеясь, начали интенсивный обмен какими-то любезностями.

Тем временем Актриса бездарно сыграла в третьем забеге. Я, как и многие люди на ипподроме, проиграл вместе с Актрисой. Она какое-то время шла первой, а потом, было такое впечатление, отвлеклась на что-то постороннее. По моим подсчетам, на угольного

цвета собачку, шнырявшую под конкурными препятствиями.

Господин Путин выглядел виноватым больше жокея Актрисы.

Через несколько минут он сам уже активно общался с жокеем, который чертил в воздухе руками какие-то фигуры высшего пилотажа. За этим занятием господин Путин пропустил четвертый забег.

Поразительно, что президент России при этом совершенно, казалось, не замечал президента Венесуэлы. Он не обращал на него никакого внимания. Казалось, он вообще не в курсе, что тот здесь. Через полчаса я уже думал, что эта мысль не претендует даже на художественное преувеличение.

Вместе с тем президент Венесуэлы несколько раз вставал со своего места, переминался с ноги на ногу, но как-то не решался подойти к столу с президентами СНГ. И что-то эта история не вязалась с образом пламенного революционера, который обязан был бы давно обратить на себя внимание — хотя бы криком «Ола!». А мог бы, если такой уж пламенный, и скатерть поджечь.

Между тем я видел около Уго Чавеса только губернатора Ставропольского края Александра Черногорова. Президент Венесуэлы обрушил на него всю свою энергию. Губернатор только изредка поднимал руки, словно защищаясь от бури и натиска латиноамериканца.

— О чём вы с ним говорили? — спросил я потом господина Черногорова.

— Да приглашал меня к себе... — сказал тот. — Хочет, чтобы Ставрополь был побратимом какого-то

венесуэльского города. Пшеницы нашей на самом деле хочет купить.

— Зачем ему? — удивился я. — Своей не хватает?

— Такой пшеницы у него нет, — обиженно сказал губернатор. — Такой ни у кого нет.

— Какой такой? — удивился я.

— С повышенным содержанием клейковины, — с нежностью произнес губернатор.

— В Венесуэлу-то когда поедете?

— Да нет, не поеду, — махнул он рукой. — Некогда мне. Да и президент Швейцарии на днях пригласил, я уж согласился, а еще там из одной королевской фамилии люди звали... А я больше одного-двух официальных визитов в год вообще не люблю делать.

— Так Уго Чавесу и сказали?

— Так и сказал, — с вызовом ответил господин Черногоров.

— Он же, наверное, обиделся.

— По-моему, немножко да. Но вообще-то это не в его интересах.

— Что, слишком в ставропольской клейковине нуждается? — уточнил я.

— Да не без этого, — подтвердил губернатор.

Все эти истории как-то слишком начинали походить на какой-то контрреволюционный заговор против президента Венесуэлы.

Лошади готовились к пятому забегу. Я подошел к президенту Татарстана Минтимеру Шаймиеву и спросил его как профессионала, кто тут все-таки выиграет через пять минут.

В этом забеге бежал и жеребец Рэди Сэт Суинг из Татарстана, и я был уверен, что господин Шаймиев начнет сейчас боготворить его.

— Я посмотрел предварительные результаты, — неторопливо сказал президент Татарстана, — есть, честно говоря, и порезвее жеребцы, но покрытие тут, на ипподроме, очень плохое, так что все зависит от того, как они тут тренировались. Кто больше тренировался, у того побольше шансов, кто меньше — у того поменьше...

— То есть у азербайджанского жеребца — минимум?

— Ну почему? — сказал господин Шаймиев. — Наоборот, есть шанс...

— Так он же не тренировался.

— Значит, он посвежее, — одними глазами улыбнулся президент Татарстана.

Не знаю, почему я поставил в этом забеге на второй номер. Под ним должен был бежать армянский жеребец, но в последний момент его заменили самой темной лошадкой, тверского конезавода, которая никогда ничего серьезного не выигрывала и ни с кем из жеребцов этого забега не встречалась. Наверное, поэтому я и поставил на него свои три тысячи рублей.

Зато я хорошо знаю, почему я поставил еще три тысячи на Ментика.

Тверской жеребец победил. Это была прекрасная уверенная победа. Владелец жеребца сидел, оказывается, недалеко от президента России и, когда второй номер пришел первым, вскочил с места и буквально

заржал от восторга. Его нельзя и, главное, не нужно было успокаивать. Но были все-таки попытки.

Господин Путин хотел уйти сразу после пятого забега. Не получилось. Его окружили те самые девушки, которые принимали ставки. С каждой секундой их становилось все больше. Они бежали сюда со всего ипподрома. Их было неправдоподобно много. И всем был нужен как минимум автограф.

Президент Венесуэлы тем временем вышел на улицу, к служебному выходу, туда, где стоял лимузин российского президента. Владимир Путин так и не подошел к Уго Чавесу. Теперь президент Венесуэлы, похоже, решил покаруалить президента России возле его служебной машины, рассчитав, что мимо нее он не пройдет.

В качестве операции прикрытия Уго Чавес подошел все к той же группе ростовчан, которая уже устала исполнять свой гражданский долг под палящим солнцем, и заговорил с ними. Говорить ему пришлось больше получаса, потому что у президента России был еще двусторонний протокол с президентом Азербайджана. Когда Владимир Путин подошел к машине, Уго Чавесу удалось перехватить его. Общение заняло полминуты, и встречей двух друзей назвать происшедшее не поворачивается язык. Это была встреча одного друга с человеком, который собирался ехать на встречу двух друзей, один из которых был врагом этого друга.

На этом день господина Путина, мягко говоря, не закончился. Он поехал на праздник «Русского поля», туда, где колосились поля пшеницы и стояли готовые сократить их комбайны.

Выслушав объяснения колхозников, купивших огромную машину для полива полей удобрениями (в день поливает 300 га), Владимир Путин предложил идущему всегда рядом первому вице-премьеру Сергею Иванову (что-то нигде не было видно отвечающего за нацпроект «Сельское хозяйство» первого вице-премьера Дмитрия Медведева):

— Хорошая машина. В Рособоронзаказ, я думаю, можно включить.

Машину и в самом деле оставалось бы, по-моему, только чуток модернизировать.

Подойдя к новому комбайну «Ростсельмаша» и увидев, что дверца открыта, господин Путин забрался в него, крикнул: «Сереж, давай сюда!», дождался, пока господин Иванов сядет рядом, наскоро послушал, как управляется этот чудовищных размеров аппарат, понажимал на педали... Неожиданно у комбайна резко поднялась косилка и, по-моему, приоткрылся ее зев. Я вздрогнул, вспомнив трагические кадры из мультика «Ну, погоди!». Я до последнего не верил, что все это адское сооружение тронется с места. Хотя бы потому, что перед косилкой с камерами застыли десятки журналистов.

Но тут Владимир Путин захотел — и оно тронулось. Правда, проехало всего несколько метров и встало. Но когда все было успокоилось, вдруг тронулось снова. И опять почти сразу встало.

Владимир Путин и Сергей Иванов выбрались на свежий воздух, по-моему, чрезвычайно довольными.

— Что это было? — спросил я президента России.

— Тренировка прессы, — коротко ответил он.

Тренировали ее в таком случае, по-моему, на нового президента.

Еще через несколько минут президент России опять сел в машину, на этот раз в небольшой по сравнению с комбайном автомобиль, который работает на биотопливе (позже его конструктор с торжеством напомнил мне, что год назад в Ижевске я сказал ему, что модель этого автомобиля, стоявшая на такой же выставке, взята напрокат из мультика «Тачки», а он, обидевшись, ответил, что через год в нем можно будет покататься, — и вот обещание выполнено). И опять господин Путин не захотел ехать без господина Иванова, которого на этот раз довольно долго искали.

Это выглядело уже настолько демонстративно предвыборно, что вызвало подозрения, что нас тут не только тренируют, но и от нечего делать вводят в заблуждение.

Хорошо, что к этому моменту сил не осталось не только на тренировку, но и на заблуждения.

Выдвинутый кандидат

глава 5

10 декабря 2007 года лидеры четырех партий в рабочем кабинете президента Владимира Путина назвали ему его преемника. Президент России с этим выбором согласился без раздумий.

К этому времени он уже не оставил себе выбора. Виктор Зубков не оправдал его лучших надежд, хотя когда тот стал премьером, многие, в том числе в окружении Дмитрия Медведева, начали говорить о том, что именно Виктор Зубков станет долгожданным преемником.

Но нет — Михаил Фрадков уступал свою должность Виктору Зубкову всерьез и надолго как раз для того, чтобы тот занял пост премьер-министра и не расстался с ним после мая 2008 года. Именно это имел в виду Владимир Путин, утверждая его на посту премьер-министра.

И сам же раздумал. И был за это наказан. Он, по сути, оказался единственным серьезно пострадавшим от этого решения: ему пришлось закрывать амбразуру своим телом. А есть основания предполагать, что он не собирался этого делать.

Начало понедельничной встречи с членами правительства откладывалось. Обычно эти встречи начинаются не раньше часа дня, но и не позже половины второго. В тот день и в начале третьего журналистов не звали в кабинет, где Владимир Путин встречается с членами правительства.

Да и журналистов было немного. На понедельничные встречи в Кремль ходят маниакально преданные своей профессии корреспонденты кремлевского пула.

Эта встреча, казалось, обречена была стать образцом понедельничного протокола. (Она им, кстати, в конце концов и стала.)

Когда нас наконец позвали, я с удивлением убедился, что мы идем в рабочий кабинет президента, а не туда, где президента ждали члены правительства. На вопросы, что происходит, никто не давал удовлетворительного ответа. При этом я видел у входа в кабинет много людей, интерес которых к тому, что тут должно было произойти, можно было считать праздным. Это были люди, имевшие право приблизиться к этим дверям, но по большому счету не имели никакой нужды.

Но что тут должно было произойти? Последний раз Владимир Путин перед встречей с министрами с такой же внезапностью принимал в своем кабинете Юрия Любимова — в честь дня рождения режиссера. И на чьей улице был праздник теперь?

Владимир Путин вошел в кабинет одновременно с лидером «Единой России» Борисом Грызловым. После него в кабинет потянулись лидер «Справедливой России» Сергей Мironов, лидер «Гражданской силы» Михаил Барщевский и лидер Аграрной партии Владимира Плотникова. Я подумал, что за ними может войти вообще кто угодно. Может, Алексей Подберезкин с его Партией социальной справедливости или, чем черт не шутит, Сажи Умалатова с ее Партией мира и единства? И вообще, я уже не был уверен, что рабочий кабинет президента сможет вместить всех, желающих войти к нему.

Но оказалось, что список приглашенных исчерпывался все-таки этими четырьмя. И только когда они сели за стол, я осознал, что слона-то я и не приметил. По левую руку от президента сидел первый вице-премьер правительства Дмитрий Медведев, вошедший вместе с партийцами.

Они могли уже ничего не говорить. Они могли молча посидеть, встать и уйти. Все было бы и так понятно. И было бы о чем написать. И было бы уже не о чем думать.

Вообще-то все стало настолько понятно, что я даже подумал, что это не может быть так просто. Собственно говоря, главная неожиданность, которую все так или иначе ждали в связи с выбором преемника, состояла в том, что все оказалось слишком просто. Мне даже сразу захотелось какой-нибудь новой интриги.

— Владимир Владимирович, — произнес Борис Грызлов, — в субботу были объявлены результаты выборов в Государственную думу.

Владимир Путин кивнул с некоторым напряжением, словно, с одной стороны, соглашаясь с этим утверждением, а с другой — как будто бы не понимая, куда это Борис Грызлов клонит.

— Сейчас идет президентская кампания, и те партии, которые прошли в Госдуму в соответствии с законом, должны думать о своем кандидате, — продолжил господин Грызлов. — Мы посчитали, что для обсуждения кандидатуры будущего президента мы могли бы опереться на широкие политические силы, и обсужда-

ли кандидатуру президента в составе руководителей партий «Единая Россия», «Справедливая Россия», Аграрная партия и партия «Гражданская сила».

Все происходило стремительно, словно в убыстренном темпе кинохроники, какой теперь, собственно говоря, и является происшедшее. Быстро вошли, быстро сели, быстро начали быстро говорить.

— Консультации шли достаточно дружно, мы хотели бы вам предложить ту кандидатуру, которая нами всеми поддержана, — произнес Борис Грызлов только что не скороговоркой, как будто боясь что-нибудь напутать и, не дай Бог, назвать не ту фамилию.

Так бывает у актеров, когда они опасаются ошибиться и в конце концов на сцене произносят именно ту фразу, которую видели в своем кошмарном сне. Все, провал спектакля. А так хорошо все было на репетиции.

На этот раз ничего такого не случилось.

— Это кандидатура первого заместителя председателя правительства Российской Федерации Медведева Дмитрия Анатольевича, — закончил вхождение в новейшую историю России Борис Грызлов.

На словах «первого заместителя» я все-таки замер, хотя в этом не было никакого смысла. Ровным счетом никакого. И сам Борис Грызлов не сделал никакой паузы. Он, можно сказать, выпалил это все на одном дыхании, и ни разу у Бориса Грызлова его не перехватило.

— Мы считаем, что это наиболее социально ориентированный кандидат, — продолжил Борис

Грызлов. — Это человек, который себя проявил очень хорошо по ведению нацпроектов, по ведению демографической программы. Есть реальные результаты, и это самое главное. И мы думаем, что последующее четырехлетие могло как раз идти под девизом повышения качества жизни. Сейчас сделаны только первые шаги, и мы все думаем, что Дмитрий Анатольевич Медведев мог бы возглавить эту работу. И хотели бы сегодня с вами подробно обсудить этот вопрос.

— Предварительные консультации прошли, — подтвердил Дмитрий Медведев. — Они будут продолжены. Прошли они позитивно. Мы продолжим этот разговор сегодня и завтра.

Господин Медведев был немногословен. Впрочем, у него еще будет возможность порассуждать вслух.

Что-то должен был сказать Владимир Путин. Ему оказались не нужны лавры человека, который выбрал себе преемника. Другим людям была оказана честь назвать Владимиру Путину имя его преемника. Всетаки, несмотря на слишком очевидную развязку, в ходе презентации нового проекта его организаторам удалось напустить туману.

— Много политических событий спрессовано в достаточно короткий промежуток времени, — сказал господин Путин. — Заниматься такими делами в преддверии Нового года — не самое приятное дело, но жизнь идет, идет своим чередом...

Владимир Путин, очевидно, думал, что сказанное Борисом Грызловым омрачит россиянам встречу Нового года.

— И закон требует от нас начала этой президентской кампании, — продолжил президент. — То, что с таким предложением пришли представители четырех партий, две из которых не только представлены в парламенте, но и имеют там устойчивое большинство, а все четыре партии, безусловно, опираются на самые различные слои российского общества и представляют интересы разных групп населения России... все это говорит о том, что у нас с вами есть шанс сформировать устойчивую власть в Российской Федерации после мартовских выборов 2008 года. И не просто устойчивую власть, а власть, которая будет проводить тот курс, который давал положительные результаты на протяжении последних восьми лет.

Можно было предположить, что Владимиру Путину очень сильно повезло, когда они назвали ему именно эту фамилию. Правила игры, предложенные самим президентом, вполне допускали такое предположение.

Я все никак не мог понять, почему Владимир Путин сам не произнес этой фамилии. Ведь теперь, после того как он не сказал об этом сам, нет никаких оснований называть Дмитрия Медведева преемником Владимира Путина. Президент просто согласился с предложенной кандидатурой. Не он ее выбрал. Четыре человека долго совещались и, судя по тому, что сказали, все еще до конца не определились: они же заявили, что консультации продолжатся. То есть они могут и поменять мнение в ходе этих консультаций, а значит, и фамилию.

Как я понял, от Владимира Путина вообще мало что теперь зависит. Он может либо подтвердить, либо опровергнуть. Или оставить без комментариев.

Он подтвердил:

— Что касается кандидатуры Дмитрия Анатольевича Медведева, то могу сказать, что я знаком с ним более 17 лет. Мы очень близко с ним работали все эти годы, и я целиком и полностью поддерживаю этот выбор. Спасибо.

За что он поблагодарил их? За то, что выбор оказался безупречным? За то, что справились со своей ролью? Он же понимал, что все равно никто на самом деле не воспримет буквально их слова и что к этому спектаклю все отнесутся так, как он этого и заслуживает, то есть просто не обратят на него внимания. Важна была только фамилия — и она была названа.

А к форме, в которой это было сделано, все уже даже привыкли. Все равно было ясно, кто тут кого выбирал и что были за консультации.

Еще через четверть часа, когда лидеры партий вышли от Владимира Путина, они подошли к журналистам, чтобы более детально разъяснить им свою точку зрения.

Борис Грызлов настаивал на своей версии случившегося. Он говорил, что в субботу начал консультации с Сергеем Мироновым, а потом по его предложению к этим консультациям были привлечены Михаил Барщевский и Владимир Плотников.

Очевидно, что к консультациям не привлекали Владимира Жириновского и Геннадия Зюганова. Эти

люди могли только сорвать так удачно начавшиеся консультации, так как каждый из них много лет, если не десятилетий, является профессиональным кандидатом на пост президента России.

Еще более разговорчив оказался лидер «Справедливой России» Сергей Миронов. Он напомнил, как Владимир Путин «дословно говорил такие слова: это должен быть молодой, современный, профессиональный человек...». Именно этими критериями лидеры четырех партий и руководствовались, видимо, при выборе нового президента.

— Более того, есть такая интересная деталь: преподавателями Дмитрия Медведева на юридическом факультете ЛГУ были те же профессора, которые со студенческих времен являются друзьями Владимира Путина. Именно они в свое время предложили Дмитрия Медведева Владимиру Путину как высококлассного специалиста!

Сергей Миронов смог похвалить Дмитрия Медведева самым необычным способом.

— Медведев — блестящий юрист, прекрасно знающий гражданское и международное право, работал в администрации президента, в правительстве, много лет является постоянным членом Совбеза, прекрасно знает все вопросы обороны и безопасности... Лично для меня было важно, что он — один из ближайших соратников Владимира Путина... И моя оценка... тоже, кстати, как специалиста, очень высокая... — закончил Сергей Миронов так, словно говорил все это для того, чтобы напомнить и о своем существовании.

— Сельское хозяйство испытывает много проблем, и мы надеемся, что Дмитрий Анатольевич продолжит эту работу развития агропромышленного комплекса, потому что надо продвигать эту работу, — добавил лидер Аграрной партии Владимир Плотников, расправивший плечи и сильно раскрасневшийся то ли от того, что напахался как никогда, то ли от предоставленной ему чести (Михаил Барщевский, например, стоял, наоборот, демонстративно скромно, даже как-то потупив взор и вообще не казался воодушевленным, что неплохо характеризовало человека, начавшего, по сути, свою партийную карьеру с выдвижения кандидата в президенты России. — А. К.). — Мы считаем, что он готов к этой работе.

Таким образом, даже Владимир Плотников показался в конце концов человеком, от мнения которого что-то зависело.

— Он для меня юрист, цивилист, — произнес Михаил Барщевский, как будто давая понять, что не воспринимает пока Дмитрия Медведева в качестве будущего президента России. — Медведев — это человек абсолютно демократических взглядов.

Я спросил эту дружную четверку, сколько еще времени будут продолжаться их консультации. Ведь получалось, что они, заявив президенту кандидатуру Дмитрия Медведева, все еще не уверены в своем выборе до конца, и не исключено, что могут передумать. При этом по крайней мере пара человек оказалась бы в довольно-таки странном положении.

Борис Грызлов ответил, что консультации продолжатся еще по крайней мере один день, но на съезде «Единой России» 17 декабря 2007 года кандидатура господина Медведева будет выдвинута на пост президента России. То есть на самом деле мнение коллег не интересовало Бориса Грызлова. Все-таки этот день был богат на противоречия.

Между тем в соседнем кабинете члены правительства ждали и Владимира Путина, и Дмитрия Медведева. Все они в отличие от многих других ситуаций знали о том, что произошло, даже задолго до того, как это должно было произойти. С Сергеем Ивановым и Виктором Зубковым как с людьми, которые не исключали, что выбор лидеров четырех партий может падать на них, президент встретился и каждому из них рассказал лично про этот выбор. В курсе были и остальные министры, хотя без нужды и не признавались в этом.

Но достаточно было поглядеть на этих людей за их большим столом, чтобы понять, что смена главы кабинета министров осенью 2007 года стала для них гораздо большим сюрпризом, чем известие о том, кто станет президентом страны весной 2008 года. Сергей Иванов улыбался и, было заметно, старался шутить. Виктор Зубков даже не старался. Он, похоже, вскоре после назначения на пост главы правительства осознал свою реальную роль в истории, и случившееся днем ранее только подтвердило его опасения.

Между тем Дмитрий Медведев на заседании так и не появился. Он был в списке участников, но потом

его фамилия оказалась старательно зачеркнута, а журналистам сообщили, что первый вице-премьер продолжает консультации. Было только не очень понятно, с кем: лидеры партии оделись и уехали, а Владимир Путин пришел на встречу с министрами.

Здесь министр экономического развития и торговли Эльвира Набиуллина сообщила ему, что прогноз темпов роста ВВП «имеет повышательную динамику», а Сергей Иванов — что в Зеленограде созданы микросхемы «с высочайшим топологическим уровнем...». Сергей Нарышкин проинформировал, что вышло постановление правительства России о строительстве прикаспийского газопровода...

В этом кабинете журналистам на конкретных примерах демонстрировали, что жизнь идет своим чередом.

Напоследок президент решил вернуться к теме дня и напомнил, что «закон требует от нас определенных действий (по выдвижению кандидатов в президенты России. — А. К.) уже сейчас». И эти действия уже начались.

— К сожалению, мы вынуждены делать это в преддверии Нового года, — еще раз сказал президент.

Он снова как будто бы извинялся за то, что испортил людям праздник.

У кандидата на любую должность должна быть своя программа. Ну, хоть какая-нибудь. Впервые о чем-то похожем на предвыборную программу Дмитрий

Медведев сумел заговорить на встрече Владимира Путина в Кремле с руководством Совета Федерации 15 января 2008 года. При этом президенту Путину пришлось бороться со спикером Совета Федерации Сергеем Мироновым за право голоса первого вице-премьера правительства Дмитрия Медведева.

Напротив председателя комиссии по делам молодежи и спорта Виталия Мутко сидел председатель комиссии по контролю над обеспечением деятельности Совета Федерации Владимир Кулаков. Поскольку Совет Федерации под руководством сидевшего в центре Сергея Миронова уже час бездействовал в ожидании Владимира Путина, Владимир Кулаков обеспечивал не деятельность, а видимость деятельности Совета Федерации.

Он не давал покоя господину Мутко своими бесконечными расспросами. Дело в том, что именно Виталий Мутко, если не ошибаюсь, вслух посетовал на то, что все камеры сгруппировались напротив свободного места в центре стола, а края обороны, которую заняли господа Кулаков и Мутко, остались оголенными.

— Камеры? — переспросил господин Кулаков. — А зачем мне камеры? У меня камер в Магадане хватает. Там есть хорошие камеры.

Очевидно, что в Совет Федерации Владимир Кулаков попал по воле пославших его магаданцев.

— Не веришь? — допытывался он у господина Мутко. — Приезжай, посмотришь.

Глава Российской футбольного союза Виталий Мутко, у которого от Магадана нет ни одной команды

не только в премьер-лиге, но и почти ни в какой другой лиге, категорически отказался.

— Да приезжай, — уговаривал его Владимир Кулаков, — я тебе билет куплю, причем в оба конца, а не в один! Подчеркиваю, не в один!

Уже даже пара камер повернулась в их сторону, уже Виталий Мутко замолчал, и не потому, что ему нечего было сказать. Просто он скорее всего не хотел разговаривать, так как опасался сказать лишнего, а ведь в этой ситуации все, что бы он ни сказал, стало бы лишним.

А жизнерадостный Владимир Кулаков все продолжал теребить окружающих рассказами о прелестях магаданских камер, которые никто не хочет оценить по достоинству.

Наконец появился Владимир Путин, и аудитория на время потеряла интерес к камерам. Президент России, сев между Дмитрием Медведевым и Владиславом Сурковым, рассказал, что сейчас как никогда важно обеспечить преемственность курса (восемь лет назад это было, очевидно, не так важно). Он призвал членов Совета Федерации воздержаться от не обеспеченных ресурсами разорительных популистских мер. Люди, сидевшие за столом, все как один записали именно эту фразу. Причем некоторые писали так долго, что мне показалось, будто они делают это несколько раз подряд, как школьники на уроке, повторяя прописи.

Они еще не знали, что им предстоит «избавиться от стереотипа, что социалка — это нагрузка к другим

делам», а также предстоит помочь «убрать избыточное госрегулирование в социальной сфере».

Господин Путин, который теперь редко на людях появляется без господина Медведева, в очередной раз дал понять, что неформальные нацпроекты, за которые отвечает первый вице-премьер, вскоре будут переквалифицированы в государственные программы. Это случится, видимо, после того, как первый вице-премьер будет переквалифицирован в президенты, а президент — в премьеры.

Владимир Путин сообщил, что хочет, чтобы Дмитрий Медведев сказал несколько слов о нынешнем состоянии нацпроектов, и дал слово спикеру Совета Федерации Сергею Миронову.

Господин Миронов, как я понял, вовсе не хотел, чтобы первый вице-премьер выступал перед членами Совета Федерации. Обратившись к господину Путину, он сказал, что сейчас, «как и договаривались, выступят члены Совета Федерации по списку», а потом, когда настанет тот долгожданный момент, когда прессы уйдет, «есть еще пара вопросов, которые надо бы поднять».

— Вы всех заинтриговали, и меня тоже, — заявил Владимир Путин.

А особенно, хотелось добавить, прессу.

После этого господин Путин дал все-таки слово Дмитрию Медведеву, который, ни разу не заглянув в лежавшую перед ним бумажку, рассказал о содержании нацпроектов настолько внятно, доходчиво и коротко, что мне на какое-то мгновение показалось, что оно стало понятно даже мне.

А главное, я теперь точно знаю, что государство не оставит меня своей заботой. Ведь я являюсь источником и составной частью одной из тех 52 миллионов российских семей, работать на благо которых «так, чтобы они это почувствовали в наступивший год семьи», пообещал господин Медведев господину Путину.

И наоборот.

В это время в разгаре был еще один нацпроект: газификация всей страны и даже всей Европы. Владимир Путин и Дмитрий Медведев в январе 2008 года занимались его реализацией в Болгарии. Их уже нельзя было к этому времени представить одного без другого.

Президент России Владимир Путин и президент Болгарии Георгий Пырванов 18 января 2008 года договорились об участии Болгарии в газовом проекте «Южный поток», и в выступлении болгарского президента звучали недвусмысленные намеки на безразмерно выросшую в связи с этими договоренностями состоятельность Болгарии.

Накануне вечером болгарскую общественность взбудоражило отсутствие Людмилы Путиной на трапе самолета, которым президент России прилетел в Болгарию. Для госпожи Путиной была предусмотрена большая культурная программа, и об этом все знали. К тому же визит был официальным, и отсутствие первой леди на трапе грозило дипломатическим сканда-

лом. Впрочем, из скромных комментариев членов российской делегации стало известно, что Людмила Путина накануне визита почувствовала себя нехорошо и что врачи не рекомендовали ей перелеты.

Впрочем, с поставленными задачами господин Путин во время этого визита справился и без жены. Он открыл Год России в Болгарии и, стоя на сцене, выслушал 20-минутную речь президента Болгарии. Господин Пырванов большую часть этого времени потратил на то, чтобы объяснить, что формула «Болгария может быть либо с Европой, либо с Россией» порочна (действительно: что ей, разорваться, что ли?).

Кроме того, он многозначительно заметил, что у Болгарии появился шанс вернуться на энергетический рынок Европы в качестве крупного игрока. Он говорил об этом так, словно Болгария была когда-то таким игроком и по трагическому недоразумению оказалась на какое-то время на скамейке запасных.

Утром стало известно, что господин Пырванов сказал все это не случайно. За ужином, на который президент Болгарии пригласил президента России, обсуждалась перспектива участия Болгарии в проекте строительства газопровода «Южный поток» (соглашение о нем недавно подписали Италия и Россия). Договоренность о присоединении Болгарии готовилась не одну неделю, но окончательное решение откладывалось до начала визита. А утром решалось, кому будет отдана честь огласить это амбициозное решение.

Дело в том, что вместе с Владимиром Путиным (но не вместо Людмилы Путиной) в Софию прилетел Дмитрий Медведев. И, конечно, для него важнее было произнести этот вслух. Но и господин Путин не должен был остаться в стороне. Проблема решилась так: было объявлено, что в какой-то момент к обедавшим господам Путину и Пырванову присоединился господин Медведев, а потом и его коллега, глава правительства Болгарии господин Станишев, и они вчетвером обо всем принципиально и договорились: Болгария становится транзитной страной для «Южного потока» (теперь эстафету из ее рук очень хочет перехватить Сербия, и «Газпром» просит за это полный контроль над государственной газовой компанией Сербии, но предлагает всего 500 млн долл. вместо 2 млрд, на которых пока находит в себе силы настаивать Сербия).

Поздним утром решение было оглашено на встрече Дмитрия Медведева и Сергея Станишева. Днем соглашение о транзите через территорию Болгарии газопровода «Южный поток» подписали министр промышленности и энергетики Виктор Христенко и министр экономики и энергетики Болгарии Петр Димитров. Владимир Путин и Георгий Пырванов выглядели при этом чрезвычайно удовлетворенными.

Чрезвычайное оживление на церемонии вызвал тот момент, когда Владимир Путин подозвал к себе Дмитрия Медведева, и тот наклонился к нему. Десятки фотокамер просто взорвались вспышками, которые, к моему удивлению, заставили сильно покраснеть первого вице-премьера, казалось, уже испытавшего

себя на прочность в публичной реализации нацпроектов.

Между тем Владимир Путин на этом не успокоился и еще раз подозвал к себе Дмитрия Медведева — на этот раз только для того, чтобы тот дал ему авторучку. Судя по всему, президент России хотел продемонстрировать, что он вообще ни в каких мелочах не может обходиться без Дмитрия Медведева.

Кроме того, тогда были подписаны соглашение акционеров в отношении трубопроводного проекта «Бургас — Александруполис» и контракт между «Росатомом» и правительством Болгарии о строительстве АЭС в Белене.

После церемонии я спросил у российских переговорщиков, как все-таки удалось договориться? Замглавы Минпромэнерго России Анатолий Яновский сказал, что на самом деле закончили разговаривать только в пять утра. Виктор Христенко добавил, что в окончательном виде документы были подготовлены за 15 минут до подписания, потому что их надо было перевести на русский, английский и болгарский.

— И там надо было учесть все «дедушкины оговорки», из-за которых дело и затянулось, — добавил господин Христенко. — Это касается тарифообразования...

— Сменяющегося европейского законодательства, — прибавил Анатолий Яновский, в некоторой ажитации переминаясь со своей ноги на мою.

По мнению Виктора Христенко, Россия не пошла в переговорах ни на какие более или менее серьезные уступки.

Но так, казалось, не считал президент Болгарии господин Пырванов.

— Я высоко ценю позицию российской стороны, которая согласилась с собственностью Болгарии на газопровод на нашей территории, — заявил он на пресс-конференции.

Впрочем, правы были все-таки российские переговорщики. Позже у информированных источников в «Газпроме» удалось выяснить, что трубу по территории Болгарии «Газпром» и правительство Болгарии поделили ровно пополам.

— Считаю, что все эти проекты способствуют диверсификации энергетических потоков, — произнес Георгий Пырванов и еще одну фразу, предназначенную прежде всего для внутреннего потребления.

На самом деле очевидно, что о диверсификации, о которой говорят многие чиновники Евросоюза, то есть об избавлении от газовой зависимости Европы от России, говорить у честного человека язык в такой ситуации не повернется.

Господин Пырванов и сам, видимо, осознал, что на этом не следует заострять внимания.

— В частности, — добавил он, — это существенный вклад в обеспечение безопасности энергетических поставок не только для Болгарии, но и для всех стран Балканского региона.

Теперь он был честнее со своими телезрителями, так как после реализации «Южного потока» между Россией и этими странами не будет проблемных транзитеров, одним из которых для России, безусловно,

является Украина. Но это были не все темы, которые был намерен раз и навсегда закрыть господин Пырванов на этих переговорах. Так, он добавил, что необходимо наконец «утвердить место кириллицы в Интернете», и заверил, что постарается сделать это на встрече с первым вице-премьером российского правительства Дмитрием Медведевым.

Господин Путин вспомнил о том, что померкло было на фоне газовых договоренностей, и заявил, что, если Болгарии потребуется кредит на строительство АЭС в Белене, то «мы готовы предоставить этот кредит».

В общем, в какой-то момент у меня сложилось впечатление, что российская делегация приехала в Софию, чтобы купить эту страну на корню.

Напоследок Владимир Путин поблагодарил болгар за «очень добродушный прием». Ему, видимо, ничего не сказали о том, что накануне в Софии прошел митинг протesta против его приезда. Правда, массовым его назвать было нельзя даже при всем желании.

Президент России решил, очевидно, приободрить болгар и помочь президенту Болгарии ратифицировать достигнутые соглашения в болгарском парламенте. Он добавил, что «жесткая конкуренция за сооружение Россией газовых мощностей в Европе не является секретом» и «кроме всего прочего, они приносят доходы в бюджет».

Тут господин Путин обратил внимание на человека, который вошел в зал перед самым подписанием документов:

— Хочу поприветствовать президента итальянской компании ENI Паоло Скаррони. Подписан документ между «Газпромом» и ENI о строительстве морского участка «Южного потока» (позже господин Миллер пояснил, что днем ранее в Швейцарии была зарегистрирована компания South Stream AG, которая до конца 2008 года разработает ТЭО проекта, а в 2013 году по газопроводу в Центральную Европу пойдет первый газ).

Господин Скаррони пояснил потом, что он опоздал, потому что его самолет не сажали в Софии из-за тумана (хотя по моим наблюдениям, все утро над Софией было безоблачное небо и яркое солнце).

Тут слово взял Георгий Пырванов и устами своего переводчика заявил на русском:

— Позвольте использовать неспецифическую терминологию и сказать, что подписание всех этих договоренностей обеспечило нашей стране большой член.

По сути высказывание выглядело верным, но форма заставляла задуматься насчет того, что президент Болгарии как-то все-таки переволновался за эти дни.

Через несколько минут один болгарский журналист, задавая вопрос своему президенту, сказал:

— Бридж — игра сложная, и выложить «большой шлем» непросто...

Только теперь стало ясно, что господин Пырванов имел в виду «шлем», а не то, чем в России измеряется как собственная состоятельность, так и состоятельность страны.

После тестового визита в Болгарию Дмитрий Медведев наконец представил российским избирателям свою предвыборную программу целиком.

22 января 2008 года в Москве прошел 2-й Гражданский форум «Россия — вперед!». На нем и выступил кандидат в президенты России Дмитрий Медведев, который рассказал, что у России с некоторых пор появились «очень хорошие шансы». Это был хороший шанс сравнять Владимира Путина и Дмитрия Медведева в деле.

Зал в Манеже был оформлен самым принципиальным образом. Отчетливо была видна эмблема форума: рукой художника масштаба Остапа Бендера был изображен Манхэттен до событий 11 сентября, то есть с двумя выделяющимися на общем фоне башнями-близнецами. Нельзя было не обратить внимания и на цифру «2» в названии форума.

Казалось, организаторы форума стараются все время ненавязчиво подчеркнуть, что у нас теперь тоже всего по два.

Дмитрий Медведев, который, правда, пришел на форум один, всем своим поведением намекал, что для него важно обеспечить преемственность курса и что с Владимиром Путиным он всегда мысленно вместе. Это чувствовалось, например, и в том, что форум начался с опозданием не меньше чем на два часа.

Все это время в фойе функционировали стенды неправительственных организаций, которые выражали желание принять участие в работе форума.

Я видел стенды Лиги здоровья нации, «Казарм XXI века», Фонда радикального продления жизни... Президент последнего фонда допытывался у меня, хочу ли я жить вечно, рассказывал, что тоже очень хочет, разъяснял, что регулярные занятия спортом не приведут к желаемому результату никак, и уверял, что, если он и его сторонники получат деньги на научные исследования, за старость можно будет не беспокоиться. Причем мне было понятно, что президент фонда говорит в основном о своей старости. На выставке его стенд пользовался таким вниманием, что она и в самом деле представлялась ему, похоже, обеспеченной.

На стенах были представлены работы, сделанные руками школьников, при взгляде на которые у меня сами собой выступали слезы то ли умиления, то ли сочувствия к их создателям. Обращали на себя внимание комнатный монгольфьер и стенд Организации юных разведчиков. Стенда организации юных юристов я на выставке не нашел.

Не было здесь и стендов правозащитных неправительственных организаций, да и вообще ничего, что в цивилизованных странах составляет гордость неправительственного общественного движения. Так что, увы, гордиться было нечем.

Участники форума работали в это время по секциям. На форум в полном составе аккредитовали Общественную палату. Некоторые ее члены, впрочем, предпочли рутинной работе по становлению гражданского общества в секциях активную публичную деятель-

ность, то есть общение с журналистами, тосковавшими у стендов в ожидании начала работы форума. Причем общение было временами принудительным, ибо журналисты, чья воля к жизни к этому времени притупилась, так как многие из них слонялись здесь часа уже четыре, проявляли преступно скромный интерес к членам Общественной палаты, напротив, заряженным энергией созидания (своего положительного образа).

Я спросил у декана факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова Ясена Засурского, который, надо сказать, вышел с заседания секции только после окончания ее работы, чего он ждет от этого форума. Он признался:

— Интересно, честно говоря, посмотреть вот на эту конфигурацию, — и Ясен Засурский даже изобразил ее руками. — Вот этот двуглавый орел в нашей стране... Как это все будет?

Так снова на горизонте возникла магическая цифра этого дня. Я подумал, что максимальная явка членов Общественной палаты на это мероприятие была вызвана не в последнюю, а скорее в первую очередь примерно такими же, как у Ясена Засурского, соображениями.

Открывая форум, секретарь Общественной палаты Евгений Велихов был настроен откровенно оптимистично, так как у него, как он сообщил, имеется доклад о состоянии гражданского общества. Действительно, одно только существование этого доклада недвусмысленно намекало на существование самого гражданского общества.

— Я рад, — сказал Евгений Велихов, — что здесь встретились те, на ком держится гражданское общество.

И он, по-отечески оглядев зал, рассказал о результатах последнего социологического опроса на эту тему. Выяснилось, что «60% граждан так или иначе помогают ближнему». Участники опроса признались в этом на условиях полной анонимности.

— Только пять процентов опрошенных считают, что общественные организации могут что-то изменить, — без тени расстройства заметил академик Велихов.

Я даже не понял, относит он этот результат к достижениям общественных организаций и Общественной палаты или все-таки к их недоработкам.

Выступавшие вслед за академиком Велиховым демонстрировали заразительную уверенность в завтрашнем дне. Елена Дьякова готова бороться за чистый и нравственный Интернет. В этом деле неоценимую помочь, по ее мнению, окажут «официальные сайты органов власти». Там, где они со всем своим духовно-нравственным влиянием будут бессильны, нужен просто жесткий контроль со стороны заинтересованных структур.

Впрочем, молодой учитель русского языка из Мурманска Анастасия Комарова с трибуны, по сути, возразила Елене Дьяковой, рассказав, как важно, чтобы «ребенок искал себя не в интернет-игрушках, блогах и чатах, а чтобы действительно расширял свой кругозор». То есть на форуме завязалась дискуссия, такая естественная в рамках гражданского общества.

— Я хочу, чтобы ребенок, которого я учу, — заявила Анастасия Комарова, — смотрел на мир восторжен-но и светло и чтобы он мог обять необъятное.

А я, в свою очередь, подумал, что не хотел бы только одного: чтобы Анастасия Комарова учила моего ре-бенка.

Подводник Андрей Звягинцев заявил, что россий-ские вооруженные силы наконец-то на подъеме и что «флот и армия возрождаются, только когда воюют», и с этим человеком не хотелось даже спорить.

Актриса Чулпан Хаматова попросила отменить квоту на операции детей, больных раком. Она говори-ла, что многие из них получают возможность проопе-рироваться, когда уже поздно. Мне казалось, что квоты эти не являются полным аналогом, например, установ-ленных законом квот на вылов рыбы, за распределение которых борются местные и федеральные власти. Это скорее всего результат стыдной производственной необходимости, когда невозможно сделать больше какого-то количества операций только потому, что их не на чем и некому делать.

Сказать на это, в общем, нечего, кроме общих слов. Но и они в этой ситуации были нужны. И главное, в зале было, кому их произнести. Этот человек должен был выступать через одного.

— А еще, — закончила Чулпан Хаматова, — меня попросили сказать, что мы все очень хорошие и что живем в гражданском обществе. Я говорить не умею, но если все мы начнем друг другу улыбаться, то это и будет начало строительства гражданского общества!..

Чулпан Хаматову хотелось погладить по голове.

После еще одного выступающего Евгений Велихов наконец предоставил слово Дмитрию Медведеву, который предупредил, что займет у участников форума немного больше времени, чем они, видимо, рассчитывали.

Быстро выяснилось, что речь идет о презентации предвыборной программы кандидата в президенты, который, очевидно, посчитал удачной для этого именно такую площадку (если бы он походил среди стендов не после, а до мероприятия, он, может, и изменил бы свою точку зрения).

С самого начала Дмитрий Медведев заявил, что «полностью согласен с президентом». Он говорил об исчерпанном лимите на революции, о котором как-то упомянул Владимир Путин, но есть основания полагать, что и обо всем остальном тоже.

При этом Дмитрий Медведев оговорился, что, несмотря на все, что говорилось о лихих 90-х, и на то, что с тем, что говорили, он тоже согласен, все-таки «страну не развалили, и в этом заслуга руководства того времени». Это было признание, на которое стоило обратить внимание, так как в версию, которая в последнее время стремительно становится канонической, оно никак не вписывается.

Дмитрий Медведев попробовал нарисовать очертания национальной идеи, но они получились чрезвычайно расплывчатыми и до боли напоминали «план Путина», детали которого можно узнать, только прочитав все без исключения послания президента России

Федеральному собранию подряд на одном дыхании. «План Медведева» — это «свобода и справедливость», «гражданское достоинство», «влиятельные и независимые средства массовой информации» и «борьба с пренебрежением к праву». Набор слов радовал глаз. Продолжать его можно было до бесконечности.

Затем Дмитрий Медведев перешел к внешней политике. Тезисы были снова примерно те же, что и у Владимира Путина, но Дмитрию Медведеву удалось наполнить их новым содержанием.

Он тоже считает, что многие сейчас опасаются России, «которой к концу 90-х годов отводилась роль добросовестного статиста в решении международных вопросов» и которая сделала рывок «неожиданно для них и в том числе неожиданно для себя». Для Владимира Путина, казалось, это была желанная цель. Дмитрий Медведев как будто оправдывался:

— Почему нас все еще опасаются? Им просто не ясно, куда движется Россия... Кто, мол, их знает, куда их занесет...

То есть Дмитрий Медведев считает, что нужна только разъяснительная работа с западными коллегами, ибо именно с ними, цивилизованными и развитыми, нам по пути. Надо просто объяснить им, что нас не надо бояться, потому что мы для них на самом деле — свои. А они просто еще не поняли своего счастья.

— Что особенного делает Россия на внешнем рынке? — спрашивал он. — То, что мы свои энергоносители перевели на мировые цены? Так это наша

обязанность при вступлении в ВТО! То, что нам небезразлично, что происходит в странах СНГ? Конечно, нам небезразлично!.. А то, что мы не обрываем отношений с проблемными странами, так это тоже наша обязанность! Проще всего было бы перейти к разрыву отношений и к ковровым бомбардировкам!

Тон Дмитрия Медведева при этом, безусловно, отличается от тона Владимира Путина, когда он говорит на эти же темы. Господин Путин ставит ультиматумы (принимаются через раз). Дмитрий Медведев предпочитает, видимо, убеждатель собеседников, которые с самого начала и до конца разговора убеждены в обратном.

При этом эффективность обоих методов, похоже, примерно одинаковая. Нас никак не могут полюбить. Только Владимир Путин при этом считает, что не очень-то и хотелось, а Дмитрий Медведев думает, что просто не решаются.

Дмитрий Медведев запланированно среагировал на идею Чулпан Хаматовой об отмене квот на детские онкологические операции, заявив, что количество операций будет увеличиваться и уже увеличивается: «Еще два года назад их делали в десять раз меньше». Но отменить сами квоты не в силах не только кандидат в президенты России, но и, боюсь, сам президент.

Кандидат в президенты вообще считает, что «цивилизация в целом развивается по оптимистическому сценарию» и что «шансы у нас, у России, очень неплохие».

— Просто хорошие шансы! — закончил он.

Трудно сказать, имел ли он в виду, что особенно они увеличились после того, как однажды в своем рабочем кабинете Владимир Путин собрал лидеров четырех партий и их устами объявил о том, что реализацией этих шансов займется первый вице-премьер правительства Дмитрий Медведев.

Но все-таки, я думаю, подразумевал как-то, что ли.

Кандидат в президенты отправился в предвыборное турне по стране. Правда, оно проходило без отрыва от производства. Федеральные телеканалы не называли Дмитрия Медведева кандидатом: всякий раз он проверял состояние нацпроектов. В некоторых поездках его сопровождал действующий президент России Владимир Путин. Или наоборот. Уже трудно было понять.

Президент России Владимир Путин и кандидат в президенты России Дмитрий Медведев 23 января 2008 года прилетели в Пензу и провели встречу с персоналом нового медицинского центра. Президент и кандидат напомнили доброго и злого следователей-единомышленников.

Владимир Путин и Дмитрий Медведев встречались с кардиологами в одном из широких коридоров нового центра. Здесь поставили большой стол, за которым поместились все руководство нового медицинского центра. Журналисты в коридоре уже не поместились и смотрели эту встречу по телевизору в соседнем

помещении. Вообще-то, если честно, это была палата интенсивной детской терапии. Журналисты здесь и вели себя как дети, причем именно такие, которые нуждаются в срочной терапии (это, впрочем, относится, кажется, ко всем журналистам в любой момент их деятельности).

Журналисты подходили к приборам, пробовали нажимать кнопочки и с нетерпением ждали, что будет. С помощью иностранных специалистов были осуществлены монтаж оборудования и перевод всех надписей на русский язык, иначе одна из кнопочек не была бы подписана жизнерадостным полукругом: «Веселящий газ». Здесь нуждающихся отправляли в состояние наркоза. Не стоит после этого и вспоминать, что изготавлили и монтировали оборудование немцы.

На телемониторе было хорошо видно, с каким напряжением ждал высоких гостей персонал центра. Для них и один президент России был бы тяжелейшей ношей, после которой кто-то из докторов мог бы, не дай Бог, стать первым пациентом нового центра. А тут к ним ехали, можно сказать, сразу два президента России, но по крайней мере без малого (где-то есть, наверное, еще какой-то малый, который тоже очень хочет стать президентом России).

Камера выхватывала их нервные лица и просто любовалась ими (оператор словно наслаждался предоставленной ему свободой, понимая, что никто, кроме двух десятков журналистов, его творчество оценить не сможет). На фоне остальных выделялся один человек, на чьем лице за все время ожидания не

дрогнул ни один мускул. Кто-то предположил, что это завхоз центра, который за два года строительства центра прошел через все круги ада. Его тяжелый взгляд говорил о том, что любого несугна он достанет с того света.

В общем, предположение насчет того, что достанет, было верным — Игорь Молочников оказался заведующим отделением реанимации.

Владимир Путин и Дмитрий Медведев вошли и уверенно сели по левую и правую руку от миловидной женщины возраста скорее кандидата в президенты, чем президента России. Ситуация была какой-то двусмысленной. Женщина в халате сидела между Владимиром Путиным и Дмитрием Медведевым и внимательно следила за их лицами, когда они начинали говорить. На ее собственном лице была тревога. Так врач смотрит на больного, когда понимает: тот в опасной ситуации, хотя сам и не осознает этого. Казалось, она вот-вот шепнет кому-то из них: «Вам нельзя много говорить». А скорее всего им обоим. И будет права.

Это была Елена Морозова, кардиолог-рентгенолог с 15-летним стажем. Ее внешность позволяла предположить, что она не только чинит сердца, но и разбивает их.

Интересно, о чем в этот момент думала сама Елена Морозова? Не о том ли, что, сидя между Владимиром Путиным и Дмитрием Медведевым, можно загадывать желание, которое с большой долей вероятности сбудется, достаточно только произнести его вслух?

Мне Владимир Путин и Дмитрий Медведев все больше напоминают тех самых классических доброго и злого следователей. Господин Путин все устроил так, что у него появились дополнительные возможности для того, чтобы по-новому влиять на ситуацию внутри и вне страны. То, чего не может достичь своими методами один, легко получит от противника, напуганного злым следователем, другой, добрый.

Правда, на самой встрече эта технология была на первый взгляд не нужна. Здесь все и так было хорошо. Центр построили быстро и качественно, оборудование и правда высокотехнологичное, а врачи приехали в Пензу всерьез и надолго из Москвы и Петербурга.

Но все-таки время от времени во Владимире Путине злой следователь все же просыпался.

— Скоро будем ведать тем хозяйством, которое нам достанется от немецких строителей, — сказал главврач медцентра Владлен Базылев.

— Все, что вам достанется, достанется от Российской Федерации, — оборвал его Владимир Путин. — Не надо путать божий дар с яичницей.

Владимир Путин твердо дал понять, что дар Российской Федерации он считает божьим, а дар Федеративной Республики Германия — яичницей.

Владимир Путин и Дмитрий Медведев общались с медиками уже четверть часа, а ни слова не было сказано ни о каких проблемах. Наверное, медики ждали, что кто-то из следователей задаст им этот вопрос. Но следователи предпочитали слушать.

— А проблемы есть! — тогда сказал, ни к кому благоразумно не обращаясь, один кардиолог. — Самолета Санкт-Петербург — Пенза нет! А ведь был!

— Летом только есть, — внес полную ясность кто-то еще.

Медики, которые приехали в Пензу скорее все-таки в основном из Питера, а не из Москвы, судя по всему, и правда страдают от этого и рассчитывали, что им удастся решить проблему прямо на этой встрече.

Похоже, господин Путин не понял, что они говорят всерьез, настолько светлыми и безоблачными были улыбки медиков в этот момент. Они словно давали понять: если что, они обойдутся, конечно, и без этого самолета и этим-то уж точно не стоит морочить голову ни президенту, ни кандидату в президенты. Оба, видимо, так и поняли (хотя на самом деле это было не так).

— А по прямой сколько лететь? — из вежливости поинтересовался господин Путин. — Полтора часа?

— Полтора, — подтвердили врачи.

На этом разговор о проблемах закончился бы, если бы кто-то не произнес слово «стент». Речь шла об аппарате, который очищает сосуды сердца. Стентов очень мало, а нужда в них стремительно растет.

— Китайцы уже делают поддельные стенты, которые уже широко используются, — сказал один из врачей, — а мы что, не можем?!

— Мы не будем делать поддельные, — отрезал господин Путин.

— У нас уже есть достойные образцы, — подхватил добрый Дмитрий Медведев, — так что есть надежда, что они у нас в ближайшее время появятся тоже.

Главврач тем временем дал слово Елене Морозовой, которая теперь смущалась, переводя взгляд с Владимира Путина на Дмитрия Медведева, с таким видом, будто назначила свидание по ошибке сразу двоим в одном месте и в одно время.

Елена Морозова произнесла длинную речь, смысл которой до конца уяснить не удалось, так как смысл не имел особенного значения, кажется, и для самой Елены Морозовой. Помню только, как говорила о том, что пик больных с поражением коронарных артерий приходится на 42-летних мужчин. При этом господина Путина, который благополучно миновал этот возраст, такая информация несильно, кажется, заинтересовала, а вот Дмитрий Медведев смотрел на Елену Морозову, по-моему, с большой озабоченностью.

Главврач дал слово и реаниматологу, веселому Молочникову, который сразу погрустнел и сказал:

— Товарищ...

Он, кажется, хотел от волнения продолжить «верховный главнокомандующий», но вовремя осознал, что делать этого не следует, и закончил: — Друг Владимир Владимирович! Я реаниматолог. Мы постараемся, кадры решат все.

Тут вступил главврач центра:

— Конечно, Владимир Владимирович, если турки могут строить, то мы!..

— Вы так обидно говорите для турок! — возмутился Владимир Путин.

Добрый следователь на этот раз решил промолчать.

— А я, — закончил Владимир Путин, — от лица будущих пациентов хочу сказать, что все тут будет использоваться наилучшим образом.

То есть он все-таки близко к сердцу принял слова рентгенолога-кардиолога.

Уже поздним вечером, на совещании с губернаторами нескольких областей, где строятся такие же медцентры, и с членами правительства, я неожиданно выяснил, кто же тот самый малый, без которого Владимир Путин и Дмитрий Медведев неполны.

— Самое главное решение, которое мы с вами приняли вместе, это инвестиции в человека, — сказал им губернатор Пензенской области Василий Бочкарев.

Иногда Дмитрий Медведев увлекался, впрочем и другими проблемами, например, экологии. Но и тогда, как и на расширенном заседании Совета безопасности в Кремле 30 января 2008 года, посвященном этим проблемам, Дмитрий Медведев выступал уже как человек, который отдает себе отчет в том, что ему придется реализовывать свои планы как президенту.

На заседание, как правило, со всех сторон закрытого Совета безопасности пригласили не только половину кабинета, но и журналистов в большом коли-

честве. Проблема экологии, конечно, важна для общества, но еще больше для общества, судя по всему, важна победа на президентских выборах Дмитрия Медведева, который был основным докладчиком на этом заседании, и можно было с легкостью убедиться в том, что именно этот человек сейчас представляет собой самый яркий пример неравнодушия к экологическим проблемам и готов предложить джентльменский набор их решения.

Владимир Путин на этом заседании взял небольшое вступительное слово. Он, похоже, сознательно и окончательно отдал инициативу в совместных публичных мероприятиях Дмитрию Медведеву, и тот ее сознательно и насовсем принял. При этом все (и лучше других Дмитрий Медведев) понимают, что положение в любую секунду может измениться с точностью до наоборот.

Так, все долго ждали от Дмитрия Медведева обнародования его экономической программы. На 2-м Гражданском форуме в Манеже он даже анонсировал это событие. Между тем экономическую платформу Дмитрия Медведева изложил Владимир Путин 8 февраля 2008 года на расширенном заседании Госсовета, где президент определил основные направления экономического развития России до 2020 года. До этого времени Дмитрий Медведев не собирался торопиться с презентацией своих взглядов на эту же тему (хотя многие ждали от него чего-то в этом роде уже на экономическом форуме в Краснодаре 31 января). Ждали и представления экономической программы Дмитрия

Медведева на форуме в Красноярске в середине февраля, когда любому должно стать понятно, что Дмитрий Медведев обеими ногами твердо стоит на экономической платформе Владимира Путина. Дмитрий Медведев программу представил. И на платформе остался.

Но в тот день президент России ограничился кратким вступлением. Правда, оно запомнилось. Президент России говорил об экологической безопасности в тех же выражениях, в каких он говорит об угрозе международного терроризма:

— Надо создать действенную систему экологической безопасности в стране, такую, которая эффективно справлялась бы с имеющимися проблемами и при этом результативно отвечала бы на возникающие новые проблемы и новые вызовы в этой сфере... Наконец надо учиться эффективно защищать интересы России на международной арене, прежде всего парируя угрозы экологической безопасности, вызванные трансграничным загрязнением территории Российской Федерации. Так, в последнее время обострилась экологическая ситуация в регионах Балтийского, Охотского, Черного, Каспийского морей, в бассейнах рек Амур и Иртыш...

Это была уже как будто сводка с фронта международных боевых действий, которые верховный главнокомандующий ведет, не афишируя лишний раз своих заслуг, на благо своего народа, задыхающегося... нет, не от катастрофической нехватки глотка свободы, а от переизбытка вредных выбросов в атмосферный

воздух. Причем господин Путин, будучи активным бойцом невидимого фронта, намерен был атаковать:

— Подчеркну, сегодня разговор об экологических проблемах надо вести в наступательном ключе...

В таком же наступательном ключе Владимир Путин отстаивал и свое право делать то, что на самом деле трагически противоречит идее экологической безопасности:

— В целом ряде регионов начата реализация крупных инвестиционных проектов, что, естественно, неплохо, даже хорошо. В реализацию этих проектов вовлечены большие по протяженности территории России, ранее относившиеся к так называемой дикой природе (надо полагать, дичь в процессе реализации проектов из этой природы вскоре исчезнет. — А. К.). В их числе строительство газопровода «Северный поток», нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий океан, такие программы, как освоение шельфовой зоны Баренцева, Карского, Охотского морей, развитие Приполярного Урала. В этих районах, естественно, негативные последствия интенсивной хозяйственной деятельности должны быть минимизированы.

Но всем должно быть понятно, что право решений по этим проектам Владимир Путин ни «Гринпису», ни Олегу Митволю не отдаст.

Доклад Дмитрия Медведева на эту же тему продолжался 20 минут.

— Как только что отметил в своем вступительном слове президент России, — начал он так, как считает

своим долгом начинать всякий серьезный доклад на любую тему, очевидно, хорошо отдавая себе отчет в том, что удельный вес авторитета Владимира Путина в его собственном рейтинге не оставляет желать лучшего, — в условиях роста нашей экономики крайне важно заложить экологическую платформу ее развития.

Господин Медведев, как и президент России, сосредоточился на самых дорогих его сердцу особенностях экологической тематики. Если Владимира Путина интересуют прежде всего международные вызовы и угрозы экологической безопасности, то Дмитрий Медведев как юрист уверенно себя чувствует, говоря прежде всего о «недостатках правовой базы природоохранной деятельности».

— Несмотря на наличие специального законодательства, тем не менее оно сегодня не стимулирует переход на экологически эффективные технологии и проведение природоохранных мероприятий, — заявил он. — Не определены статус и режим регулирования пограничных и трансграничных водных объектов и особо охраняемых природных территорий... Считаю, что поправки в законодательство, направленные на охрану окружающей среды и повышение энергоэффективности экономики, могут быть внесены уже до конца текущего года.

Он призвал ликвидировать отходы, «накопленные в результате десятилетий хозяйственной и военной деятельности, а также тех техногенных аварий, которые произошли в нашей стране; достаточно сказать,

что на территории России в отвалах и хранилищах накоплено более 80 млрд тонн твердых отходов». Он говорил о загрязнении атмосферного воздуха, а также о тенденции к сокращению сброса загрязненных сточных вод — это единственное, чем пока можно, так сказать, упиваться.

После этого господин Медведев стал более конкретен. Он предложил отменить практику выдачи предприятиям «так называемых индивидуальных временных разрешений на сбросы и выбросы: экологические требования должны основываться не на частных индивидуальных договоренностях, а на технологических нормативах, и устанавливаться эти нормативы должны по понятным процедурам».

Дмитрий Медведев предложил упростить выдачу разрешений на сбросы для небольших предприятий в сельском хозяйстве и ввести практику декларирования соблюдения экологических требований и контролировать их через систему экологического аудита. Он наконец призвал активно развивать технологии возобновляемой энергии, то есть энергии солнца и ветра (этому пункту в его программе, уверен, больше всех обрадовался российский бизнесмен Михаил Прохоров, который, как известно, является по-детски яростным поклонником альтернативной энергетики).

— И Россия должна вовремя закрепиться на этом рынке, — призвал Дмитрий Медведев, можно сказать, Михаила Прохорова.

Судя по всему, в ближайшее время будут упразднены некоторые организационные структуры, привлека-

ющие к себе благосклонное внимание экологической общественности своей бурной деятельностью, которая, впрочем, не отличается такой же сверхъестественной эффективностью.

— Надо исключить существующее сегодня дублирование, — заявил Дмитрий Медведев. — Сейчас здесь действует сразу несколько федеральных структур: Росприроднадзор, Ростехнадзор, Роспотребнадзор и Россельхознадзор. Отдельные надзорные полномочия в сфере экологии есть и у других ведомств... Можно было бы упорядочить их функции, при этом четко разграничить полномочия экологической экспертизы и экологического контроля.

Министры и журналисты с большим вниманием слушали доклад первого вице-премьера, отдавая себе отчет в том, что реализацией своих планов Дмитрий Медведев будет заниматься как президент, а Владимир Путин — как премьер-министр (причем в рамках на-двигающейся очередной масштабной административной реформы).

То есть мало у кого из перечисленных организаций есть шанс выжить.

Предвыборная гонка, в которой преследователей не было видно, продолжалась. Президент России Владимир Путин 1 февраля 2008 года вместе с вице-премьером Дмитрием Медведевым прилетел в Ростов-на-Дону и посетил казачий кадетский корпус. Перед приездом президента России кадеты казачьего

корпуса очень хотели спеть все четыре куплета гимна Всевеликого войска Донского. Но им разрешили только первый: «Всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон, и послушно отозвался на призыв свободы он».

Я подумал: как хорошо, что именно этот куплет кадетам разрешили спеть, а они послушно отозвались. Ведь именно в этом состояла суть казачьего движения: Дон сначала всколыхнулся и взволновался в ответ на глоток свободы, а отозвался на него вполне послушно. Владимиру Путину куплет должен был понравиться.

Кадеты, которые должны были петь, очень понравились мне. Держат их в строгости, и это идет им на пользу. Смотрят они на тебя ясно, терпеливо и без всякой насмешки в глазах, которая была бы такой естественной для людей, способных в четвертом классе за десять секунд разобрать автомат Калашникова, а в пятом преодолевающих на лошади непреодолимые с точки зрения здравого смысла препятствия.

Кадет Дима Колган рассказал, что кормят их пять раз в день, но при этом они, похоже, знакомы со списком десяти смертных грехов, который вывешен на стене в коридоре (список не совпадает со списком десяти христианских заповедей, а одним из первых в альтернативном списке кадетского корпуса значится грех обжорства). Кадет Колган рассказал, что на выходные им дают увольнительные, а лишают увольнительных только за серьезные проступки. Так, недавно кадет

Колган попал в глаз снежком другому кадету и был наказан.

Кадетам удалось исполнить Владимиру Путину и прочно примкнувшему к нему первому вице-премьеру Дмитрию Медведеву куплет гимна. Причем президент и кандидат в президенты заслушались и ждали продолжения, но кадеты потерянно замолчали, и только фонограмма, которой, оказалось, подстраховались атаманы, давала понять, пока ее не приглушили, что продолжение следует.

Когда учительница в классе говорила о том, что здесь изучаются церковное искусство и русская икона, подошел губернатор Ростовской области господин Чуб и гаркнул:

— А знаете, что они могут ответить?! А ну-ка: «Здорово (с ударением на второй слог. — А. К.) очевали!»

— Слава Богу! — нестройно ответили кадеты.

Похоже, очевали они перед приездом Владимира Путина и Дмитрия Медведева на самом деле не здорово.

Потом Владимир Путин и Дмитрий Медведев зашли в класс ликвидации компьютерной безграмотности. Президента посадили рядом с мальчиком лет 10–12, которого Владимир Путин сразу приобнял за плечо, отчего правая рука мальчика, казалось, окаменела, и компьютерная мышка совершенно ее не слушалась.

Домашняя страница компьютера называлась «Как не утонуть в море информации». Прочитав название и оглянувшись вокруг, Владимир Путин послал SOS:

— А где у нас Дмитрий Анатольевич?

Без него Владимир Путин, похоже, рисковал не выплыть. Впервые, по-моему, президент России так очевидно зависел от кандидата в президенты (а еще недавно все было наоборот).

Дмитрий Медведев не заставил себя ждать.

— Какой поисковик вы используете? — быстро спросил он.

И кадету, и Владимиру Путину должно было стать понятно, что Дмитрий Медведев с компьютером на «ты».

— А у вас свой сайт есть? — спросил Дмитрий Медведев.

— Есть, — обреченно кивнул мальчик.

— А можно зайти? — переспросил господин Медведев.

Он понимал, очевидно, что, если сайт существует, на него следует зайти.

На сайте было размещено несколько фотографий, которые Дмитрий Медведев намерен был тут же увеличить. Он был беспощаден в своем намерении продемонстрировать безграничные возможности Интернета, а также свои собственные безграничные возможности.

Но картинки даже не открывались. Мальчик без устали кликал и кликал, Владимир Путин еще крепче сжимал его в своем объятии, но дело не двигалось.

— Там есть слово «везде», на него надо кликнуть, тогда откроется, — вслух предположил я.

— Да нет, — оживился Владимир Путин. — Треснуть надо как следует по нему, тогда он сразу откроется.

— Ну да, как привыкли, так и надо решать, — сказал я.

— Конечно, — согласился президент и подарил миру свой новый афоризм: — Пока не треснешь, ничего не заработает.

В этом тоже была разница между ними: один готов был ждать, пока что-то само накликается, а другой очень хотел треснуть.

В школьной столовой президенту показали машину для изготовления пельменей и объяснили, что ее мощность — 10 тыс. пельменей в час.

— К обеду готовимся, — пояснил директор столовой.

То есть машине пора было выходить на проектную мощность.

Напоследок Владимир Путин и Дмитрий Медведев зашли в спортзал. Здесь при появлении президента начались лихорадочные занятия физкультурой: подростки подбрасывали гири, отчаянно подтягивались (так, что господин Путин вынужден был остановить одного кадета: президент видел его лицо и, видимо, просто испугался за него).

Тренер кадетов подошел к президенту. Его волновали проблемы не регионального и даже не федерального уровня. Нет, он брал выше.

— Величие России — в наших руках! — объяснил он президенту.

Владимир Путин посмотрел на него, казалось, с большим облегчением. И в самом деле, гора с плеч.

— Но мы должны китайцев победить. Их много, конечно, но сила — в наших руках.

Владимир Путин согласился было, но тут высказался губернатор Чуб:

— Но лучше — на Олимпиаде.

Я, честно говоря, думал, что тренер с самого начала говорил про Олимпиаду, но теперь понял, что губернатор гораздо лучше знает этого тренера и уровень его озабоченностей.

Тренер пожал плечами, но все-таки было ясно, что довольствоваться малым он не готов.

Напоследок атаман Всевеликого войска Донского Виктор Водолацкий попросил президента записать в закон «Об образовании», что кадетский корпус является общеобразовательным учреждением (сейчас он проходит как школа-интернат). Господин Путин обещал решить этот вопрос. Насчет того чтобы выделить 260 млн руб. на строительство нового спального корпуса, президент, похоже, не был так уверен.

В городе Новочеркасске президент России посетил мемориал памяти жертв новочеркасской трагедии 1962 года. В справке, подготовленной администрацией Ростовской области для журналистов специально к этому мероприятию, было написано, что «памятный знак установлен в дань памяти о забастовке рабочих Новочеркасского электровозостроительного завода имени Буденного в июне 1962 года, участники которой были недовольны повышением цен на продукты питания»...

Ни слова о том, что результатом забастовки стал расстрел сотен рабочих, не сказано — очевидно, на

всякий случай. Расстрел, таким образом, опять, как и в советское время, пытаются скрыть. Слишком, видимо, тут актуальна тема забастовки 1962 года.

Совещание в Новочеркасске было посвящено проблемам образования, но участники совещания, члены совета по развитию местного самоуправления при президенте России смотрели на вещи, как и тренер кадетов, гораздо шире.

— Большое спасибо, Владимир Владимирович, — поблагодарил президента докладчик из города Снежинска. — Женщины поддержали ваш апрельский тезис о повышении рождаемости. И не только женщины. Мы у себя ночью запретили торговать спиртным, и мужчины поняли, что есть другой объект, которым можно заниматься вплотную.

— «Вплотную» — в прямом смысле слова, — уточнил президент.

— Конечно, — даже, по-моему, обиделся докладчик, давая понять, что ничего другого он и не мог иметь в виду.

Еще через минуту он заверил президента, что его программа будет полностью выполнена.

— Моя — демографическая? — переспросил господин Путин.

— Не только, — уклончиво ответил докладчик.

Похоже, в голове его родилась еще какая-то идея.

— Да, — произнес господин Путин, — но то, что вы сказали, это не объект, не предмет. То, что вы назвали объектом, — равнозначенный субъект демографической программы.

Впрочем, полной уверенности в его голосе я не услышал.

— Конечно! — перебил его докладчик. — Это просто то, без чего мы не обходимся нигде.

«Мы, люди», — имел он в виду.

Господин Путин не спорил. Он в этот момент тщетно пытался сдержать душивший его смех.

Окончательная ясность с предвыборной программой кандидата Медведева, а заодно и с планом президента Путина наступила 8 февраля 2008 года, когда президент России выступил в Кремле перед руководством страны и многочисленными журналистами (очно) и российскими телезрителями (в прямом эфире). Там и тогда Владимир Путин обнародовал именно то, что у него вроде давно было, но чего на самом деле никто не видел.

Весной 2007 года после чтения послания президента Федеральному собранию все в Кремле оказались в затруднительном положении: Владимир Путин заявил, что это было его последнее послание. Между тем выяснилось, что он хочет еще кое-что добавить. Формат этого мероприятия в конце концов был определен как расширенное заседание Госсовета.

Я обратил внимание, что Госсовет расширили в основном за счет журналистов. В Андреевском зале Кремля было 87 представителей средств массовой информации (причем тут оказались главные редакторы некоторых газет, которые до сих пор демонстративно пренебрегали такими мероприятиями, прежде всего

потому, что их никто не приглашал). А в Малахитовой гостиной, где собралась пишущая и электронная пресса, освещавшая происходящее, журналистов было раз в десять больше.

Перед заседанием его участники были исполнены больших ожиданий. Анонсированная программа развития страны до 2020 года беспокоила их воображение. Мэр Москвы Юрий Лужков говорил, что если все, о чем скажет президент, будет исполнено, то «это даст нам возможность занять самую самостоятельную позицию в мире».

При этом никто толком, конечно, не представлял себе, что такого намерен сказать президент. Но лихорадка предвкушения новых побед, для которых не надо ничего делать самим, а надо только слушать речь господина Путина, уже охватила залы Большого Кремлевского дворца.

— Завершая второй срок работы в качестве президента Российской Федерации, — заявил президент, выйдя к людям ровно в 13.00 (это случилось не потому, что он хотел подчеркнуть беспрецедентную важность своего доклада, а потому, что эта речь транслировалась федеральными телеканалами в прямом эфире. — А. К.), — считаю необходимым сказать, что было сделано за последние годы.

Владимир Путин так мельком сказал про свой второй срок, словно третий начнется сам собой и мы этого даже не заметим, да и он тоже. И, слушая его следующие 45 минут, я убеждался, что это была речь человека, который только намерен приступить

к исполнению своих обязанностей на посту президента России.

Господин Путин проанализировал не только два своих предыдущих срока, но и два срока своего предшественника на этом посту. Причем анализ действий Бориса Ельцина с каждым разом становится все более беспощадным.

— Страна пережила дефолт, обесценились денежные накопления граждан, — заявил он. — На наших глазах террористы развязали масштабную гражданскую войну, нагло вторглись в Дагестан, взрывали дома в российских городах... А богатая Россия превратилась в страну бедных людей...

Впрочем, у людей «не было ни отчаяния, ни страха; напротив, ответом со стороны нашего народа стала собранность и сплоченность». И в следующие восемь лет народ под руководством своего президента сделал то, что не каждому народу под силу. Россия встала с колен. Правда, как я понял из доклада президента, еще до сих пор не выпрямила спину.

— В прошлом году, — сообщил Владимир Путин, — мы достигли самого большого прироста ВВП за последние семь лет — 8,1%. По итогам 2007 года Россия опередила такие страны «восьмерки», как Италия и Франция, по объему ВВП и вошла в семерку крупнейших экономик мира.

Владимир Путин оговорился, что речь идет о ВВП, рассчитанном по паритетной покупательной способности. Уверен, впрочем, что, если бы была поставлена задача рассчитать ВВП по какому-нибудь показате-

лю, в соответствии с которым Россия уже к заседанию вошла бы, например, в тройку лидеров, то и с этой задачей аналитики справились бы. Нет сомнений, что есть все шансы и возглавить список (например, по уровню коррупции на душу населения).

Впрочем, на оговорку никто, конечно, не обратил внимания: у нас на глазах фиксировались такие сногсшибательные результаты и разворачивались такие масштабные перспективы, что оговорки безоговорочно прощались.

— Нашим детям не придется отдавать за нас прежние долги, — обнадежил собравшихся Владимир Путин, и я подумал, что некоторые люди в этом зале вздохнули с большим облегчением.

Президент, впрочем, имел в виду, что «государственный внешний долг сократился до 3% ВВП, что является одним из самых низких показателей в мире».

— Реальные доходы людей за восемь лет выросли в два с половиной раза. Пенсии — также почти в два с половиной раза, — произнес господин Путин и оторвался от текста речи. — Я прекрасно знаю все, что связано с инфляцией... Рост цен и так далее (про рост цен и в самом деле можно сказать только одно: и так далее. — А. К.)... Но, повторю, реальные доходы все-таки выросли в два с половиной раза.

Еще через пять минут мне, и правда, стало казаться, что все мы живем в той стране, о которой говорил президент России в своем докладе. Не хотелось даже думать о том, что надо будет после этого доклада выходить на улицу.

Но тут-то и выяснилось, что все сделанное не считается и что если так и дальше будет продолжаться, то страна рано или поздно окажется там, где любой человек, беспокоящийся о ней, надеялся не увидеть ее больше никогда.

Оказалось, что нам так и не удалось уйти от «инерционного, энергосырьевого сценария развития» и что «единственной реальной альтернативой такому ходу событий является стратегия инновационного развития страны».

— Но хочу особо подчеркнуть, — продолжил президент в ультимативном тоне, — и хочу, чтобы все это поняли: темпы инновационного развития должны быть кардинально выше тех, что мы имеем сегодня...

Именно с этого момента сравнение с докладом первого секретаря ЦК КПСС Никиты Хрущева, сквозь который красной нитью в свое время прошла мысль о том, что следующее поколение советских людей будет жить при коммунизме, уже имело полное право на существование.

— Россия должна стать самой привлекательной для жизни страной, — говорил Владимир Путин. — И уверен, мы сможем сделать это, не жертвуя настоящим ради так называемого светлого будущего (то есть он тоже отдавал себе отчет в таких аналогиях. — А. К.), а, напротив, день за днем улучшая благополучие людей.

Таким образом, уровень амбиций у Владимира Путина даже выше, чем у Никиты Хрущева.

Через некоторое время наступила полная ясность. Россиянин к 2020 году должен пользоваться всем луч-

шим, что к этому времени наработает человечество. И все лучшее, что наработает человечество, будет наработано в России. И сам россиянин станет лучшей наработкой человечества.

Очевидно, в этом и состоял тот самый план Путина.

Я не знаю, поднял ли этот доклад инвестиционную привлекательность России. Но он поднимал по крайней мере настроение.

— Сегодня каждый второй мужчина в стране не имеет шансов дожить даже до 60 лет, — продолжал президент. — Позор! А граждан России все еще становится меньше с каждым годом!.. Считаю, надо сделать все, чтобы уровень смертности в России сократился более чем в полтора раза, а средняя продолжительность жизни в России увеличилась к 2020 году до 75 лет.

В зале раздались долгожданные аплодисменты. Они были от души. Вряд ли кто-то из присутствующих не хотел бы фактом своего существования зафиксировать такие цифры.

Господин Путин рассказал, что он думает о работе правительства: как и следовало ожидать, ничего хорошего. Как только президент углублялся в детали, становилось интересно. Так, стало понятно, что от правительства в его нынешнем виде мало что останется, как от его структуры, так и от схемы управления:

— Министерства должны реально управлять введенными им ресурсами, самостоятельно издавать необходимые для этого нормативно-правовые акты.

Про развитие политической системы и свободы граждан и права человека господин Путин тоже сказал, но с таким количеством оговорок, что как раз их (в отличие от случая с ростом ВВП до уровня седьмой экономики мира) игнорировать невозможно:

— Какими бы острыми ни были политические баталии, какими бы неразрешимыми ни казались межпартийные противоречия, они никогда не стоят того, чтобы ставить страну на грань хаоса... Безответственная демагогия, попытки расколоть общество и использовать иностранную помощь и вмешательство в ходе внутриполитической борьбы не только безнравственны, но и незаконны. Они унижают достоинство нашего народа и ослабляют наше демократическое государство... И, наконец, политическая система России должна не только соответствовать национальной политической культуре, но и развиваться вместе с ней. Тогда она будет одновременно и гибкой, и стабильной.

Впрочем, в истории с этим докладом нельзя, видимо, говорить о том, что политика является продолжением экономики другими средствами. По крайней мере то, что Владимир Путин говорил о проблемах малого бизнеса, вызывало у собравшихся искреннее сочувствие и к тому, и к другому и было действительно очень демократично:

— Что делают федеральные органы на местах, в территориях, при поддержке территориальных и местных органов, — это просто ужас! До сих пор ведь невозможно месяцами начать собственное дело! В каждое учреждение нужноходить со взяткой: к пожарным,

к санитарам... К гинекологам! К кому только не нужно ходить! Ужас какой-то!

Частному бизнесу в этом докладе вообще повезло:

— Частная компания, мотивированная на результат, зачастую лучше справится с управлением, чем чиновник, не всегда имеющий даже представление о том, что по-настоящему является эффективным управлением и что такое вообще результат.

Господин Путин заявил, что надо снижать НДС и что ставка должна быть единой. Сейчас она, как позже напомнил вице-премьер Алексей Кудрин, 18 и 10%. Начальник экспертного управления президента Аркадий Дворкович добавил, что сейчас идут интенсивные консультации по этому поводу и что единая ставка НДС будет скорее всего 12–13%.

Во внешней политике у нас по-прежнему слишком много врагов. И, как я понял, их не станет меньше. Прозвучала мысль о новом витке гонки вооружений (тоже как будто списанная из речей советских генсеков).

— Нас пытаются убедить, что все эти действия не направлены против России. Но все это наши партнеры используют, к сожалению, не более чем как... И с болью в сердце вынужден это констатировать... — Владимир Путин посмотрел в зал, и в глазах его отразилась та же боль, что живет в его сердце... — ...не более чем как информационно-дипломатическое прикрытие для реализации своих собственных планов... На эти новые вызовы у России есть и всегда будет адекватный ответ...

Ответ, разумеется, заключается в производстве новейших видов вооружений.

Президент предложил обсудить изложенную концепцию в обществе и в этом тоже не был оригинален. Таким широким обсуждением отличался доклад любого генсека в советское время.

— У России, — закончил президент, — нет ни одной серьезной причины, которая не позволила бы нам достичь поставленных целей. Ни одной!

Владимир Путин быстро покинул зал. Он шел так быстро, словно боялся не успеть выполнить к 2020 году поставленные задачи.

Участники заседания расходились медленнее. Дело в том, что им предстояло пройти сквозь строй журналистов, к которым судьба в этот день отнеслась благосклонно: все здесь были обречены говорить со всеми.

— Когда мне говорят, что можно жить до 75 лет, я понимаю, что для этого надо, чтобы у нас никто не умирал, — поделился навеянными докладом мыслями лидер коммунистов Геннадий Зюганов.

— Вы что, не хотите жить вечно? — переспросил я. — Или хотя бы до 75?

— Очень хочу! — честно признался Геннадий Зюганов.

— А при таком режиме, как вы считаете, это возможно?

— При таком режиме и до 75 невозможно, — уверенно сказал бессменный лидер коммунистов.

Впрочем, есть уверенность, что если бы это был его режим, то он возглавлял бы его вечно.

Еще один кандидат в президенты России — Владимир Жириновский тоже был недоволен речью Владимира Путина.

— Сколько можно угрожать! Вот создадим новое вооружение, новую ракету, адекватный ответ... Надо это образно подавать, чтобы они понимали, о чем речь! А как? Вот Ястржембский говорил: вот отсюда можно нанести удар по Афганистану. Ну, взял бы и нанес! Хватит обещать!

Господину Путину он, по его словам, поставил бы за эту речь «три с плюсом»:

— Вопрос не в том, чтобы это сказать, а в том, чтобы заставить это сделать!

То есть он уверен, что по собственной инициативе светлое будущее никто строить не будет. А заставить, он уверен, очень легко:

— Надо арестовать десять тысяч чиновников и восстановить смертную казнь.

На фоне этих идей ценность речи Владимира Путина возрастила многократно.

Уникальна же она тем, что можно рассматривать ее как политическое завещание, а можно — как инаугурационную речь. Причем не Владимира Путина.

На ежегодной встрече с журналистами 14 февраля 2008 года Владимир Путин рассказал обо всем, что еще кого-нибудь интересовало. Тема преемника поднималась и опускалась многократно. Журналисты пять раз

апплодировали ему во время более чем четырехчасовой пресс-конференции. В связи с этим есть смысл обратить внимание на то, что не заинтересовало пишущую общественность тогда, но зато будет интересовать все следующие четыре года.

Сценарий начала пресс-конференции был совершенно голливудским. Причем за несколько минут или даже секунд на наших глазах менялись жанры и декорации. Мы стали свидетелями человеческой драмы, когда корреспондент «Комсомольской правды» Александр Гамов спросил президента о его главной неудаче на этом посту. Правда, драма чуть не превратилась в комедию, когда президент ответил, что никаких неудач у него на этом посту не было.

— Все эти восемь лет я пахал, как раб на галерах, с утра до ночи и делал это с полной отдачей сил, — заявил господин Путин так, словно на галерах можно было халтурить.

Владимир Путин сразу получил еще один точно такой же вопрос, и ответ повторился уже в виде фарса.

Вопрос корреспондента американской телекомпании Fox News о возможном перенацеливании российских ракет заставил страдать президента России. Владимир Путин не хотел их перенацеливать, но у него, похоже, не было другого выхода. Но он очень не хотел этого. Но выхода не было.

— Мы ни на кого не собираемся ничего перенацеливать... без крайней необходимости... — выдержав театральную паузу, закончил президент России.

В общем, мы видели перед собой человека, который знал, как помочь людям, но на галерах был рабом обстоятельств.

Вопрос журналиста из города Грозный придал началу пресс-конференции еще больше драматизма. Владимир Путин сообщил, что он встречается сегодня с Рамзаном Кадыровым (и он с ним действительно встретился, почти сразу после пресс-конференции, и разговаривал, кажется, почти столько же, сколько отвечал на вопросы журналистов), и пообещал прилететь в Чечню. И теперь журналистам предстоит работать в жанре саспенса.

Следующим был вопрос корреспондента ТВЦ, который дал возможность президенту рассказать о выдающихся личных и профессиональных качествах Дмитрия Медведева.

— И вот есть личная химия: я ему доверяю, — не громко произнес Владимир Путин, и это был не худший отрывок из индийской мелодрамы.

На мой взгляд, отвечая, президент демонстрировал очень хорошую форму. Мне даже кажется, что он ни разу за все шесть предыдущих пресс-конференций не был в такой форме. Он был сентиментальным и резким, жестоким и великодушным. В первые полчаса мы получили исчерпывающее представление о сегодняшнем Владимире Путине. Формулировки были в меру исчерпывающие и, когда он хотел, не в меру яркие.

Владимир Путин по своему желанию добавлял красок в свои ответы. Так любой человек, когда смот-

рит телевизор, может прибавить яркости, контрастности, резкости изображению. Он по своему желанию добавлял того, чего хотел, в свое изображение, транслируемое в прямом эфире. Иногда он считал необходимым добавить громкости — и уж ее не казалось мало.

Я был совершенно заворожен этим совершенным технологическим эффектом.

Вопросы гармонировали с ответами, а одни ответы перекликались с другими вопросами. В первые полчаса все, что звучало под сводами зала в 14-м корпусе Кремля, напоминало мне скорее концерт симфонического оркестра.

Потом, правда, все стало как-то попроще. Основные ноты были в эти полчаса сыграны. И дальше была скорее джазовая импровизация. Импровизации запоминались и рисковали стать классикой жанра. Полетели крылатые выражения.

И мы услышали про иностранных наблюдателей:

— Это их хотелки все!.. Пусть жену свою учат щи варить!

Я уверен, президент не учил наизусть эти чудные простонародные выражения. Они всегда сидели и сидят у него в голове. Сколько их у него еще? Трудно сказать, невозможно. Он и сам, уверен, не знает. Но очевидно, что за восемь лет он не выговорился. И запас этих слов у него еще велик и беспощаден.

Я спросил президента, надоела ему власть или ему понравилось. Мне казалось, что это не риторический вопрос. Восемь лет назад он говорил: «Это приятное чувство ответственности...».

Похоже, это то, что изменилось в нем. Я думаю, он говорил искренне. Сказав то, что должен был, в начале, он теперь мог позволить себе говорить то, что не считал нужным. Собственно, эта пресс-конференция была ведь его последней пресс-конференцией.

— Вы сейчас сами сказали о чувстве ответственности, — произнес он, — вспомнили об этом... И эта ответственность иногда является достаточно тяжелым бременем, потому что приходится принимать решения, которые, кроме тебя, принять никто не может. И они далеко не всегда являются очень приятными. Конечно, как любой человек, я переживаю за это. Эти решения связаны с самочувствием, благосостоянием миллионов людей, а иногда и с жизнью конкретных граждан Российской Федерации. Никто не может принять этого решения. Начальников много, а конечное слово за главой государства. Это, конечно, такой моральный груз, нелегкий.

Владимир Путин тщательно подбирал слова. Было заметно, что вопрос, и правда, для него не риторический.

— Но это касается не только президента Российской Федерации, — продолжил он. — Это касается главы любого государства: и маленького, и большого. А вы думаете, Бушу легко? Вы смеетесь (действительно, удержаться в этот момент было трудно, и не только мне: достаточно было только представить Джорджа Буша, которому ох как нелегко, и от души жалеющего его Владимира Путина. — А. К.). А между прочим, это огромное государство с огромной ответственностью

в мире. Надо прямо сказать: даже с большей, наверное, чем у России, потому что возможностей у страны больше. И когда ему приходится принимать решение одно, второе, и внутри страны, и за границей, — это же, как бы там кто ни советовал, решения за ним.

Владимир Путин действительно говорил очень откровенно, ибо только полная откровенность могла заставить его делать такие признания. Смеха уже не было. В зале была тишина.

Еще один мой вопрос был связан с планом Путина и планом Медведева. План Путина огласил Владимир Путин до 2020 года, а план Медведева Дмитрий Медведев оглашал в Красноярске на следующий день, 15 февраля 2008 года. Было интересно, не обнаружатся ли в этих двух планах непримиримые противоречия.

— И мы прекрасно понимаем с Дмитрием Анатольевичем, — заявил президент, — что одна из линий атаки будет и в межличностном плане, и в политическом, и в экономическом. Все время будут попытки найти какие-то различия в наших подходах. Должен сказать, что различия всегда есть, но за более чем 15 лет совместной работы мы привыкли друг друга слушать, слышать. Более того, будучи президентом, я никогда не считал для себя зазорным прислушаться к мнению специалистов.

То есть точно так же в должности премьер-министра он, очевидно, не посчитает зазорным прислушаться к мнению президента.

Потом президент добавил, что «теперь нужно не плакать по поводу того, что прошло время работы

в таком качестве, а нужно порадоваться тому, что есть возможность поработать в другом качестве». И выяснились очень интересные вещи. Владимир Путин в первый раз публично перечислил права и обязанности председателя правительства, дарованные Конституцией, и сравнил их с президентскими. И фокус стоит в том, что вторые существенно померкли перед первыми.

— Это формирование бюджета, — говорил президент, — представление бюджета в парламент, отчет за этот бюджет, формирование основ денежно-кредитной политики... Это решение вопросов в социальной сфере, здравоохранении, образовании, экологии. Это создание условий для обеспечения обороноспособности и безопасности страны, проведение внешнеэкономического курса.

На долю президента не оставалось в этой конфигурации ничего особенного. Это были поразительные признания.

— Президент — гарант Конституции, — перешел Владимир Путин к перечислению прав и обязанностей президента, — он определяет основные направления внутренней и внешней политики. А высшая исполнительная власть в стране — это правительство Российской Федерации во главе с председателем правительства.

Проблема действующего председателя правительства Виктора Зубкова, очевидно, прежде всего в том, что он не читал Конституцию. Или не вчитывался в нее так, как вчитывался Владимир Путин, прежде чем

принять свое историческое решение о том, что лидеры четырех фракций выдвигают кандидатом на пост президента России Дмитрия Медведева.

— Полномочий достаточно, — произнес президент, — и мы распределим с Дмитрием Анатольевичем... если избиратель разрешит нам это сделать (Владимир Путин не забывал каждый раз оговариваться на этот счет. — А. К.)... как выстроить наши личные отношения. Уверяю вас, здесь не будет никаких проблем.

Здесь и в самом деле не будет никаких проблем: ведь Владимир Путин привык доверять Дмитрию Медведеву, и наоборот. И даже важнее то, что наоборот.

Мало кто или почти никто, по-моему, не обратил внимания на эти ключевые слова. А на самом деле именно они позволяют потом Владимиру Путину произнести: а я все по этому поводу сказал еще в феврале 2008 года. А у вас только сейчас глаза открылись?

Владимир Путин еще долго радовал телезрителей своими народными афоризмами (до тех пор, пока «Первый канал» и канал «Россия» не выключили прямую трансляцию почти через два часа после ее начала). «Вы хотите, чтобы я землю ел из горшка с цветами?» (в ответ на отчаянную просьбу дать обещание, что деноминации не будет). «А Францию кто спросил? Шиш!» (про размещение противоракет в Европе). «Стройки дурацкие, где там смыливают, закройте!» (про дурацкие стройки). «Можно шило в стенку и залечь на боковую!» И наконец он произнес фразу дня:

— Все выковыряли из носа и размазали по своим бумажкам!

Он имел в виду, разумеется, западных журналистов.

Не застал его врасплох и вопрос журналиста из французской газеты *Figaro*, который напомнил президенту, что в Чечне 99% населения проголосовали за «Единую Россию», и спросил, сможет ли показать такой же результат Дмитрий Медведев.

Этот вопрос задел президента России за живое, и он придумал эффектный, наверное, по его мнению, ход: предложил ответить на этот вопрос чеченскому журналисту, который на пальцах объяснил коллеге, что именно в этом и состоит воля народа.

Президент решительно поддержал чеченского журналиста и, таким образом, свою искренность, которую он демонстрировал в начале пресс-конференции, теперь с поразительной легкостью дезавуировал. Ведь очевидно, что не может же быть такого абсурдного результата, и что в национальных республиках перестарались, и что защищать тех, кто перестарался, значит быть лукавей их (потому что они-то хотели как лучше, а президент России говорил как всегда).

Но он сейчас защищал своих, и его больше ничего не беспокоило. Журналист *Figaro* не был своим. Он был по другую сторону баррикад. И главное, что теперь, после этого ответа он действительно был по другую сторону.

Еще два раза президент высказался по принципиальным вопросам. На вопрос корреспондента BBC

насчет того, нет ли раскола в политическом руководстве страны, а то Анатолий Чубайс и Алексей Кудрин говорят, что агрессивная внешняя политика России мешает развитию экономики, Владимир Путин ответил, что он «что-то не заметил, чтобы среди тех, кого вы назвали, были те, кого можно было бы отнести к политическому руководству страны».

Президент ответил на вопрос корреспондента «Известий» Екатерины Григорьевой, и из ответа стало понятно, что он собирается проработать в должности председателя правительства «столько же, сколько Дмитрий Медведев — на посту президента России» (тут Владимир Путин первый раз не сделал ритуальной оговорки насчет избирателей, которые должны еще подумать, доверить ли тому и другому такую большую страну, и не сказал, что он не собирается выставлять свою кандидатуру на президентских выборах 2012 года).

Наконец президент сообщил юноше из Омска, что ему, Владимиру Путину, ничто не мешает повесить портрет нового президента у себя в рабочем кабинете. Владимир Путин, правда, оговорился, что ему «не нужно вывешивать портрет Дмитрия Медведева, чтобы выстроить с ним личные отношения».

После этого возник милый сюжет с валентинкой. Журналистка радиостанции «Шансон» спросила, поздравил ли Владимир Путин кого-нибудь с Днем Святого Валентина и если да, то кого. Это был, конечно, вопрос по существу. Президент первый раз откровенно смущился и сторяча рассказал, что он утром провел в спорт-

зале и не успел никого толком увидеть, а потом вдруг вспомнил, что он, конечно, поздравил жену с Днем Святого Валентина, но просто валентинку подарить не успел.

А журналистка призналась, что хочет подарить президенту валентинку в связи с профессиональным праздником всех влюбленных. Она, конечно, очень хотела, чтобы эта пресс-конференция запомнилась всем ею, журналисткой радио «Шансон», а не кем-нибудь другим, и делала для этого все, что могла.

Она даже смогла подойти в конце пресс-конференции к пресс-секретарю президента Алексею Громову и передать ему валентинку для Владимира Путина. То есть она пошла до конца. Она объяснилась президенту в любви. И теперь стояла на лесенке возле сцены и, похоже, рассчитывала на взаимность.

Перед своим уходом с пресс-конференции Владимир Путин намерен был сказать последнее «прости» лидерам стран СНГ. Поэтому он договорился с каждым из них, чтобы они приехали на саммит в конце февраля 2008 года, хотя саммит был намечен на июнь.

И 22 февраля 2008 года он принял в Доме дружбы на Воздвиженке президентов стран СНГ, чтобы к тому же представить человека, с которым им предстоит встречаться на саммитах Содружества дальше. От выступления Владимира Путина при прощании с коллегами можно было ждать особой пронзительности,

но президент России снова сумел обмануть ожидания публики.

Одна за другой машины с лидерами СНГ подъезжали к отремонтированному Дому дружбы. Я видел, как из своей машины пулей, словно в ней начался пожар, вылетел президент Грузии Михаил Саакашвили. Он влетел в фойе, где уже стояли несколько его коллег, натолкнулся на Владимира Путина, причем ожидался так лихорадочно, как будто совершенно не ожидал его тут встретить, и бросился в зал заседаний, который к тому времени был совершенно пуст, потому что как раз Михаила Саакашвили все и ждали в фойе.

При этом даже при его появлении начать работать никто не торопился. Лидеры СНГ, по-моему, отдавали себе отчет в том, что именно это фойе им гораздо нужнее зала заседаний. Мне кажется, именно из-за этих коротких разговоров в фойе они сюда прежде всего и прилетели.

Вот президент Украины Виктор Ющенко отвел в сторону Владимира Путина и долго ему что-то втолковывал. Причем президент России за несколько минут не произнес ни одного слова: для Виктора Ющенко они были, кажется, лишними, он сам еле успел выговориться.

Президент Белоруссии Александр Лукашенко слишком горячо что-то объяснял президенту Казахстана Нурсултану Назарбаеву, чтобы можно было предположить, что президент Белоруссии говорит на какие-нибудь отвлеченные темы, а не об особом пути

казахстанской нефти в Белоруссию, а вернее, об особых условиях ее поставок для Белоруссии. У президента Казахстана, впрочем, хватило мужества ни разу не кивнуть Александру Лукашенко.

В какой-то момент Нурсултана Назарбаева крепко взял под локоть наконец осознавший, где сейчас происходят основные события, Михаил Саакашвили. Он, судя по всему, намерен был пусть даже силой оттащить господина Назарбаева от господина Лукашенко. Видимо, потому, что интересы у президентов Белоруссии и Грузии были одинаковые, Нурсултан Назарбаев инстинктивно сопротивлялся им обоим. Когда ситуация стала совсем уж неприличной (Михаил Саакашвили продолжал тащить Нурсултана Назарбаева к себе), Александр Лукашенко, криво улыбнувшись, великолужно отошел к группе товарищей, стоявшей у окна.

Душой компании был президент Туркмении Гурбангулы Бердымухаммедов. Его окружили президент Киргизии Курманбек Бакиев, президент Таджикистана Эмомали Рахмон, президент Армении Роберт Кочарян. Рассказам президента Туркмении все эти люди, сбившиеся в очень тесную кучку, словно специально для того, чтобы больше никому не было слышно, смеялись просто взахлеб, до слез, по-моему, в глазах. Представить себе нечто подобное еще год назад, при Сапармурате Ниязове, который предпочитал вообще игнорировать саммиты СНГ, было невозможно.

Последним, с кем удалось уединиться возле шторы в фойе Виктору Ющенко, стал Александр Лукашенко.

Интересно, что по результатам их лица президент Украины выглядел странно опечаленным, а у Александра Лукашенко вид был просто торжествующий. Очевидно, это был первый случай за тот день, когда президенту Белоруссии дали договорить.

В общем, за несколько минут в фойе состоялось столько молниеносных дву- и многосторонних переговоров, что повестку дня работы неформального саммита можно было, кажется, считать исчерпанной.

Впрочем, для кого-то саммит только начинался. В фойе, когда присутствующих попросили заходить в зал, вдруг появился первый вице-премьер Дмитрий Медведев. Он встречал лидеров СНГ у входа в зал заседаний. Это тоже должно было выглядеть, очевидно, предельно неформально, но я давно не замечал, чтобы что-то в жизни выглядело настолько формально (церемония вручения наград американской киноакадемии «Оскар» выглядела на этом фоне апофеозом баловства и импровизации).

Данью протоколу не выглядели только объятия Дмитрия Медведева с Александром Лукашенко. Очевидно, это была дань их отношениям.

Владимир Путин сказал, что рад приветствовать участников саммита в Москве (а было бы интересно, если бы напоследок он вместо этой ритуальной фразы сказал им то, что действительно думал по этому поводу), и передал слово председательствующему в СНГ Курманбеку Бакиеву — только для того, чтобы тот передал слово президенту России Владимиру Путину. Было такое впечатление, что никто не хочет

начинать первым. Но Владимиру Путину все-таки пришлось.

Президент России предложил коллегам рассмотреть программу экономического развития СНГ до 2020 года (она, возможно, рифмуется с его программой развития России на тот же срок). Я подумал, что Дмитрий Медведев должен теперь выступить с детализацией этой программы в расчете на четыре года.

О Дмитрии Медведеве было сказано несколько важных слов. Он, например, оказался одним из основных авторов политики России в СНГ (это было очень кстати для человека, который является преемником Владимира Путина — теперь очевидно, что и в этом тоже).

А ведь еще совсем недавно, буквально в начале 2008 года, некоторые лидеры стран СНГ были не согласны с этим. Так, 6 февраля президент Узбекистана Ислам Каримов сделал настолько рискованные признания насчет предстоящих президентских выборов в России, что дал повод всерьез задуматься насчет президентского будущего самого Ислама Каримова.

— Я всегда был сторонником того, — говорил президент Узбекистана, — чтобы Владимир Владимирович согласился с предложением, исходившим в том числе и от меня, и поставил бы свою кандидатуру на третий срок.

Понемногу пафос узбекского президента становился понятнее. Он ведь убедил прежде всего граждан своей страны в том, что если уж он сделал Владимиру

Путину такое предложение, то господин Путин от него просто не сможет отказаться.

И теперь Исламу Каримову предстояло найти достойное оправдание тому парадоксальному факту, что господин Путин все-таки проигнорировал это лестное предложение.

— Сегодня, очевидно, поздно об этом говорить (впрочем, в словах Ислама Каримова не было никакой уверенности, что и в самом деле поздно. — А. К.), но я не жалею, я испытываю хорошее удовлетворение, что поставил этот вопрос, и чувство большого удовлетворения перед своей совестью от того, что этот вариант мог бы состояться, и убежден, что об этом никто бы не пожалел.

Ислам Каримов говорил так, словно кандидата в президенты России Дмитрия Медведева нет даже в проекте или что он его совершенно не воспринимает как преемника Владимира Путина. Для Ислама Каримова преемником Владимира Путина является сам Владимир Путин.

— И если бы об этом кто-нибудь что-нибудь сказал бы, они тоже со временем бы поняли, — произнес Ислам Каримов, мне показалось с некоторой даже угрозой в голосе. — Это было бы наиболее приемлемое и наиболее правильное решение в тех условиях, в которых мы живем.

В тех условиях, в которых живет Ислам Каримов, это и в самом деле было бы, наверное, самое правильное решение. Но, как следует из решения господина Путина, он живет в других условиях.

Ведь, несмотря на то, что Ислам Каримов откровенно дал понять, что, по его мнению, выдвинуть Дмитрия Медведева кандидатом в президенты России было решением по крайней мере не наиболее приемлемым и что для него, Ислама Каримова, человеком, с которым он станет разговаривать, всегда будет Владимир Путин, президенту России речь президента Узбекистана вряд ли понравилась.

Хотя бы потому, что это все-таки он, господин Путин, выдвинул не себя на третий срок, а Дмитрия Медведева — на первый.

А с президентом России у президента Узбекистана после мая 2008 года будут, судя по всему, проблемы.

Так бывает, когда играет не твоя ставка.

Впрочем, на саммите 22 февраля 2008 года Владимир Путин поблагодарил коллег за совместную работу. В этом месте, мне казалось, была возможна и даже неизбежна какая-то щемящая нотка. Владимир Путин должен был попрощаться, наверное, каким-то все-таки особым образом. Я даже рассчитывал услышать что-то вроде «Берегите СНГ!..». Но Владимир Путин удержался от особой пронзительности. Он остановился в миллиметре от нее. Ему достаточно было просто застенчиво кашлянуть — и он бы перешел эту грань. Но у него не першило в горле.

Дмитрий Медведев впервые за время своей предвыборной кампании говорил как глава государства.

В этом смысле все для его коллег должно было стать ясно уже в этот день. Речь шла про общую транспортную политику, общую библиотечную систему, про общие нанотехнологии и общий переход на цифровую систему в телевещании. Именно на этом предстоит сосредоточиться в общей работе лидерам СНГ.

Речь Дмитрия Медведева была длинной, и после нее вдруг возникла пауза. Ее решил заполнить Владимир Путин.

— Без сомнения, — сказал он.

Вот теперь ни у кого и в самом деле не осталось сомнений, что Дмитрий Медведев не шутил.

ИЗБРАННЫЙ ПРЕЗИДЕНТ

глава 6

Президент России Владимир Путин проголосовал за своего кандидата на президентских выборах, несмотря на то что ему пытались воспрепятствовать наблюдательница от ЛДПР. Стоит обратить внимание на то, что церемония передачи власти началась сразу после голосования в ресторане «Экспедиция», а закончилась в начале мая в Большом Кремлевском дворце.

Владимир Путин голосовал в здании Академии наук на Ленинском проспекте. Один из членов участковой комиссии подошел к журналистам и тихо сказал:

— Вон там, видите, бабушка сидит. Ну, вон там. С костылями. Вы когда будете идти мимо нее, осторожней.

— Не задеть случайно? — переспросил я.

— Да нет, — поморщился он, — она, по-моему, костыли неожиданно может выставить, когда мимо нее журналисты пойдут. Мы там с большой опаской ходим. Но она нас все-таки побаивается.

Я поинтересовался, почему же эта бабушка тут сидит. Все-таки речь шла об избирательном участке пока еще номер один, куда должен был вот-вот прийти президент страны. Можно ли тут сидеть так, как сидела эта бабушка? В ней же, можно сказать, часы тикали.

— Да она зарегистрировалась как наблюдатель от ЛДПР, — снова поморщился член участковой комиссии. — Вот в чем беда. Пришла и сидит с восьми утра. И ни на какой разговор не идет. Вообще на вопросы не отвечает. Только смотрит.

Информация, которую я получил, имела практическое значение. Дело в том, что сейчас мы стояли за спиной у члена комиссии, которая должна была выдать Владимиру Путину бюллетень. А когда он пошел бы ставить галочку, мы перешли бы ближе к выходу, чтобы задать президенту какой-нибудь вопрос — прямо, так сказать, в лоб. И пройти предстояло как раз мимо бабушки.

В какой-нибудь другой день и в каком-нибудь другом месте такую бабушку со всеми почестями перенесли бы на руках в какое-нибудь другое помещение. Но в день президентских выборов она была не-прикосновенна. И она понимала это, по-моему, лучше всех и в самом деле не реагировала ни на какие внешние раздражители. Я думаю, именно потому, что в бабушке была какая-то загадка, члены комиссии все-рьез опасались, что она вдруг начнет совать нам под ноги кости.

Я обратил внимание, как на участок вошла группа молодых людей с рюкзаками и со значками на куртках. Они обращали на себя внимание. Один из них был так бледен, что это бросалось в глаза даже здесь, в полутемном фойе Академии наук. Мне все казалось, что он вот-вот потеряет сознание. Ноги его сначала не несли, а потом не держали.

Я услышал, о чем эти юноши разговаривают с членами комиссии. Они пришли на участок с открепительными талонами, чтобы проголосовать именно здесь и, судя по всему, именно тогда, когда тут появится Владимир Путин.

И ведь нельзя было сказать, что они выбрали не то время и не то место. Пожалуй, только здесь они могли сделать то же, что и журналисты, — задать вопрос Владимиру Путину в лоб.

Но тут я начал понимать, что по крайней мере один из них, тот, который бледнее смерти, скорее думает о том, что может в лоб получить. Он отговаривал товарищем продолжать эту безумную затею. Он говорил им, что они и так уже сделали все, что могли, и что больше, чем они, сегодня не сделает никто.

Впрочем, друзья, кажется, не слышали его. Они получали бюллетени по открепительным удостоверениям. То есть им их выдали. И вот они уже стояли с этими бюллетенями в руках и думали, что им делать дальше. Похоже, они считали, что голосовать — это как-то глупо. Они осознали, что у них произошел фальстарт. Владимир Путин еще не зашел, а они свой временной ресурс уже использовали.

— Так, — негромко сказал один из них, — берем бюллетени и уходим.

— А бюллетени зачем? — спросил кто-то.

— Чтобы доказательство было, что мы это сделали.

И они покинули расположение участка — кажется, с большим облегчением.

На столе, за который должен был сесть Владимир Путин, лежали, кроме списка адресов, странные на первый взгляд предметы: длинная линейка, ножницы... Выяснилось, что линейка нужна для того, чтобы избирателям было удобней находить себя в списках, и понимать, где надо поставить подпись. О назначении

ножниц торжественно, на весь зал, объявил председатель участковой комиссии № 2074 Валерий Балахнин:

— Объясняю: когда к нам приходит человек с открепительным талоном, его предстоит разрезать на две части!

И на лице председателя появилась сладкая улыбка предвкушения того, с каким чувством он это будет делать.

К столу время от времени подходили соседи Владимира Путина по месту регистрации. Это были люди, которых страна не так хорошо знала в лицо, как их соседа. Но вот на участке появилась Элла Памфилова, председатель президентского совета по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека.

— За кого вы голосовать будете? — спросил я ее.

Она задумалась. Она думала не о том, наверное, все-таки, за кого она будет голосовать, а о том, что бы ответить.

— Ну не за Богданова же! — в результате в сердцах вырвалось у нее.

— А почему нет? — безжалостно уточнил у нее корреспондент радиостанции «Маяк».

— А я футбол не люблю, — вспомнила Элла Памфилова.

Владимир Путин появился на участке почти сразу после ее ухода. К нему бросился председатель участковой комиссии Валерий Балахнин. Он кинул взгляд на десятки телекамер и принял единственно, видимо, правильное решение: встать по правую от руку от

президента и сопровождать его на полшага впереди. Доступнее для объективов, чем в такой позиции, он быть просто не мог.

Пока они шли к столу, Валерий Балахнин что-то объяснял президенту и его жене, отчаянно жестикулируя. Казалось, он за это время намерен научить его даже ручку держать в руках, если потребуется.

— Куда садиться? — спросил президент.

— Вот сюда! — показал Валерий Балахнин и хотел посадить его так, чтобы спрятать от всех без исключения выставленных телекамер.

— Не сюда, не сюда! — закричали журналисты.

— А я говорю, сюда! — сказал Валерий Балахнин. — Но можно и не сюда.

— Вы нас запутали совсем, — сказал господин Путин и сел все-таки не туда.

— И главное, когда галочку поставите, не уходите сразу голосовать к урне, как в прошлый раз, — торопился выговориться Валерий Балахнин. — А то я уж не знал, что мне делать.

Было понятно, что он в прошлый раз натерпелся.

— А что? — спросил президент.

— Ну, подождать надо... — потупился Валерий Балахнин и глазами виновато показал на Людмилу Путину.

Президент кивнул и спросил:

— Это бюллетени?

— Ну да! — с жаром начал объяснять Валерий Балахнин. — Этот — для выборов в муниципальные собрания, а этот — ну понятно...

— Понятно, — президент взял в руки бюллетень для муниципальных выборов. — Здесь три человека у нас, да?

— Да-да! — подтвердил Валерий Балахнин.

Тогда Владимир Путин взял в руки бюллетень, предназначенный для президентских выборов, и не громко спросил:

— А здесь один, да?

Он весело посмотрел на Валерия Балахнина. Тот не нашел в себе сил ни подтвердить, ни опровергнуть.

Владимир Путин, таким образом, и сам слишком хорошо понимал цену этим выборам.

Между тем, галочку он поставил не сразу, он минуты две-три думал, внимательно изучая бюллетень. Президент долго рассматривал фамилии кандидатов, словно видел их впервые. Скорее всего, так оно и было: это был, очевидно, как раз муниципальный бюллетень. (Вопрос: можно ли полностью исключить версию, что это был все-таки список кандидатов на его пост?)

Все это время Людмила Путина тоже о чем-то думала, и в конце концов президент подошел к урне для голосования один.

Но один он оставался недолго: бабушка с костылями, до сих пор безучастная к происходившему вокруг, вдруг встрепенулась, отложила костыли и бросилась наперерез президенту. Сотрудники службы безопасности хотели остановить ее, но господин Путин остановил их.

Она говорила с ним минут семь. За это время один человек, если постарается, может рассказать другому

всю свою жизнь. Похоже, именно это и происходило на наших глазах. Это было вообще-то беспрецедентно: первый раз за все время, что Владимир Путин работает президентом, ему помешали сделать его свободный выбор. У него не было никакого шанса, пока бабушка не отошла легкой и, как мне показалось, какой-то даже танцующей походкой.

Больше ни на чьи вопросы господин Путин отвечать был, кажется, не в силах. Дежурный вопрос насчет того, как его настроение, вызвал к жизни дежурный ответ. Президент быстро уехал: как потом выяснилось, он торопился в ресторан «Экспедиция», успевший стать остромодным еще даже до того, как в нем побывала компания, состоявшая, кроме Владимира Путина, из Дмитрия Медведева, Виктора Зубкова, Бориса Грызлова и Сергея Миронова.

Президент больше отказывался, чем заказывал: он не стал пить морс из морошки, потому что его смущил ядовито-желтый цвет напитка, и не стал есть икру морского ежа, которую настойчиво рекомендовал собравшимся Дмитрий Медведев, который либо не в первый раз был в этой «Экспедиции», либо попробовал икру морского ежа в своих многочисленных предвыборных экспедициях (недавно он, например, был на Дальнем Востоке). «Только после термической обработки», — сказал господин Путин. В общем, за столом было очень весело. Власть переходила из рук в руки под нельму, муксун, соус «Макалово» и брусничный морс.

Ничего похожего на такую же непринужденную обстановку не наблюдалось на избирательном участ-

ке № 2074. Журналисты пытали бабушку, которая вернулась на свое место и замолчала. Видимо, выговорилась.

Ей задали много вопросов, среди которых преобладали следующие: «Что вы говорили президенту?», «Почему вы молчите?», «Вам нужен врач?» и «Как пройти в библиотеку?». Она не ответила ни на один из них. Она не произнесла больше ни слова. От нее не добились ничего даже журналистки, которые провели с ней еще полчаса, держа ее за руки, как родные дочери в минуту трудного испытания.

Валерий Балахнин категорически заявил, что эта женщина, Валентина Морозова из Тулы, зарегистрировавшись наблюдателем от ЛДПР, нарушила закон.

— Она воспрепятствовала свободному волеизъявлению! — возмутился он. — А должна была наблюдать!

Валерий Балахнин не удержался от удовольствия рассказать, как он упрекнул президента в том, что тот не доработал на своем посту 24 дня.

— Я ему сказал, что прошлые выборы были 26 марта, а эти — 2-го, — сообщил господин Балахнин.

На мое замечание о том, что церемония инаугурации состоится скорее всего 7 мая, так же как и восемь лет назад, а до этого времени президентом России будет работать Владимир Путин, Валерий Балахнин не среагировал, превратившись на мгновение в ухудшенную копию бабушки из ЛДПР.

Позже я выяснил, о чем Валентина Морозова разговаривала с президентом России. Ей нужна операция на позвоночнике. Вот об этом.

Именно это и называется: у кого что болит. То есть она рассказывала Владимиру Путину не историю жизни, а историю болезни.

Да, бывает так, что это совпадает.

Смысл волеизъявления народа на президентских выборах вопросов не вызывал — ни до, ни после волеизъявления. Дмитрия Медведева выбрали президентом в первом туре. За него проголосовали 70,28% избирателей (вопросы остались только у западных наблюдателей, но на них никто не собирался отвечать).

В Москве вызывал вопросы только временный статус самого Дмитрия Медведева. Не так просто было разобраться в том, кем он теперь был — все еще первым вице-премьером или избранным президентом страны. Или еще кем-то.

Появится или не появится на совещании президента с членами правительства первый вице-премьер Дмитрий Медведев? Это была единственная, казалось, интрига дня в Кремле. Последние месяцы Дмитрий Медведев не пропускал ни одной такой встречи. Вообще, у него не было повода не прийти и на этот раз: до мая 2008 года он будет работать первым вице-премьером.

Между тем не секрет, что у Дмитрия Медведева с 3 марта 2008 года появилась еще одна должность: де-факто он избранный президент России. И ему придется до мая совмещать две должности, к тому же в присутствии действующего президента России и без двух месяцев премьера страны.

Таким образом, каждый из двух этих людей имеет шанс почувствовать себя доктором Джекилом и мистером Хайдом, причем, как и в классической версии, верх может время от времени брать то доктор, то мистер.

И это станет главной, похоже, особенностью текущего момента. Она дала знать о себе сразу же.

Совещание не начиналось очень долго. Поскольку журналисты стояли в коридоре, то можно утверждать, что именно в кремлевских коридорах появилась информация, что Владимир Путин сначала встретится с Дмитрием Медведевым. И как будто бы они даже увиделись перед совещанием. Но это была не та встреча, о которой должны были узнать страна и мир. Ту встречу пришлось отложить, потому что все в мире может измениться, в том числе до неузнаваемости, кроме одного: телефонный разговор с китайским руководителем Ху Цзиньтао должен состояться в назначенное время. И Дмитрий Медведев пошел говорить с китайским руководителем, который вслед за французским руководителем хотел поздравить его с сокрушительными результатами президентских выборов в Российской Федерации.

Действующего президента России Владимира Путина в кабинете ждали семь министров и два вице-премьера — Дмитрий Козак, Эльвира Набиуллина, Сергей Лавров, Татьяна Голикова, Рашид Нургалиев, Анатолий Сердюков, Юрий Трутнев и Сергей Нарышкин с Александром Жуковым. Они сидели здесь, судя по всему, тоже давно и обрадовались появлению журналистов: это был для них хороший знак, что скоро начнется.

Через несколько минут появился замглавы администрации президента Игорь Сечин, и с его появлением вялые, то и дело затухающие разговоры окончательно смолкли, хотя обычно бывает наоборот. Было понятно, что если пришел господин Сечин, начнется минут уже через пять, не позже. А говорить расхотелось, похоже, потому, что не только журналисты понимали, что тут сейчас будет не рядовое совещание.

Еще через пару минут в кабинете появился первый вице-премьер Сергей Иванов (это было в рамках неформального понедельничного протокола), и еще через три — председатель правительства Виктор Зубков, за которым почти сразу вошел Владимир Путин. Чуда не произошло: разговор Дмитрия Медведева с товарищем Ху Цзиньтао состоялся вовремя. А если бы его не было, его следовало выдумать, потому что это был, без сомнения, прекрасный повод не давать возможности увидеть за одним столом встречу то ли действующего президента с первым заместителем председателя правительства, то ли избранного президента с готовым действовать премьером.

По крайней мере, министрам пришлось бы поломать голову над этой коллизией. Им нужнее, чем всем остальным, было бы понимать, кто сейчас сидит перед ними.

Через несколько минут мне стало казаться, что сейчас они встречаются скорее с новым премьером.

Владимир Путин высказывался исключительно на социально-экономические темы. Он заявил, что предстоит как можно быстрее максимально освободить от

налогов образование и медицину. Судя по тону господина Путина, это произойдет уже в этом году.

То же самое случится с мерами, стимулирующими глубокую переработку сырья на территории России.

— Юрий Петрович, понятно? — переспросил господин Путин министра природных ресурсов Трутнева.

Тот многообещающе (или, точнее, просто обещающе) кивнул.

Речь шла о проектах, которые обсуждаются месяцами и годами. И очевидно, что господин Путин начнет свою деятельность в качестве премьера именно с них. Вернее, уже начал, потому что к амбициям будущего премьера он уже сейчас может присоединить ресурс действующего президента.

К своим мартовским тезисам (а на наших глазах происходила декларация программы действий, которую президент даже читал по бумаге) Владимир Путин добавил скорейшее упрощение оформления предпринимательской деятельности, рефинансирование банковской системы и дополнительную защиту от рисков ипотечной системы.

Кроме того, Владимир Путин подтвердил свое намерение платить по счетам: он подписал пакет документов о повышении зарплат, пенсий, пособий...

— И я прошу не возвращаться к тому, о чем говорили в конце прошлого года: нужно индексировать, не нужно индексировать... Мы будем индексировать доходы населения, как и решили.

До сих пор на таких совещаниях Владимир Путин не выступал ни с чем похожим на программу действий.

Министры обычно говорили гораздо дольше, чем он. Они отчитывались перед президентом, а не он зачитывал им декларацию о своих намерениях.

Но здесь, именно на этом совещании, во Владимире Путине возобладал премьер.

Три выступления министров — Дмитрия Козака, Татьяны Голиковой и Рашида Нургалиева — выглядели на этом фоне дежурными. То есть они выглядели такими, какими и были.

Владимир Путин встретился с Дмитрием Медведевым сразу после совещания. Эта встреча трактовалась пресс-службой президента России как рабочая. При этом роль одного из ее участников была однозначно понятна: с Дмитрием Медведевым встречался президент страны. Но вот с кем встречался Владимир Путин?

Если это была рабочая встреча, то, очевидно, с первым вице-премьером? Но почему тогда журналисты вошли в рабочий кабинет президента, когда оба ее участника уже сидели здесь? Обычно бывает не так. Формат рабочей встречи состоит, кроме прочего, и в том, что сначала в помещение входит президент, а через несколько секунд — тот, ради кого он вошел в помещение. Они садятся. Начинается рабочая встреча.

Накануне встреча для журналистов началась с разговора за столом. А также с того, что Владимир Путин обратился к собеседнику со словами: «Уважаемый Дмитрий Анатольевич!». Все было исполнено отчаянных и прозрачных протокольных намеков. Ни к одному из участников рабочих встреч с собой Владимир Путин не обращался со словами «Уважаемый».

То есть, хоть это и была рабочая встреча, в Дмитрии Медведеве на ней преобладал избранный президент.

Это подтвердил и сам разговор.

С избранным президентом действующий президент согласовывает кандидатуры в органы исполнительной власти (на самом деле Владимир Путин и Дмитрий Медведев уже занимаются делом в ежедневном режиме). Действительно, не с первым же вице-премьером Владимиру Путину согласовывать эти кандидатуры. Хотя для того чтобы согласовать, надо предложить. И кто кому будет предлагать?

Кроме того, именно избранному президенту Владимир Путин передал полномочия действующего президента по проведению президиумов Госсовета. Эти полномочия он мог не делегировать до инаугурации. Но предпочел расстаться с ними.

В чем-то это даже напоминает уже почти забытую историю с добровольным досрочным сложением полномочий Бориса Ельцина в пользу Владимира Путина в конце 1999 года.

Но только в чем-то.

Самый актуальный вопрос марта 2008 года был решен следующим образом. 3 марта президент России Владимир Путин подписал указ «О статусе вновь избранного и не вступившего в должность президента Российской Федерации». Этот указ не имеет прецедентов в современной российской истории.

Теперь по крайней мере понятно, как до начала мая 2008 года называется должность Дмитрия Медведева. Он — вновь избранный президент, но еще не вступивший в должность.

Очевидно, что вновь избранным Дмитрий Медведев стал потому, что до него пара человек уже были избраны президентом Российской Федерации, а не потому, что сам Дмитрий Медведев уже однажды становился президентом РФ, а мы и не заметили.

Администрации президента России предписано в соответствии с этим указом «в целях урегулирования статуса вновь избранного и не вступившего в должность президента Российской Федерации» «обеспечивать деятельность вновь избранного и не вступившего в должность президента Российской Федерации».

Этот пункт указа означает, что администрация президента будет делать то, что, собственно говоря, она делала до сих пор: работать и на вступившего в должность, и на не вступившего в должность президента.

Федеральной службе охраны предписано «представлять вновь избранному и не вступившему в должность президенту Российской Федерации государственную охрану на период до официального объявления о его избрании президентом Российской Федерации».

Высокопоставленный источник в Кремле исчерпывающе ответил на мой вопрос, в какой степени уровень охраны Дмитрия Медведева будет отличаться от уровня охраны Владимира Путина:

— В необходимой.

На самом деле и в этом ответе есть содержательный элемент: вновь избранного президента будут охранять не с такими, конечно, знаками внимания, как действующего президента, но знаков внимания станет больше, чем раньше.

Кроме того, Федеральной службе охраны «по согласованию с администрацией президента Российской Федерации» приказано «обеспечить выделение вновь избранному и не вступившему в должность президенту Российской Федерации официальной резиденции».

Больше всего в этом документе интересно то, что он вообще появился. В новейшей российской истории не была отработана техника передачи власти от одного человека другому. В 1996 году власть осталась у действующего президента, Бориса Ельцина. В 2000-м — тоже: президентом России стал и. о. президента Владимир Путин. В 2004 году, когда Владимир Путин во второй раз выиграл выборы, тоже никакой заминки не возникло.

Правда, в конце 1999 года была история, когда Борис Ельцин объявил о сложении с себя полномочий президента России. Но у Владимира Путина тогда не было промежутка в два месяца, когда его неопределенный статус требовал бы уточнения специальным указом действующего президента.

Все для него стало ясно тогда слишком быстро. Владимир Путин не успел толком ни обрадоваться, ни расстроиться.

Впрочем, ясность, наступающая для Дмитрия Медведева, особенно после инаугурации, вряд ли может его огорчить.

УКАЗАТЕЛЬ

BASF, 44

ENI, 44, 258

EON, 44

South Stream AG, 258

Абрамов, Александр, 88–94

Агеев, Шамиль, 62

Алиев, Ильхам, 79, 227–230

Алханов, Алу, 120, 137

Афанасиос, Циолиас, 45

Базылев, Владлен, 270

Бакиев, Курманбек, 307, 308

Балахнин, Валерий, 317–319, 321

Барщевский, Михаил, 239, 244, 246

Бердымухаммедов, Гурбангулы, 307

Бичурин, Никита, 165

Богданчиков, Сергей, 60, 68

Бордюжа, Николай, 104

Боровикова, Татьяна, 204

Бочаров ручей, 22, 87, 102, 176

Бочкарев, Василий, 273

Брычева, Лариса, 92

Букаев, Геннадий, 84, 85

Буш, Джордж, мл., 56, 199, 200, 299

Велихов, Евгений, 261, 262, 264

Внешторгбанк, 138

Водолацкий, Виктор, 284

Волошин, Александр, 11, 72, 80

Вольский, Аркадий, 84

Воронин, Владимир, 227, 228

Газовая ОПЕК, 44

«Газпром», 113, 172, 254, 256, 258

Гамов, Александр, 296

Голдман, Маршалл, 60

Голикова, Татьяна, 166, 171, 323, 326

Гордеев, Алексей, 113, 117, 119, 129, 136, 137, 148, 172, 214, 224, 226

Греф, Герман, 105–107, 110, 148, 198–200, 203, 222

Григорьева, Екатерина, 304

Громов, Алексей, 36–38, 46, 89, 305

Грызлов, Борис, 239–242, 244, 247, 320

Дворкович, Аркадий, 118, 293

Джабраилов, Умар, 226

Димитров, Петр, 254

Дискуссионный клуб «Валдай», 47, 53, 61

Добродеев, Олег, 22

Дьякова, Елена, 262

Евдокимов, Михаил, 14, 15, 20

Ельцин, Борис, 81, 89, 190, 215, 217, 218, 223, 288, 327, 329

Жириновский, Владимир, 112, 113, 116, 128, 166, 209, 210, 217, 223, 244, 295

Жуков, Александр, 96, 105–107, 323

Засурский, Ясен, 261

Звягинцев, Андрей, 263

Злобин, Николай, 53–59, 61

Зубков, Виктор, 47–49, 51–53, 63, 146, 159–162, 165, 238, 247, 301, 320, 324

Зубкова, Марина, 161

Зурабов, Михаил, 96, 102, 106, 107, 127, 138, 148, 150–158, 167, 209, 210

Зюганов, Геннадий, 111, 112, 129, 165, 166, 190, 216, 244, 294

Зязиков, Мурат, 89, 90

Иванов, Игорь, 79, 80, 195

Иванов, Сергей, 6, 7, 40, 51, 53, 54, 62, 78, 85, 96, 98, 99, 104–107, 109, 148, 149, 176, 177, 179, 181, 187, 188, 192–197, 202, 203, 205, 206, 221, 222, 235, 236, 247, 248, 324
 Илларионов, Андрей, 96, 106–108, 122
 Искаков, Камиль, 101, 102
 Кадыров, Рамзан, 225–227, 297
 Каримов, Ислам, 104, 227, 309–311
 Карт, Эндрю, 93
 Каспаров, Гарри, 46
 Кастро, Фидель, 216
 Касьянов, Михаил, 10–12, 63, 72, 83, 86, 91, 162
 Кендалл, Бриджит, 48, 49
 Кириенко, Сергей, 101, 221
 Киселев, Дмитрий, 23
 Козак, Дмитрий, 78, 93, 172, 225, 226, 323, 326
 Колган, Дима, 280, 281
 Комарова, Анастасия, 262, 263
 Кондратьев, Владимир, 40
 Конституция РФ, 18, 54, 55, 64, 301
 Костин, Андрей, 138
 Котик, Людмила, 205, 207, 208
 Кочарян, Роберт, 227, 230, 307
 Кудрин, Алексей, 96, 107, 200, 201, 219, 222, 293, 304
 Кузьмина, Алла, 208
 Кулаков, Владимир, 249, 250
 Куроедов, Владимир, 176, 179
 Лавров, Сергей, 96, 105–107, 141, 153, 154, 323
 Ленин, Владимир, 201
 Лесин, Михаил, 91
 Лисицын, Анатолий, 127
 Литвиненко, Александр, 43, 49
 Лужков, Юрий, 42, 121, 125, 287
 Лукашенко, Александр, 43, 119, 306–308
 Маркс, Карл, 28, 201
 Матвиенко, Валентина, 117, 125, 173
 Мельников, Иван, 216
 Меркель, Ангела, 108
 Миллер, Алексей, 72, 113, 172, 258
 Миронов, Сергей, 28, 167, 168, 172, 223, 239, 244, 245, 249, 251, 320
 Митволь, Олег, 276
 Молочников, Игорь, 269, 272
 Морозова, Валентина, 321
 Морозова, Елена, 269, 272
 Мутко, Виталий, 214, 249, 250
 Набиуллина, Эльвира, 248, 323
 Назарбаев, Нурсултан, 306, 307
 Нарышкин, Сергей, 210–212, 248, 323
 НАТО, 192–196
 Ниязов, Сапармурат, 307
 Ново-Огарево, 49, 148
 Нургалиев, Рашид, 105, 152, 323, 326
 «Оранжевая революция», 16
 Очирова, Александра, 205, 212
 Памфилова, Элла, 317
 Патрушев, Николай, 60
 Плотников, Владимир, 239, 244, 246
 Подберезкин, Алексей, 239
 Полежаев, Леонид, 126
 Полежаева, Ирина, 204
 Поплыева, Джакан, 207
 Поносов, Александр, 38
 Примаков, Евгений, 65–68
 Приходько, Сергей, 103, 104
 Прохоров, Михаил, 278
 Пуликовский, Константин, 101
 Путина, Людмила, 252, 253, 318, 319
 Пырванов, Георгий, 252–258

УКАЗАТЕЛЬ

Райс, Кондолиза, 194
Рахмон, Эмомали, 307
«Роснефть», 60, 68

Саакашвили, Михаил, 306, 307
Савченко, Евгений, 126, 127
Сванидзе, Николай, 30
Североевропейский газопровод, 108
Сердюков, Анатолий, 323
Сечин, Игорь, 78, 79, 90, 93, 96, 106–108, 324
Скаррони, Паоло, 258
Собчак, Анатолий, 190
Собянин, Сергей, 99–102, 104, 107, 115, 188
Соколов, Александр, 178
Соломонова, Ольга, 28
Сталин, Иосиф, 19
Станишев, Сергей, 254
Степашин, Сергей, 84, 190
Сурков, Владислав, 53, 59, 90, 93, 104, 205, 250

Тимошенко, Юлия, 33, 34
Титов, Константин, 124, 125
«Транснефть», 43
Трубопровод «Бургас—Александруполис», 45, 46, 254
Трутнев, Юрий, 323, 325
Тягачев, Леонид, 188

Умалатова, Сажи, 239
Урличич, Юрий, 202
Устинов, Владимир, 180, 185

Файфер, Грегори, 39
Федоров, Николай, 163, 164
Филиппов, Владимир, 82, 83
Фрадков, Михаил, 10, 12, 49, 51, 53, 63, 91, 96, 98, 99, 102, 103, 107, 109, 126, 154, 157–164, 181, 187, 188, 206, 238
Фрейд, Зигмунд, 28
Френкель, Алексей, 38

Фурсенко, Андрей, 117, 121, 122, 132–134, 139, 140, 171

Хабриев, Рамил, 154, 158
Хайруллин, Айрат, 136
Хаматова, Чулпан, 263, 264, 266
Ходорковский, Михаил, 20, 29, 220
Хооп Схеффер, Яап де, 192, 194, 195
Христенко, Виктор, 86, 87, 254, 255
Хрущев, Никита, 290

Ху Цзиньтао, 323, 324

Чавес, Уго, 226–228, 231, 232, 234
Чейни, Дик, 153
Черногоров, Александр, 118–120, 231, 232
Чечня, Чеченская Республика, 15, 24, 25, 64, 108, 120, 137, 225–227, 297, 303
Чуб, Владимир, 137, 225, 281, 284
Чубайс, Анатолий, 304

Шаймиев, Минтимер, 123, 124, 232, 233
Шарыпова, Татьяна, 204
Швыдкой, Михаил, 79, 80
Шевченко, Юрий, 85
Шувалов, Игорь, 62, 167, 171

«Южный поток», 252–254, 256, 258
ЮКОС, 29, 220
Юмашев, Валентин, 104
Ющенко, Виктор, 33, 229, 306, 307

Яковлев, Владимир, 107, 116, 132, 143, 158
Яновский, Анатолий, 255

ПРИ ПОДГОТОВКЕ КНИГИ ИСПОЛЬЗОВАНЫ
СЛЕДУЮЩИЕ ПУБЛИКАЦИИ А. КОЛЕСНИКОВА
В ГАЗете «КОММЕРСАНТЪ»:

Владимир Путин знает, как поднять капитализацию.

№ 87 (2456) от 24.05.2002;

Команда: «Служить!» № 143 (2512) от 14.08.2002;

Не так сидим. № 202 (2805) от 04.11.2003;

Москва и Баку будут дружить президентами.

№ 22 (2861) от 07.02.2004;

Отставить. № 33 (2872) от 25.02.2004;

Кремлевские измельчали. № 54 (2893) от 26.03.2004;

Адмирал Куроедов затонул в «Бочаровом ручье».

№ 163 (3247) от 01.09.2005;

Владимир Путин расширил вертикаль власти на один
стул. № 214 (3298) от 15.11.2005;

Владимир Путин поменял местами членов правительства.

№ 224 (3308) от 29.11.2005;

Национальных проектов хватит на всех.

№ 225 (3309) от 30.11.2005;

Национальными проектами займется корпорация
президента. № 245 (3329) от 28.12.2005;

Это очень хороший человек. № 247 (3331) от 30.12.2005;

Владимир Путин держит иномарку. № 39 (3370) от 07.03.2006;

Владимир Путин доказал, что земля возвращается.

№ 62 (3393) от 08.04.2006;

Владимир Путин накормил телевизионщиков.

№ 84 (3415) от 15.05.2006;

Дмитрий Медведев выходит на проектную мощность.

№ 103 (3434) от 09.06.2006;

Встреча с двумя неизвестными. № 108 (3439) от 17.06.2006;

Чиновникам поручено заглянуть в завтрашний день.

№ 110 (3441) от 21.06.2006;

Духовный главнокомандующий. № 119 (3450) от 04.07.2006;

Сергей Иванов перешел от обороны к выступлению.

№ 202 (3533) от 27.10.2006;

Владимир Путин обеспечит преемника бюджетом.

№ 212 (3543) от 14.11.2006;

Белоруссия, приятная во всех отношениях.

№ 2 (3578) от 16.01.2007;

Президента — к ответу. № 15 (3591) от 02.02.2007;

Михаилу Зурабову прописали первого вице-премьера.

№ 30 (3606) от 27.02.2007;

Владимир Путин отдал здравоохранение от социального развития. № 35 (3611) от 06.03.2007;

Владимир Путин скрестил женщин с футболистами.

№ 37 (3613) от 09.03.2007;

Владимир Путин отставил последнее слово.

№ 72 (3648) от 27.04.2007;

Александр Солженицын принял Владимира Путина.

№ 100 (3676) от 13.06.2007;

Актриса, Ментик и Сергей Иванов. № 113 (3689) от 02.07.2007;

Закрытый урок. № 166 (3742) от 13.09.2007;

Владимир Путин установил кандидатский минимум.

№ 168 (3744) от 15.09.2007;

Владимира Путина лишили преемника.

№ 228 (3804) от 11.12.2007;

Президент отличился премьерным поведением.

№ 229 (3805) от 12.12.2007;

Владимир Путин и Дмитрий Медведев обменялись обещаниями. № 3 (3820) от 16.01.2008;

Дмитрия Медведева ввожат в курс дел. № 6 (3823) от 19.01.2008;

Демверсия. № 8 (3825) от 23.01.2008;

Президенту и кандидату оказали сердечный прием.

№ 9 (3826) от 24.01.2008;

Владимир Путин вывел Дмитрия Медведева на природу.

№ 14 (3831) от 31.01.2008;

Владимир Путин впал в кадетство. № 16 (3833) от 02.02.2008;

Ислам Каримов отказался поддерживать Владимира Путина. № 19 (3836) от 07.02.2008;

Планка Путина. № 21 (3838) от 09.02.2008;

Владимир Путин наговорил на четыре года вперед.

№ 25 (3842) от 15.02.2008;

Дмитрия Медведева приняли в СНГ. № 30 (3847) от 26.02.2008;

Дмитрий Медведев не внушил президенту оптимизма.

№ 33 (3850) от 29.02.2008;

Владимир Путин выбрал бабушку из ЛДПР.

№ 34 (3851) от 03.03.2008;

Владимир Путин построил кабинет. № 35 (3852) от 04.03.2008;

Дмитрию Медведеву подрегулировали статус.

№ 37 (3854) от 06.03.2008,

а также статья «Отставной инстинкт»

(журнал «Деньги». № 14 (469) от 12.04.2004).

Андрей Колесников

Раздвоение ВВП: как Путин Медведева выбрал

ИД «Коммерсантъ»

Руководитель проекта В. Дорофеев

Редактор А. Соловьев

Арт-директор А. Ирбит

Бильд-редактор А. Шестак

Фоторедактор А. Токарева

Ответственный за выпуск В. Башкирова

ЗАО «Коммерсантъ. Издательский дом»

125080, Москва, ул. Брубеля, д. 4

kommersant@kommersant.ru

Издательство «Эксмо»

Директор редакции И. Федосова

Ответственный редактор М. Трушкова

Литературный редактор Е. Каталина

Корректоры Л. Макарова, Е. Чудинова

Художественный редактор Н. Биржаков

Компьютерная верстка О. Валиуллина

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21

[Home page: www.eksmo.ru](http://www.eksmo.ru) E-mail: info@eksmo.ru

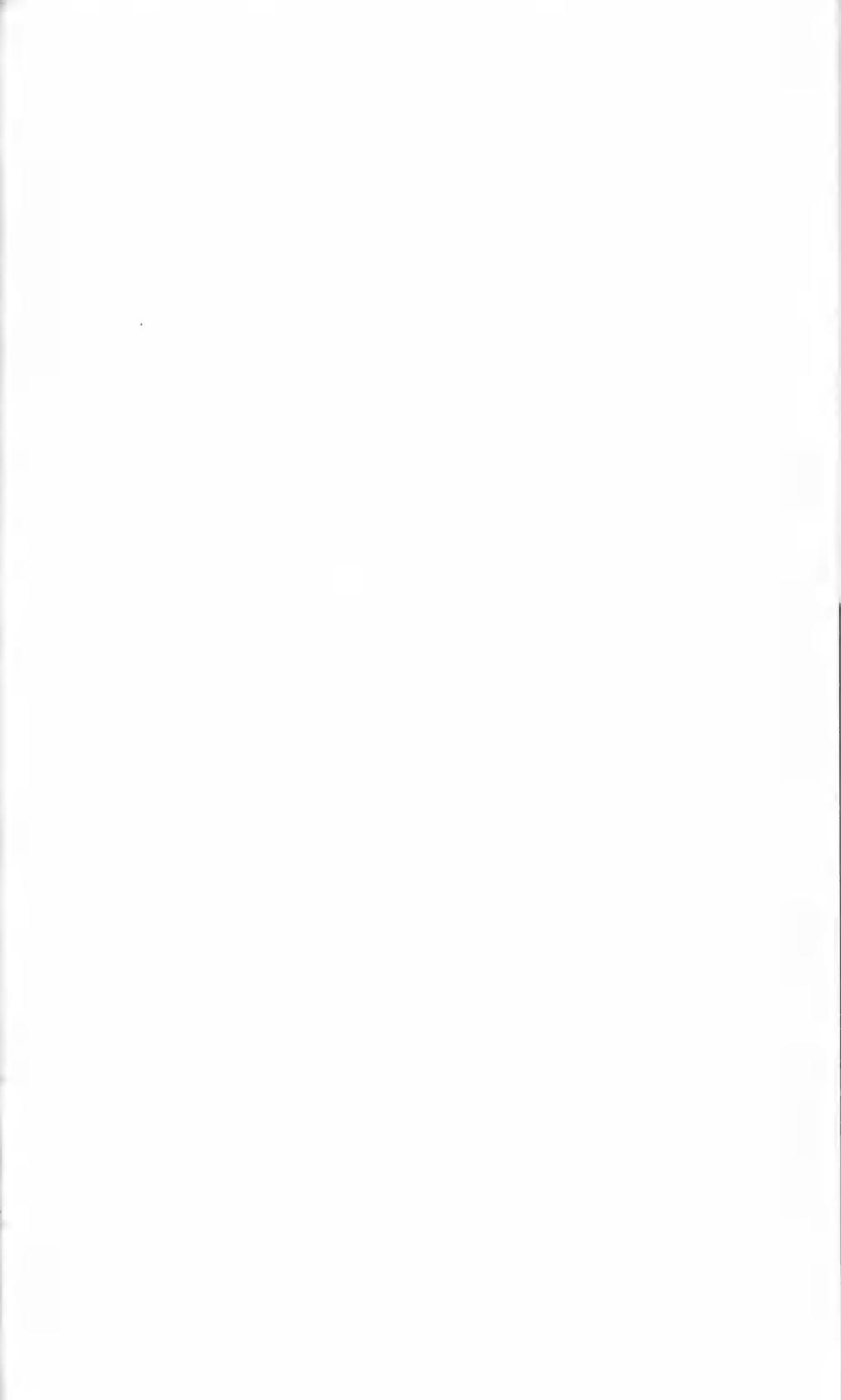
Подписано в печать 29.07.2008.

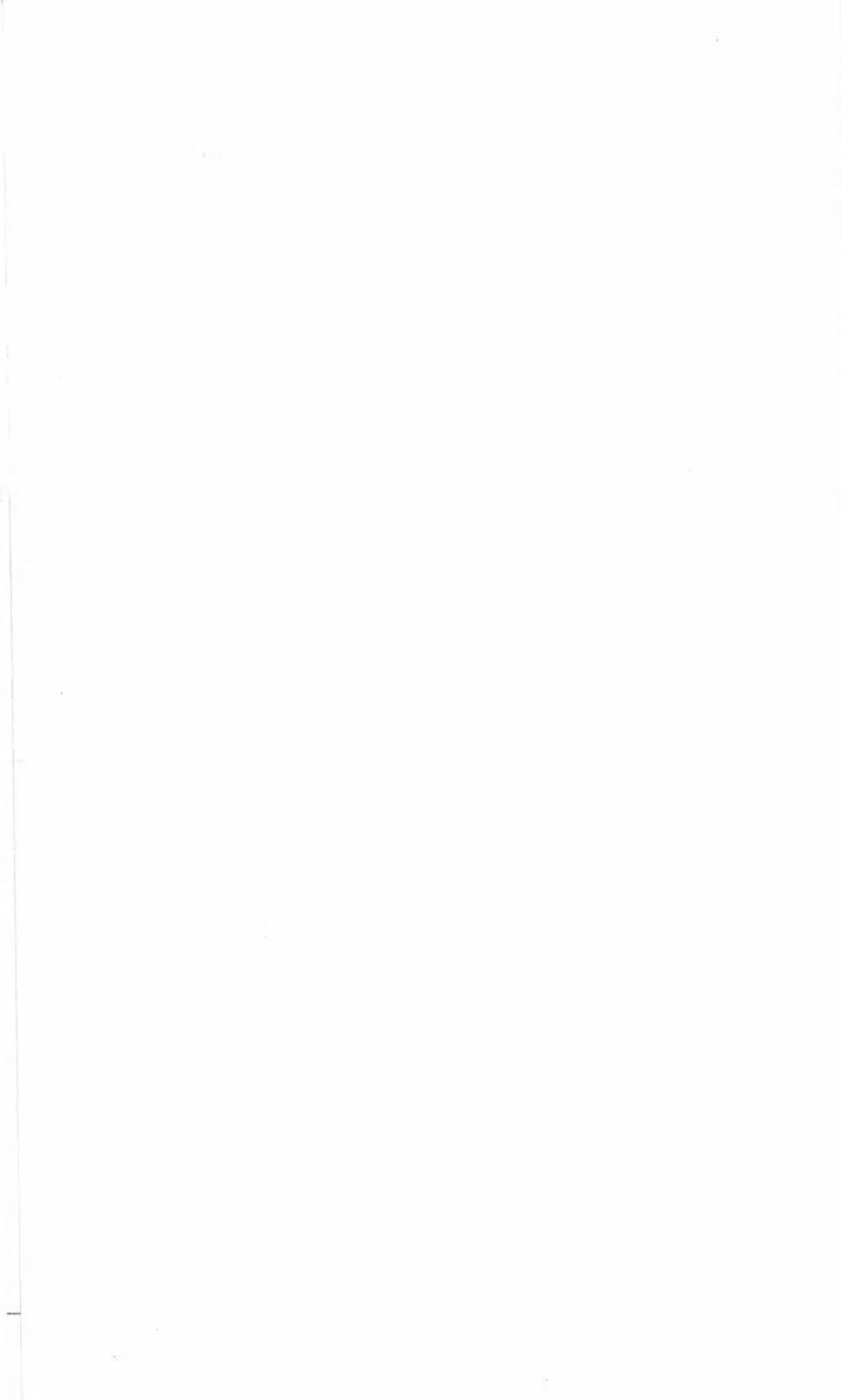
Формат 84×108¹/32. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 17,64.

Доп. тираж I 3500 экз. Заказ № 3671.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, Можайск, ул. Мира, д. 93

1265

преемников никаких не будет.

**Будут кандидаты на пост
президента Российской Федерации.**

В. В. Путин
1 февраля 2007 года

Вся наша жизнь – один большой проект.

Д. А. Медведев
8 июня 2006 года

**Кто и как подготовил и провел
самую масштабную кадровую
комбинацию
в новейшей истории России?**

**Методы и приемы
кремлевской политической конкуренции.
Никакой конспирологии – только факты!**

ISBN 978-5-699-28063-6

9 785699 280636 >

